

Глава I

УЧРЕЖДЕНИЕ

ТАМБОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В 1884–1917 гг.

1. Основные этапы разработки и прохождения в научных и правительственных кругах проекта архивной реформы Н.В.Калачова. Проект в окончательном его выражении

Начало второй половины XIX в. занимает в истории архивного дела в России особое место. Именно в этот период общественное сознание вплотную подошло к пониманию важности сохранения отечественного документального наследия. Свидетельством и одновременно результатом осознания данного факта явилась предпринятая в 70-х — начале 80-х годов XIX в. попытка коренной реорганизации архивного дела в стране. Направленная на централизацию архивного дела, реформа была подготовлена как предшествующими этапами архивного строительства, так и новыми объективными условиями, обусловленными введением в социально-политический строй России характерных для буржуазной государственности структур. Вызванная последним обстоятельством перестройка государственного аппарата неизбежно повлекла за собой переустройство сети ведомственных и исторических архивов. В результате в архивном деле второй половины XIX в. наметились две ярко выраженные тенденции — усиленная деятельность по комплектованию фондов, как следствие ликвидации значительного числа дореформенных государственных учреждений, и начавшееся в массовом порядке уничтожение документальных материалов из-за перегруженности архивных помещений. В попытке сколько-нибудь упорядочить этот процесс министерства и ведомства предприняли издание соответствующих инструкций и распоряжений. Так, в 1860 г. «Правила для хранения и уничтожения решенных дел» были приняты Государственным контролем и морским министерством, в 1861 г. — Главным управлением почт, военным министерством, министерством народного просвещения, а также министер-

ством путей сообщений и публичных зданий, в 1862 г. — министерством государственных имуществ, в 1864 г. — министерством финансов.¹ Однако издававшиеся правила, положения и инструкции преследовали своей целью не столько разработку архивов, сколько освобождение в них места посредством уничтожения дел, признанных необязательными для хранения.² К тому же ведомства имели различный взгляд на критерии выделения «ненужных» документов, в результате чего гибло значительное количество ценных исторических источников. Большинство ведомств придерживалось порядка уничтожения законченных дел, зафиксированного в инструкции министерства государственных имуществ следующим образом: «Они могут быть продаваемы с публичных торгов или другим законным порядком частным покупателям или бумажным фабрикантам, а вырученные от продажи деньги обращаются в канцелярскую сумму и преимущественно расходятся на устройство шкафов, ящиков и переплетных принадлежностей для хранения архивных дел, а также на раздачу наград и пособий чиновникам архивов».³ Последнее обстоятельство не могло не стимулировать заинтересованность архивных чиновников в уничтожении документов.

В 60-х годах XIX в. значительно облегчилась процедура уничтожения архивных материалов на местах. Утвержденное в 1845 г. «Положение об учреждении губернских правлений» предусматривало создание специальных комиссий по разбору старых дел в составе советника губернского правления, одного из губернских стряпчих и чиновника, назначаемого по усмотрению губернатора. Подготавливаемые ими описи предназначенных к уничтожению дел поступали на утверждение начальнику губернии, а в затруднительных случаях — министру внутренних дел.⁴ Этот порядок был в значительной степени ужесточен с принятием в 1848 г. положения Комитета министров об обязательном утверждении министром всех описей списываемых документов. В 1855 г. это право было передано сотрудникам министерства. Однако в соответствии с представлением последнего Государственный совет в 1867 г. пришел к решению о нецелесообразности подобного порядка и «в видах сокращения переписки» вернул этот вопрос в компетенцию губернского начальства.⁵ Таким образом, право уничтожения архивных материалов с конца 60-х годов всецело принадлежало представителям заинтересованных в разгрузке своих учреждений от бумаг присутственных мест, что открывало широкие возможности для произвола. В результате деятельности различных комиссий по разбору дел в 1847 г. в 18 губерниях к уничтожению было представлено 30 тысяч единиц хранения, в 1852 г. — 68 тысяч.⁶ Так, в архиве Нижегородского губернского правления в 1868, 1869, 1871 гг. было уничтожено 100 тысяч единиц хранения, Оренбургского правления — 11558 дел.⁷ Клинский уездный суд уничтожил все столбцы, предназначавшиеся для передачи в Московский архив министерства юстиции; хранители архива древних актов в Воротынске топили древними свитками печи.⁸

Значительное количество материалов погибало вследствие неудовлетворительных условий их хранения. В провинции лишь небольшая часть помещений соответствовала требованиям, предъявлявшимся к ним По-

ложением о губернских учреждениях. О строительстве в глубинке специальных зданий архивного типа не приходится и говорить. В связи с переполненностью учреждений бумагами акты делопроизводства переносились в сырые подвалы и на пожароопасные чердаки, где они долгие десятилетия оставались в неразобранном виде. В результате огромное количество документов погибало от сырости и пожаров. Так, в 1864 г. сгорели архивы ряда учреждений в Симбирске, в 1879 г. — архивы учреждений министерства финансов и других ведомств в Иркутске. В Казани от огня погиб исторический архив, хранивший материалы за период с XVI по XVIII вв.⁹

Подобное положение отечественного документального наследия не могло не вызвать обеспокоенности в среде широкой научной общественности. Интересы развивающейся исторической науки требовали принятия незамедлительных мер по устранению архивного «нестроения». Прежде всего, это было связано с расширением ее проблематики, оформлением в пореформенный период тенденции к комплексному изучению истории отдельных регионов страны. Концепция «областничества», сформировавшаяся под влиянием взглядов А.П.Щапова и Н.И.Костомарова, предполагала выявление и изучение все новых исторических источников по истории различных краев и областей. Создание трудов по региональной истории, в свою очередь, было невозможно без наведения порядка в провинциальных архивах. По словам С.Ф.Платонова, именно «местные документы, как бы они на первый взгляд ни казались мелкими и ничтожными, составляют первостепенную важность в глазах историка», так как без них нельзя «спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни».¹⁰ Все более завоевывавшая признание в среде буржуазных историков позитивистская методология, основанная на повышенном внимании к конкретному историческому факту, также требовала создания полноценной источниковой базы для развития исследований конкретно-исторического характера. Имевшее место в данный период усиленное развитие вспомогательных исторических дисциплин должно было опираться на упорядоченную архивную сеть с хорошо налаженным научно-справочным аппаратом. Особенно в этом нуждалась археография, переживавшая во второй половине XIX в. свой расцвет. Функционировавшие наряду с учрежденными ранее новые научно-исторические общества (Русское историческое общество, Виленская и Кавказская археографические комиссии и другие) активно занимались публикацией исторических источников, издавая многочисленные тематические собрания документов. Интерес к документальным свидетельствам прошлого был характерен в этот период и для широких слоев общественности. Показателем этого является популярность издававшихся журналов П.И.Бартенева «Русский архив» и М.И.Семевского «Русская старина» (1863 и 1870 гг. соответственно), на страницах которых значительное место занимали публикации архивных материалов.¹¹

Таким образом, необходимость коренной реорганизации архивного дела определялась как потребностями дальнейшего развития исторической науки, возросшим интересом общественности к историческому прошлому страны, так и необходимостью решения традиционной проблемы

архивного «нестроения» в связи с реальной угрозой потери части отечественного документального наследия.

Одним из первых к пониманию важности принятия незамедлительных мер для изменения сложившегося положения пришел видный русский архивный деятель, археограф и источниковед Николай Васильевич Калачов (1819–1885).¹² Более всего он был обеспокоен практикой бесконтрольного уничтожения дел, с которой ему пришлось столкнуться как в столичных архивах, так и в провинции. Для привлечения внимания широких кругов научной общественности к проблеме положения отечественных архивов он воспользовался предоставленной ему возможностью выступить на I археологическом съезде, состоявшемся в Москве в 1869 г. В своем докладе Калачов привел показательный для состояния провинциальных архивов эпизод. В ходе одной из своих археографических экспедиций он посетил Мокшан Пензенской губернии, где в архиве уездного суда обнаружил значительных размеров сундук, доверху набитый столбцами XVII в. По просьбе ученого архивариуса обещал принять меры к их сохранности. Однако, когда в 1868 г. в связи с началом приема в МАМЮ документов упраздненных судебных учреждений, в архив был послан соответствующий запрос, то выяснилось, что ценные исторические источники бесследно исчезли.¹³ На основе своего опыта, приобретенного в ходе многочисленных поездок по провинции, Калачов пришел к выводу о том, что подобные случаи не являются печальным исключением из правила в повседневной работе российских архивов и в силу этого должны стать поводом для серьезного обсуждения. Обрисовав картину архивной разрухи, он поставил ряд животрепещущих вопросов: «Спрашивается, как устранить... случаи гибели исторических и юридических материалов? Как сохранить их для потомства, которое, можно надеяться, научится вполне ценить их значение и важность не только для научных, но и для практических целей, и конечно упрекнет нас за нерадение о них. Как, наконец, устроить заведенные для того архивы так, чтобы они вполне соответствовали своему назначению быть хранилищем документов в настоящем смысле этого слова?»¹⁴ Пытаясь дать ответы на поставленные вопросы, Калачов предложил радикально улучшить условия хранения дел, ввести научную систематизацию и качественно новые принципы их описания, разработать единые правила хранения и уничтожения документов. Инструкции ведомств с перечнем подлежащих хранению категорий документов он охарактеризовал как настоящую угрозу для архивов, так как они санкционировали уничтожение всех материалов, не подходящих под перечисленные в них разряды. Не менее опасным был признан Калачовым и способ подачи описей документов местных архивов в высшие инстанции, ибо их составление поручалось тем же невежественным чиновникам, которым не доверялось уничтожение дел. «Каким гением, — обратился докладчик к делегатам съезда, — должен обладать чиновник высшего места, чтобы разгадать, какой материал, описанный таким образом [т.е. по первым строкам документа — *В.А.*] должен считаться важным и какой бесполезным для хранения. Даже если опись составлена исправно и тщательно, кто поручится, что какое-либо место,

не внесенное в опись, не будет исключительно важно для исследователя?»¹⁵ В результате Калачов сформулировал принцип, который архивисты навсегда свяжут с его именем: «пусть лучше лишнее хранится, чем полезное уничтожится».

Выступление Н.В.Калачова было выслушано с большим вниманием. В прениях по докладу делегаты съезда единодушно высказались за принятие незамедлительных мер по сохранению архивного богатства страны. Однако практические рекомендации на I археологическом съезде приняты не были, как отмечал впоследствии Калачов, «по недостатку времени». В этой связи в программу II археологического съезда предварительный комитет по его подготовке внес пункт «Обсуждение мыслей Н.В.Калачова об устройстве архивов». В целях подготовки вопроса о принципах переустройства архивного дела в стране была создана комиссия во главе с председателем Предварительного и Распорядительного комитетов II археологического съезда В.В.Вельяминовым-Зерновым, в состав которой вошли представители Комитета министров, ряда министерств и крупнейших архивов. На пяти состоявшихся в декабре 1871 г. заседаниях комиссии были обсуждены предложения Калачова и рассмотрены вопросы о правилах составления описей, подразделении архивов на разряды, условиях хранения документов, обустройстве архивных помещений и т.д. На основе высказанных предложений и рекомендаций председателем комиссии В.В.Вельяминовым-Зерновым и ее членами (Н.В.Калачовым, заведующим рукописным отделом Виленской публичной библиотеки П.А.Гильдебрандтом, членом Государственного совета Н.Н.Селифонтовым, представителем министерства юстиции Г.К.Репинским, председателем Петербургского окружного суда И.И.Шамшиным) был подготовлен для заслушивания на II археологическом съезде доклад об основных принципах переустройства архивного дела в стране. Проект предполагал организацию архивной сети, включающую в себя архивы справочные (при учреждениях) и центральные (для концентрации документов научного значения). В Петербурге планировалось создание Главной архивной комиссии как центрального органа, в состав которой должны были войти видные представители отечественного архивного дела и исторической науки. Кроме того, предусматривалось увеличение ассигнований на содержание архивов и выплату жалования их служащим. Общее собрание съезда утвердило доклад комиссии. При этом было выражено пожелание, чтобы центральные архивы были созданы не только в столичных центрах, но и в крупнейших городах империи. В заключение было принято решение об учреждении при министерстве народного просвещения временной комиссии для обсуждения общих вопросов устройства архивов и разработке положения о Главной архивной комиссии как правительственном органе.

27 февраля 1873 г. по докладу министра народного просвещения Комитет министров принял постановление об учреждении Временной комиссии по устройству архивов в составе 28 представителей министерств и ведомств во главе с Н.В.Калачовым. Уже на первом заседании комиссии 17 марта 1873 г. ее председатель поставил вопрос о том, что разработка положения об архивном правительственном органе может быть успеш-

ной только при условии ближайшего ознакомления с положением отечественных архивов, с одной стороны, и тщательного изучения постановки архивного дела за границей, с другой. Для выявления общей картины состояния российских архивов комиссия утвердила на заседании 23 марта того же года анкету из 16 вопросов,¹⁶ которая была разослана во все центральные и местные архивы. Для изучения опыта постановки архивного дела за рубежом Калачов в 1873 г. предпринял поездку по ряду западноевропейских государств — Германии, Бельгии, Нидерландам, Великобритании, Франции, Италии, Австро-Венгрии. Из заграничных путешествий председатель комиссии вывез богатые личные впечатления, а также отчеты руководителей ряда крупнейших архивов об их устройстве и собрание книг по истории архивного дела в странах Западной Европы. Знакомство с организацией обучения архивистов за рубежом привело его к мысли о создании в России археологического института, проект организации которого был утвержден на заседании комиссии 17 декабря 1875 г. Помимо этого, было разработано еще два проекта: «О Главной архивной комиссии» и «Правила о порядке хранения и уничтожения дел». Проект возлагал на Главную архивную комиссию в числе прочих ее обязанностей рассмотрение предназначенных к уничтожению документов. Однако на заседании 10 мая 1874 г. представитель морского министерства В.Г.Чубинский заявил, что выполнение подобной функции вряд ли под силу центральному органу, так как в этом случае ему пришлось бы посылать своих членов во все концы страны. В этой связи Г.К.Репинский и обратился к выработанному еще комиссией II археологического съезда в 1871 г. предложению об учреждении в губернских городах особых обществ для разбора местных документов и выделения из них дел, ценных в научном отношении.¹⁷ Эта мысль была поддержана членами комиссии; дальнейшее развитие она получила в докладе Калачова на III археологическом съезде, состоявшемся в 1874 г. в Киеве.

Основной вопрос, поднятый Н.В.Калачовым на съезде, был сформулирован в самом названии его доклада: «В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества?» Таким образом, на состоявшемся 15 августа 1874 г. третьем заседании второго отделения съезда (историческая география и этнография) Калачов впервые вынес на суд научной общественности идею создания при областных архивах исторических обществ. Цель планировавшихся при архивах научных обществ, по мысли докладчика, не должна была ограничиваться разработкой их фондов. На них возлагалась задача «сверх того оказать значительную услугу исторической науке подготовкой и сообщением прочного научного направления молодым людям, приготавливающим себя к историко-археологической деятельности».¹⁸ Следовательно, учреждаемые в провинции исторические общества должны были стать также своеобразной школой местных кадров историков и архивистов.

При обсуждении доклада Н.В.Калачова было высказано мнение о расширении круга деятельности губернских научных обществ. Так, председатель Московского археологического общества граф А.С.Уваров высту-

пил с предложением, чтобы губернские общества «не вдавались в одно-стороннее изучение только одного архивного материала», но изучали также вещественные памятники старины. Таким образом, на III археологическом съезде прозвучала идея, которая спустя десятилетие, претерпев значительную трансформацию, будет реализована в виде губернских ученых архивных комиссий. Дальнейшее развитие она получила на заседаниях Временной комиссии об устройстве архивов. В ее структуре была создана специальная подкомиссия в составе А.Ф.Бычкова, Н.И.Григоревича, Н.В.Калачова, Г.К.Репинского, М.И.Семевского, Н.В.Тихменева, В.Г.Чубинского, занявшаяся разработкой вопроса о принятии создания центральных архивов и исторических обществ при них.¹⁹ Однако идея учреждения местных исторических обществ по оставшимся неизвестными причинам не нашла отражения в двух подготовленных комиссией проектах. О них умалчивает окончательный вариант утвержденного 17 декабря 1875 г. «Положения о Главной архивной комиссии» (согласно ранее высказывавшимся предложениям, в ее обязанности должно было войти руководство деятельностью обществ). Не проводится эта мысль и в утвержденных на заседании 4 марта 1875 г. «Правилах о порядке хранения и уничтожения дел». Вероятно, на определенный период времени эта идея была оставлена.

В то же время, как показывает дальнейший ход событий, председатель Временной комиссии не отказался от мысли об учреждении провинциальных архивных обществ. В целях привлечения к этой идее внимания научной общественности он воспользовался созывом IV археологического съезда (1877 г., Казань). Указав на тенденцию роста интереса к изучению национальных основ и истории отдельных регионов, Н.В.Калачов предложил расширить задачи предполагаемых к созданию исторических обществ за счет включения в сферу их деятельности вопросов изучения народного быта, местных обычаев и традиций. «Думаю, что и эти исследования, — подчеркнул он, — были бы далеко не лишними в тех провинциальных обществах, которые назывались бы археологическими и историческими».²⁰ Однако значение будущих губернских обществ не исчерпывалось для Калачова одной лишь научно-исследовательской деятельностью. В его представлении они должны были играть ведущую роль в распространении знаний и воспитании патриотизма. «Есть еще и другое основание, — заявил Калачов, — которое также говорит очень сильно в пользу этих обществ... Дело в том, что изыскатели старины, работая на той же почве, которую возделывает земледелец, объясняя тот же памятник, мимо которого столько раз проезжает и пахарь, и прасол, и всякий другой местный житель, выслушивая их легенды, былины и песни, этим самым с одной стороны, развивают в народе дремлющие без того нравственные его силы и сочувствие к минувшему быту, а с другой стороны, возбуждают и укрепляют в нем любовь, которая хотя и без того есть в каждом к своему родному пепелищу, но любовь эта делается чрез то и сознательнее и сильнее. Таким образом, изучение старины целым обществом местных любителей и знатоков дела отражается на массе поселян, облагораживает их, возвышает их чувства и народную грамотность».²¹

Более того, будущие ГУАК представлялись Калачову как общественный институт, учреждение которого будет иметь чрезвычайно значимые социальные последствия. Своей просветительской деятельностью они должны были способствовать воспитанию и исправлению нравов местного населения, выполняя таким образом свой патриотический долг. «Это воспитание, — отметил он, — чрезвычайно медленное, но верное и прочное. Соедините его с грамотностью и обучением в тесном смысле этого слова и вы освободите наш народ от тех увлечений нетрезвой жизнью, которым он предается по незнанию лучшего отдохновения от своих тяжелых ежедневных работ».²² Таким образом, идея создания провинциальных исторических обществ наполнялась гораздо более глубоким содержанием, чем простое выполнение узко понятых научных задач.

Основным условием успешной деятельности местных обществ на данной стадии разработки проекта Н.В.Калачов полагал наличие в губерниях правильно организованных исторических архивов, возглавляемых профессионалами-архивистами. В то же время, исходя из понимания неизбежной утраты ряда документальных материалов в течение необходимого для организации архивов периода, он предложил местным любителям старины не дожидаться официального открытия «ученых» архивов и обществ. Они должны были взять инициативу в свои руки и приступить к созданию и тех, и других. Свое предложение Калачов адресовал, в частности, властям и общественности Казани, где проходил IV археологический съезд. Идея докладчика было поддержана профессором Казанского университета С.М.Шпилевским и доцентом Д.А.Корсаковым, отметившими, «что учреждение архивов в городах, при уже созревшей потребности исторического изучения местности, при развивающемся желании изучить свою родную область — необходимо».²³

К непосредственной реализации своего плана Н.В.Калачов приступил в 1882 г. На имя министра внутренних дел П.Н.Игнатьева был направлен проект «Положения об описании и хранении губернских древностей», в котором предлагалось учреждение «ученых комиссий о древностях». Проект получил одобрение министра, однако дальнейшее его движение было остановлено ввиду последовавшей вскоре отставки Игнатьева. В этой связи Калачов попытался заручиться поддержкой министра юстиции Д.Н.Набокова, пообещав ему участие членов будущих комиссий в разборе документов упраздненных реформой бывших судебных учреждений. В то же время он предпринял попытку вызвать интерес к своему начинанию со стороны нового министра внутренних дел Д.А.Толстого, одновременно возглавлявшего Академию наук. Получив его согласие, Калачов направил в адрес Историко-филологического отделения Академии записку, которая была зачитана на заседании 25 октября 1883 г.²⁴ В ней он выдвинул ряд аргументов в пользу скорейшего создания ученых комиссий. Во-первых, в записке указывались многочисленные случаи уничтожения документальных комплексов вследствие некомпетентности привлекаемых к этой работе лиц. Во-вторых, Калачов остановился на той роли, которую комиссии смогут сыграть в запланированном Академией издании государственных актов периода укрепле-

ния русского централизованного государства. В-третьих, он отметил поддержку своего начинания со стороны министерства юстиции, которое высказалось за учреждение комиссий в нескольких ближайших к Москве губерниях. В качестве наиболее подходящих по обилию сохранившихся в них письменных памятников старины Калачов определил Владимирскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тверскую, Новгородскую губернии. Вслед за ними комиссии должны были быть учреждены в Псковской, Тульской, Орловской, Калужской, Ярославской и Нижегородской губерниях.²⁵

Академия наук одобрила предложение Н.В.Калачова о создании ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов. На основе его доклада был разработан и внесен на рассмотрение министра внутренних дел проект соответствующего положения. В свою очередь, Д.А.Толстой получил 15 марта 1884 г. разрешение Александра III на внесение проекта в Комитет министров.²⁶ 3 апреля 1884 г. состоялось заседание Комитета министров, на котором присутствовал Калачов, выступивший с пояснениями относительно условий открытия комиссий. Опасаясь, что проект может быть отклонен из-за отсутствия в казне необходимых средств, Калачов уже в начале своего выступления заявил, что расходы по устройству и содержанию комиссий предполагается отнести на частные средства, как уже имеющиеся, так и могущие поступить в виде взносов и пожертвований заинтересованных лиц. Особо он подчеркнул то обстоятельство, что основным условием открытия комиссий является согласие местных властей в лице губернатора. К Тамбовской, Рязанской и Тверской губерниям, где предполагалось открыть первые комиссии, Калачов предложил присоединить еще и Орловскую, ввиду уже имевшегося в Орле необходимого для комиссии помещения. Размышляя о возможности дальнейшего расширения начатого предприятия, докладчик высказал предположение, что решающим фактором явится не столько финансовый, сколько «человеческий», определяющийся наличием на местах должного числа заинтересованных в сохранении и разработке памятников старины лиц. Обсудив доклад, члены Комитета министров признали необходимость неотложных практических мер по обеспечению сохранности архивных материалов и их дальнейшем научном изучении. Инициатива Калачова была признана заслуживающей «полного сочувствия и поощрения правительства». В то же время установление окончательных принципов устройства и порядка деятельности проектируемых ученых архивных комиссий было сочтено преждевременным. В конечном итоге Комитет министров выразил согласие на реализацию проекта Калачова, оговорив при этом следующие условия: во-первых, источники комплектования губернских исторических архивов ограничивались материалами, предназначенными в архивах местных ведомств к уничтожению; во-вторых, вопрос об открытии комиссий был поставлен в зависимость от решения министра внутренних дел; в-третьих, комиссии ни в настоящем, ни в будущем не должны рассчитывать на финансирование из государственного бюджета.²⁷

13 апреля 1884 г. «Положение о губернских исторических архивах и губернских ученых архивных комиссиях» было утверждено императором. Оно состояло из девяти пунктов, в которых определялись состав, функ-

ции и обязанности архивных комиссий.²⁸ Основной целью создаваемых научных обществ провозглашалось собирание и приведение в порядок не требующихся для текущего делопроизводства документов и создание на их основе губернских исторических архивов. В число обязанностей ГУАК включались следующие: разбор дел, предназначенных в губернских и уездных архивах различных ведомств к уничтожению, и выделение из них материалов научного значения для хранения в исторических архивах; составление им описей и указателей; расположение дел в доступном для научных занятий порядке. Кроме того, предполагалось включить в круг занятий комиссий «разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины». Согласно третьему параграфу, открытие комиссий осуществлялось по соглашению Археологического института с местным губернатором. Состав определялся из числа служащих и не состоящих на службе лиц, могущих «быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу». Непременным попечителем комиссии назначался губернатор, а председателя и правителя дел члены комиссий получали право избирать на своем первом собрании. Отчеты о своей деятельности ГУАК обязывались предоставлять в Археологический институт, директор которого направлял их в Академию наук. В качестве источников финансирования обществ назывались Археологический институт и «местные пожертвования на пользу науки».

«Положение» не оговаривало такие важные вопросы жизнедеятельности учреждаемых обществ, как структура, правовой статус, границы компетенции, порядок взаимоотношений с местными правительственными учреждениями. Ввиду последнего обстоятельства доступ членом комиссий в ведомственные архивы всецело зависел от позиции губернской и уездной администрации. Отсутствие официального статуса комиссий неизбежно накладывало отпечаток на характер создаваемых ими исторических архивов. «Положение» указывало лишь на источник их комплектования, но не гарантировало предоставления помещений и необходимых средств. Расширив границы деятельности комиссий за счет включения в сферу их компетенции вещественных памятников, «Положение» в то же время не оговаривало полномочий местных научно-исторических обществ по охране памятников старины. Не определялся состав рядовых и должностных членом комиссий. Наиболее слабой стороной вновь создаваемых научных обществ было их материальное положение. Предполагаемые «Положением» источники финансирования были более чем ненадежны. Археологический институт, учрежденный как частное учебное заведение и взятый на государственный бюджет лишь в 1883 г., был не в состоянии субсидировать деятельность комиссий. Рассчитывать же на значительные местные пожертвования в пользу науки не приходилось из-за новизны предприятия и невозможности предвидеть реакцию на него губернского общества. Некоторые исследователи полагают, что Н.В.Калачов, как директор Археологического института, в полной мере осознавал отсутствие у него возможности субсидировать архивные комиссии, равно как и недостаточность местных пожертвований для нормального функционирования ГУАК.²⁹ Однако при этом он исходил из

того, что материальная необеспеченность комиссий может оказаться серьезным препятствием для утверждения проекта, и надеялся, что в дальнейшем удастся добиться государственных ассигнований. Существует также мнение о том, что Калачов сознательно стремился избежать детальной регламентации как условий будущей деятельности ГУАК, так и круга их занятий. При этом основатель комиссий преследовал ряд целей и прежде всего исходил из расчета, что в подобном виде проект имеет больше шансов быть утвержденным. Убедившись в том, что его широко-масштабные планы не встречают поддержки правительства, Калачов, руководствуясь, по мнению Ю.И.Гессена, желанием избежать ожидаемых препятствий, набросал «лишь неясные контуры своего замысла, дабы тот, кто хотел бы противодействовать его плану, не нашел опоры в общей конструкции плана или в отдельных его твердо установленных частях».³⁰

Непосредственная практическая работа по созданию ГУАК началась весной 1884 г. 6 мая был издан циркуляр министра внутренних дел, адресованный начальникам губерний Российской империи. В нем сообщалось об учреждении в виде опыта в Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской губерниях ученых архивных комиссий и исторических архивов.³¹ Сообщая о результатах переписки с губернаторами, Н.В.Калачов писал Д.А.Толстому: «Из первых уже с ними сношений, предваривших даже мои запросы, вполне убедился не только в полной готовности их содействовать всеми зависящими от них средствами исполнению Высочайшей воли, но и в ревностном сочувствии представителей разных сословий в их губернских городах к предпринимаемому Академией наук великому делу возбуждения в губерниях любви к их историческим памятникам и к принятию мер для приведения их в известность, описанию их и охране от порчи и уничтожения».³²

Создание губернских ученых архивных комиссий, по признанию самого Н.В.Калачова, явилось «полумерой» и было вызвано отказом правительства реализовать проект реформы архивного дела в полном объеме. Собственно сам проект не дошел до рассмотрения в правительстве, так как был отклонен уже на уровне министерства финансов, нашедшего его несвоевременным по состоянию государственного казначейства. Причины неудачи попытки реорганизации архивного дела в 70–80-х годах XIX в. освещались в отечественной историографии. В советское время авторы переносили акцент на классовую сущность царского правительства, которое, по их мнению, лишь создавало видимость меропрятий, направленных на упорядочение архивного дела, но на самом деле стремилось не допустить проведения реформы в духе централизации, желая сохранить архивы в руках дворянской бюрократии. Подобную точку зрения высказывали И.Л.Маяковский и Н.В.Бржостовская.³³ Помимо этого Бржостовская называла в качестве причины провала попытки реформировать архивное дело в общегосударственном масштабе свойственный государственному аппарату царской России недостаток административной культуры. К.А.Мазин также указывал на общую направленность политики самодержавия по сдерживанию проникновения буржуазных элементов во все отрасли управления и его нежелание лишать чиновничий

аппарат самодержавия монопольного обладания архивами.³⁴ Сформулированное Бржостовской положение о провале реформы вследствие отсутствия у российского бюрократического аппарата административной культуры рассматривается им в свою очередь как неизбежный результат «классовой природы гнивающего самодержавия». В.К.Бондаренко отмечает, что проведение реформы было не в интересах дворянского государственного аппарата, так как в этом случае из-под его контроля уходила часть ведомственных архивов и неизбежно ослабевал контроль над использованием документальных материалов.³⁵ М.И.Автокротова и В.Н.Самошенко в статье, посвященной деятельности профессора кафедры архивоведения МГУ С.К.Богоявленского, оспаривают данное им объяснение причин неудачи реорганизации архивного дела. Богоявленский связывал их с отсутствием в казне средств на содержание новых архивных учреждений и неудачно выбранным моментом: надвигалась война с Турцией, и это «поглотило внимание политиков и финансистов». Авторы статьи разделяют принятое в советской историографии мнение о нежелании самодержавия утратить контроль над архивами. Позицию Богоявленского они объясняют тем, что он не успел освободиться от взглядов и положений буржуазного архивоведения.³⁶ В другой своей работе Самошенко отмечает, что не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что реформаторская деятельность Н.В.Калачова пришлась на годы, когда подъем либеральных реформ уже закончился, и на «этой высокой волне ему удалось сделать гораздо меньше, чем он хотел».³⁷ Представляется, что в действительности имели место причины, носившие как объективный, так и субъективный характер. С одной стороны, борьба за осуществление архивной реформы велась уже на излете буржуазных реформ 60–70-х гг., что не могло не повлиять на ее исход, с другой стороны, сказалась перегруженность государственной казны военными расходами в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., и, наконец, нельзя списывать со счетов идущие из глубины веков традиции небрежительного отношения к отечественным древностям, в том числе и к документальному наследию.

2. Предпосылки создания ученой архивной комиссии в Тамбове и ее организационная структура в 1884–1917 гг. Динамика руководящего состава и рядовых членов

Выбор губерний, определенных для учреждения в них первых четырех ГУАК, был обусловлен рядом исходных посылок. Во-первых, предполагалось, что это должна быть «неуниверситетская» провинция, так как в крупных научных центрах выполнение функций комиссий могли принять на себя университеты и научные общества. Во-вторых, в предполагаемых для создания ГУАК регионах должны были иметь место определенные культурно-исторические предпосылки в виде библиотек, музеев, архивов, а также некоторого числа лиц, заинтересованных в разработке местных исторических материалов. В-третьих, важным обстоятельством являлось наличие здесь значительных комплексов документальных па-

мятников, сохранность которых не гарантировалась условиями их хранения. В своем выступлении на III археологическом съезде Н.В.Калачов со всей определенностью высказался за учреждение комиссий прежде всего в тех регионах, где «относятся хладнокровно к уничтожению древних памятников, где нужно еще пробуждать любовь к археологии». ³⁸ Спасение отечественных древностей должно было стать первоочередной задачей учреждаемых местных научных обществ.

Тамбовская губерния в полной мере удовлетворяла вышеназванным требованиям. Губернский город Тамбов являлся типичным русским провинциальным центром, обладавшим определенными культурно-просветительскими и историко-краеведческими традициями. В 1833 г. по инициативе местных любителей чтения здесь была основана одна из первых в российской провинции публичных библиотек, ³⁹ официально утвержденная положением Комитета министров от 29 мая 1834 г. ⁴⁰ В городе устраивались выставки достижений местных промыслов и сельского хозяйства, работ местных художников, проводились другие культурно-просветительные мероприятия. В 1879 г. к столетнему юбилею Тамбовского наместничества был создан губернский историко-этнографический музей. Ввиду отсутствия помещения для музея на совместном заседании комитетов музея и библиотеки 4 декабря 1880 г. было решено ходатайствовать перед министерством внутренних дел об их слиянии в одно просветительное учреждение и передаче его в ведение губернского земства. ⁴¹ Спустя два года губернский статистический комитет выступил с инициативой создания при библиотеке исторического архива. Присутствовавший на объединенном заседании комитета библиотеки и статистического комитета Н.В.Калачов «с особым удовольствием», по свидетельству присутствовавших, воспринял «суждения о тех мерах, которые были предложены... для расширения на пользу просвещения и развития в Тамбове губернских научных сведений». ⁴² В результате Калачов сообщил в министерство внутренних дел о том, что «едва ли в каком-либо другом городе есть такие уже готовые данные для осуществления подобного предложения». ⁴³

К началу 80-х годов XIX в. в Тамбовской губернии сложились определенные традиции в области изучения исторического прошлого края. Они были связаны с именами С.А.Березнеговского, Г.В.Хитрова, И.Добросердова, В.Х.Феоктистова, И.Н.Кобякова, П.И.Пискарева и др. В 1837 г. в губернии был основан статистический комитет, издавший с 1861 по 1894 гг. семь «Памятных книжек», в которых публиковались статьи по истории края. Активной исследовательской деятельностью занимался зарекомендовавший себя к этому времени знатоком тамбовской старины преподаватель Александринского института благородных девиц и Екатерининского учительского института И.И.Дубасов. Личное знакомство Н.В.Калачова с талантливым провинциальным историком, состоявшееся в 1883 г. во время работы последнего в Московском архиве министерства юстиции, во многом предопределило выбор Тамбова для учреждения в нем одной из первых ученых архивных комиссий. «На нем, — подчеркивал в одном из своих писем Калачов, — главным образом основана моя надежда открыть в Тамбове комиссию для описания музейных древностей и архивов, без него же

нечего и начинать... Тамбов — такой город, в котором, если теперь нельзя осуществить мой проект, то едва ли он окажется вообще осуществимым». ⁴⁴ К тому же Тамбовская губерния была богата ценными документальными комплексами, без разбора уничтожавшимися местными чиновниками в целях освобождения присутственных мест от «хлама». По словам Дубасова, ему не раз приходилось встречать дела о расхищении архивов и наблюдать продажу архивных бумаг возами на обертки. Будущий член комиссии Н.А.Покровский свидетельствовал о хищении документов Тамбовского окружного суда. «Конечно, — писал он, — иногда в этих делах расхищался хлам, но нередко пропадали и более дорогие материалы архива, разборкой которого стали заниматься лишь недавно». ⁴⁵ Калачов, неоднократно бывавший в Тамбовской губернии, лично удостоверился в справедливости подобных утверждений. В письме неперемому секретарю Академии наук К.С.Веселовскому от 16 января 1884 г. он писал: «<...> особенно грустно смотреть на уничтоженные таким образом драгоценные столбцы Шацкого и других архивов, хранящихся в Тамбове, в котором и следовало бы открыть прежде всего проектируемую мною губернскую ученую комиссию». ⁴⁶ Из данного высказывания можно заключить, что непосредственным поводом для учреждения ГУАК в Тамбове стала озабоченность Калачова судьбой архива Шацкой канцелярии (обширного комплекса документальных материалов XVII-XVIII вв.), а также других собраний местных архивов, находившихся под угрозой уничтожения.

Впервые вопрос о возможности организации в Тамбовской губернии научного общества был поставлен перед губернатором А.А.Фредериксом в 1882 г. В письме от 4 ноября Н.В.Калачов сообщил ему о подготовленном проекте по изучению российской провинции в археологическом, этнографическом и общеисторическом отношении и намерении приступить к его реализации в двух представляющих для этого наиболее благоприятные условия губерниях. На основании личного знакомства с местными любителями старины Калачов пришел к заключению, что они могли бы взять на себя труд по изучению, описанию и хранению губернских древностей. В этой связи он обратился к заинтересованным лицам с предложением высказать свое мнение о возможности реализации проекта в Тамбове. Фредерикс в свою очередь предположил, что удобнее всего было бы открыть местное историческое общество при публичной библиотеке и музее. В этом случае автоматически определился бы его состав и решился вопрос о помещении — им мог бы стать мезонин здания публичной библиотеки, должным образом расширенный и приспособленный для нужд комиссии. ⁴⁷ 25 января 1883 г. министерство внутренних дел прислало запрос на имя тамбовского губернатора о наличии «достаточного помещения» для предполагаемого к учреждению научного общества и об имеющихся для организации архива и музея средствах. В ответе от 12 сентября 1883 г. Фредерикс сообщил, что здание публичной библиотеки будет перестроено в соответствии с нуждами комиссии, а средства на его содержание даст аренда первого этажа Тамбовским коннозаводским собранием. ⁴⁸ В мае 1884 г. проект перестройки здания библиотеки был утвержден министерством внутренних дел.

Открытие Тамбовской ученой архивной комиссии произошло 12 июня 1884 г. Она стала второй после Орловской (открывшейся 11 июня) из четырех предполагавшихся к учреждению ГУАК. 12 июня в доме губернатора А.А.Фредерикса под его председательством состоялось общее собрание представителей учебных заведений и административных учреждений. На нем было заслушано циркулярное предложение министра внутренних дел об учреждении ГУАК в Тамбове и письмо Н.В.Калачова, в котором сообщалось о предоставлении субсидии на отделку помещения комиссии. Заседание было продолжено 13 июня. На этот раз председательствовал прибывший в Тамбов из Орла основатель ГУАК. В своем выступлении он обрисовал цели и задачи создаваемого учреждения, главнейшую из которых определил как спасение провинциальных архивов. «В последнее время, — сказал Калачов, — в архивах некоторых учреждений накопилась такая масса документов, что приходится их уничтожать, но такое истребление дел весьма вредно, потому что при этом легко могут исчезнуть документы, интересные в научном отношении или важные в практической жизни, впоследствии уже ничем нельзя будет вознаградить этой утраты».⁴⁹ Он указал на архивы учреждений, особенно богатых ценными документами — казенной и контрольной палат, губернской управы, духовного ведомства. Подчеркнув, что с самого начала затруднительно определить программу всех предстоящих комиссии занятий, Калачов предложил приступить прежде всего к разбору дел XVIII в., составив опись документам до 1800 г. Особо он остановился на просветительской функции комиссии, указав, что ГУАК предстоит нести знания и воспитывать патриотизм в среде местного населения.

На заседаниях 12-13 июня определился общий и руководящий состав ГУАК. Председателем комиссии был назначен уроженец Тамбовского края, директор Екатерининского учительского института Иван Иванович Дубасов. Товарищем председателя стал Арсений Петрович Муравьев, занимавший должность председателя Тамбовского окружного суда. Правителем дел был избран преподаватель гимназии Василий Васильевич Соловский. В соответствии с § 3 «Положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» неперменным попечителем ГУАК стал губернатор А.А.Фредерикс. Действительными членами комиссии, согласно выраженному ими пожеланию, были утверждены следующие лица: управляющий государственными имуществами Тамбовской губернии А.К.Горецкий, преподаватель гимназии М.П.Григорьевский, инспектор классов Александринского института благородных девиц К.Р.Вернадер, исполняющий обязанности директора реального училища В.А.Заринский, законоучитель реального училища Г.В.Хитров, помощник классного наставника гимназии А.И.Сатин, бывший городской голова Д.И.Тимофеев, председатель Тамбовской земской губернской управы Л.В.Вышеславцев, исполняющий обязанности инспектора духовной семинарии Д.Н.Астров, заведующий приходским училищем Н.В.Быстров, архитектор А.И.Карапетов, врач Н.А.Покровский, старший нотариус окружного суда М.Г.Розанов, директор гимназии И.Ф.Тихий, исполняющий обязанности инспектора гимназии Г.М.Холодный.⁵⁰ В пос-

ледующие два месяца в состав комиссии вошли иногородние члены: начальник отделения МАМЮ И.Н.Николев, библиотекарь МГАМИД И.Ф.Токмаков, священник из Козлова Ф.П.Пацюков, бывший штатный смотритель Козловского уездного училища П.И.Пискарев.

Таким образом, состав ГУАК в первый год ее существования насчитывал 23 человека. Большинство из них принадлежало к числу представителей местной интеллигенции (преимущественно преподавательскому составу училищ и гимназий), двое членов носили духовное звание и четверо представляли городскую администрацию. Большое значение для деятельности комиссии имело членство сотрудников двух крупнейших московских архивов. Впоследствии они оказали значительную помощь в выявлении и публикации материалов по истории края из собраний МАМЮ и МГАМИД.

Согласно утвержденной в 1887 г. инструкции Археологического института, высшим распорядительным органом губернских ученых архивных комиссий как в вопросах организации научных исследований, так и в текущих делах являлись общие собрания сотрудников. В отчете за 1891 г. цель общих собраний Тамбовской комиссии сформулирована как «совещательное и распорядительное служение местной архивной деятельности».⁵¹ Проводившиеся комиссией собрания подразделялись на две категории — общие и годовые. Впоследствии, по уставу ГУАК, в случаях, не терпящих отлагательства, стали созываться экстренные заседания. На общих собраниях заслушивались научные доклады и рефераты; обсуждались вопросы, связанные с состоянием архива, музея и библиотеки, отношениями с различными учреждениями (научными и административными), финансовым положением и текущими нуждами комиссии; зачитывались списки поступивших по обмену изданий и перечни переданных в дар памятников (письменных и вещественных); рассматривались описи отобранных на хранение документов; избирались новые члены. На итоговых годовых собраниях заслушивались и утверждались отчеты правителя дел, казначея, хранителей архива и музея за истекший год. Завершающим месяцем отчетного года являлся октябрь, так как в ноябре истекал срок представления годового отчета в Археологический институт. Вследствие этого годовые собрания, как правило, проводились в ноябре, однако строго это правило не соблюдалось. Даты проведения общих собраний назначались председателем по мере накопления предназначенных для рассмотрения материалов, либо в зависимости от степени неотложности решения текущих дел. Время от времени поднимался вопрос об упорядочении сроков созыва заседаний. Так, на собрании 8 января 1885 г. с подобным предложением выступил И.И.Дубасов.⁵² Он заявил о необходимости сделать собрания регулярными и проводить их строго один раз в месяц. Однако отсутствие необходимых условий и занятость членов комиссии по основному месту работы препятствовали последовательному выполнению этого решения. Члены комиссии оповещались о днях собраний печатными приглашениями. В случаях, когда собрание не могло прийти к окончательному решению по тому или иному спорному вопросу, организовывались специальные комиссии в соста-

ве нескольких сотрудников. Им вменялось в обязанность выяснить все обстоятельства дела и известить собрание о принятом решении. По результатам каждого заседания правитель дел составлял «журнал», являвшийся протоколом собрания. Принятые на общих собраниях постановления, предписания и инструкции служили руководством для деятельности администрации комиссии и были строго обязательны для ее членов. Решение вопросов, превышавших полномочия председателя комиссии, откладывалось им до созыва собрания ее членов.

Комиссия практиковала проведение торжественных юбилейных заседаний и собраний, посвященных памяти своих выдающихся сотрудников. Так, 12 июня 1899 г. состоялось торжественное собрание в честь пятидесятилетия ТУАК, 28 января 1914 г. — двадцатипятилетия научной и литературной деятельности А.Н.Норцова.⁵³ 3 декабря 1885 г. было созвано экстренное заседание, посвященное памяти Н.В.Калачова, 21 сентября 1889 г. — губернатора А.А.Фредерикса, 7 января 1914 г. — И.И.Дубасова.⁵⁴ 12 октября и 11 ноября 1914 г. прошли собрания с целью сбора средств на военные нужды. В них приняли участие все проживавшие в Тамбове члены комиссии, а также 400 приглашенных лиц. Собранная сумма в размере 106 рублей 52 копеек была сдана в Тамбовское губернское казначейство.⁵⁵

На заседании 1 декабря 1889 г. И.И.Дубасов внес предложение о проведении по примеру Нижегородской комиссии особых заседаний, приуроченных к памятным датам, т. н. «историческим дням». В этой связи В.В.Соловский обязался составить перечень дат с описанием исторических событий прошлого.⁵⁶ Однако данное предложение реализовано не было. Учитывая опыт все той же Нижегородской комиссии, тамбовские историки стремились придать своим заседаниям открытый характер. В декабре 1889 г. было принято решение о предоставлении права посещения собраний ТУАК посторонним лицам при наличии рекомендации членов комиссии. Подобная практика получила широкое применение во второй период деятельности ТУАК, когда по инициативе А.Н.Норцова на заседания ТУАК приглашались в качестве гостей офицеры из расквартированных в городе воинских частей.

В первое время заседания комиссии проходили на квартире И.И.Дубасова или в здании Екатерининского института, затем — в собственном помещении ТУАК. Однако в начале 90-х годов в связи с необходимостью его ремонта члены комиссии были вынуждены перенести свои собрания в помещение Нарышкинской читальни. Подобное положение не вполне устраивало местных архивистов, так как в этом случае возможность организации их встреч была поставлена в зависимость от посторонних обстоятельств. Побывавший в Тамбове в июне 1901 г. директор Археологического института Н.В.Покровский выразил пожелание о возвращении ТУАК в собственное помещение. Однако его приспособление для проведения заседаний требовало отсутствовавшей в казне комиссии суммы в 80 рублей.⁵⁷

Первые девять лет собрания проводились достаточно регулярно — каждые два месяца, по пять-шесть заседаний в год. Всего с 1884 по 1915 г. комиссией было проведено 233 общих собрания. На первом этапе наибо-

лее плодотворный период деятельности пришелся на 1886-1892 гг. В 1894 г. наблюдается некоторый спад в активности работы ТУАК. Так, в 1894-1896 гг. было проведено по четыре ежегодных заседания, в 1897 г. — два, в 1898 г. — одно. В этой связи отчет комиссии за 1896 г. констатировал: «<...> если сравнить количественные результаты ее работы с прошлыми годами, то не трудно заметить, что во всех статьях наблюдается ослабление».⁵⁸ Причины указанного обстоятельства крылись в неблагоприятных финансовых условиях деятельности ТУАК, осложненных факторами субъективного характера. Немаловажную роль сыграли потери в составе комиссии, связанные со смертью или передвижениями по службе отдельных, наиболее деятельных сотрудников. По неудачному стечению обстоятельств комиссия осталась в это время практически без руководства. Это было связано с затянувшейся болезнью председателя И.И.Дубасова и товарища председателя А.П.Муравьева, в скором времени скончавшегося после тяжелой душевной болезни (1898 г.), а также отъездом из города получившего новое служебное назначение правителя дел П.А.Дьяконова, занимавшего эту должность в течение десяти лет. Другой, не менее важной, причиной спада активности ТУАК стало все более очевидное равнодушие тамбовского общества по отношению к деятельности местной научной организации. «При таких условиях, — заметил правитель дел в отчете за 1899 г., — немного нашлось лиц, которые могли сохранить любовь к архивному делу, принося на служение ему свое посильное умение и небольшой досуг».⁵⁹

Новый подъем в деятельности ТУАК связан с именем А.Н.Норцова. С его назначением на должность председателя резко увеличилось количество общих собраний комиссии. За период с 1900 г. по 1916 г. их число составило от восьми до пятнадцати в год. На заседании 7 декабря 1899 г. Норцов предложил устраивать собрания в определенные дни с периодичностью один раз в неделю. Подобные заседания не должны были быть обязательными для всех членов, они организуются для любителей старины и фольклора с приглашением всех заинтересованных лиц. Несмотря на поддержку членами комиссии данного предложения, его так и не удалось воплотить в жизнь.

Стремясь сделать собрания ТУАК более плодотворными, А.Н.Норцов на заседании 11 сентября 1900 г. предложил посвящать все время заседаний исключительно решению научно-исследовательских проблем, не тратя его на обсуждение вопросов «хозяйственной жизни».⁶⁰ Однако на практике сложилась как раз обратная картина. В период председательства А.Н.Норцова вопросам собственно научной деятельности комиссии уделялось гораздо меньше внимания, чем раньше. Отчасти это было связано с продолжавшимся ухудшением материального положения ТУАК. В результате из восьми состоявшихся в 1900 г. собраний четыре было посвящено финансовым проблемам и вопросу о помещении. В этой связи Б.Г.Фиксен выступил с предложением назначать для решения хозяйственных вопросов особые экстренные заседания с тем, чтобы не отнимать на них время, предназначенное для обсуждения научной стороны деятельности ТУАК.⁶¹ Предложение было принято, но сложившаяся практика не способствовала его последовательному выполнению.

Второй председатель комиссии стремился к достижению возможно более полного соответствия внешней формы и внутреннего содержания ее деятельности целям официального охранительного направления. В этой связи он поставил перед собой задачу установить самые тесные связи с императорским домом. В 1902 г. руководство ТУАК обратилось к великому князю Константину Константиновичу с просьбой о принятии тамбовских историков под его покровительство. Однако великий князь ответил отказом под предлогом «множества занятий по всем уже принятым на себя обязательствам». ⁶² Тем не менее А.Н.Норцов не оставил мысли о высочайшем покровительстве. В 1904 г. по его инициативе ходатайство было направлено в адрес самого императора. ⁶³ Николай II ответил согласием, и 11 ноября 1904 г. по докладу министра внутренних дел он утвердил соответствующее положение. Тамбовская комиссия стала первой в ряду ГУАК, принятых под императорское покровительство. ⁶⁴ По этому поводу 5 декабря того же года было созвано экстренное заседание комиссии. Норцов произнес речь, в которой еще раз подтвердил приверженность ТУАК идее самодержавной власти. «Комиссия, — сказал он, — удостоилась столь высокой милости и такого редкого счастья, которое не выпадало еще на долю ни одной из ученых архивных комиссий России. Наш долг, наша обязанность всегда оставаться на высоте царского всемилостивейшего внимания: быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки, оставаться неизменно искренними и преданными почитателями русской самодержавной власти, вековую преемственность коей мы, как старые архивисты и археологи, изучали еще на страницах исторических актов самодержавных великих царей наших — собирателей, зиждителей и хранителей Великой Руси». ⁶⁵

19 декабря 1904 г. был утвержден состав специальной депутации в лице А.Н.Норцова, В.В.Воейкова и Н.А.Маклакова для поднесения царю адреса и изданий комиссии. Представление тамбовских историков Николаю II состоялось 5 марта 1905 г. в Царскосельском Александровском дворце. Царю были вручены исторический очерк деятельности ТУАК за период с 1884 г. по 1904 г., адрес и полное собрание изданных ею трудов. С этих пор между императором и Тамбовской комиссией установилась регулярная связь, которая выражалась в обмене телеграммами в связи с важнейшими внутри- и внешнеполитическими событиями, а также семейными праздниками императорской фамилии.

Следующая встреча тамбовских архивистов и Николая II состоялась 3 февраля 1910 г. по случаю двадцатипятилетия комиссии. А.Н.Норцов, В.В.Воейков и Н.В.Павлов были приглашены в Александровский дворец, где они вручили царю труды ТУАК и один из экспонатов Тамбовского музея — стакан начала XVIII в. с изображением двуглавого орла и надписью «Виват царь Петр Алексеевич». ⁶⁶ Николай II поблагодарил членов комиссии за научные труды и пожелал успехов в дальнейшей деятельности. Тогда же произошла беседа с великим князем Константином Константиновичем, в ходе которой поднимались вопросы о трудах и условиях деятельности тамбовских историков. Несмотря на то, что великий князь отказался от предложенного ему в 1909 г. звания почетного члена ТУАК,

в дальнейшем он неизменно проявлял интерес к ее деятельности и обменивался с ней изданиями. В одном из своих частных писем от 28 января 1910 г. Норцов, описывая встречу представителей комиссии с Константином Константиновичем, пишет, что был «совершенно очарован им, до такой степени он отнесся внимательно к депутации, принял книги и подробно расспрашивал меня о моих трудах». ⁶⁷ Достаточно тесные связи комиссия установила с другим членом императорской семьи — председателем Русского исторического общества великим князем Николаем Михайловичем, с которым осуществлялся обмен научными трудами. 16 февраля 1915 г. он изъявил согласие на принятие звания почетного попечителя Тамбовской архивной комиссии. ⁶⁸

Встречи сотрудников комиссии с императором происходили не только в Петербурге, но и на тамбовской земле. Так, 7 декабря 1914 г., совершая поездку по прифронтовым и тыловым губерниям, Николай II в сопровождении свиты, в том числе почетных членов ТУАК министра внутренних дел Н.А.Маклакова и товарища министра В.Ф.Джунковского, побывал в Тамбове. ⁶⁹ В числе приветствовавших царя была депутация местной ученой архивной комиссии в составе А.Н.Норцова, В.И.Конобеевского, И.И.Львова и Е.З.Корбут. Они преподнесли Николаю II очередные выпуски «Известий», получив пожелание успеха в деятельности «на пользу родной исторической науки». ⁷⁰

Принятие комиссии под высочайшее покровительство повлекло за собой заметное изменение формы и содержания общих собраний, ставших гораздо более официальными по своему характеру. Теперь значительная часть времени на заседаниях уходила на служение молебнов, выражение верноподданнических чувств, составление приветственных и благодарственных посланий в адрес императора, заслушивание ответных телеграмм царя и т.д. Каждая годовщина принятия ТУАК под высочайшее покровительство сопровождалась проведением торжественных собраний и отправкой телеграмм, представление о содержании которых дает одна из них, относящаяся к 1912 г.: «Члены Тамбовской ученой архивной комиссии по случаю восьмой годовщины всемилостивейшего принятия ее под высочайшее Вашего императорского величества покровительство, вознося усердные Господу Богу молитвы о ниспослании своему обожаемому царю, царице, царевичу и всему царственному дому благоденствия на счастье России, и возблагодарив Всевышнего о постепенном восстановлении драгоценного здоровья наследника престола, имеют счастье повергнуть пред Вашим Величеством чувства верноподданнической верности и глубочайшего благоговения к Священной особе Вашей». ⁷¹

С началом буржуазной революции 1905-1907 гг. в деятельности комиссии произошел определенный спад. В отчете за 1905 г. и 1906 г. указывалось, что тяжелое для родины время не могло быть благоприятным для работ архивной комиссии. «В переживаемое тревожное время, — констатировал правитель дел, — очень немногие находили в себе сил для спокойных научных занятий». ⁷² На годичном собрании ТУАК 11 ноября 1906 г. председатель был вынужден признать, что деятельность ко-

миссии значительно ослабла за прошедшие два года. В качестве причины он указал на тяжелое экономическое положение и обострение политической ситуации.

Политические позиции деятелей комиссии в годы революции невозможно свести к единой платформе в силу различия их политических убеждений. А.Н.Норцов исповедовал глубоко консервативные общественно-политические взгляды, обусловленные неприятием перемен, происходящих в обществе в связи с капиталистическим развитием страны. Он резко отрицательно относился к социалистическим учениям, к пресуде либерального направления и порождающей, на его взгляд, «вольномудрцев» в системе образования того времени. В этой связи вызывает недоумение встречающееся в справочной литературе определение взглядов Норцова как умеренно-либеральных.⁷³ Среди остальных членов комиссии были и оппозиционно настроенные либералы, и кадеты, и приверженцы монархического «Союза русского народа». Один из представителей первого направления — врач М.П.Трунов — принимал участие в организации Всероссийского Крестьянского союза и бойкоте выборов в I Государственную думу, за что в 1906 г. был приговорен к пятилетней ссылке в Туруханский край, замененной административной высылкой в Липецк. Член кадетской партии помощник присяжного поверенного А.Я.Тимофеев, напротив, являлся представителем от Тамбовской губернии в Государственной думе. На противоположном полюсе политической ориентации находились члены «Союза русского народа» учитель классической гимназии М.Г.Попов и библиотекарь комиссии А.А.Щеголев. С 1904 г. в рядах ГУАК состоял советник губернского правления Г.Н.Луженовский, руководивший в конце 1905 — начале 1906 гг. карательной экспедицией против крестьян Борисоглебского уезда. После убийства Луженовского М.А.Спиридоновой в феврале 1906 г. А.А.Щеголев написал статью-панегирик в честь убитого.⁷⁴ Будучи активным противником революционного движения и левых сил в целом Щеголев поставил в заслугу Луженовскому «идейный» отпор революционным пропагандистам и быстрое подавление «пугачевщины».

Однако большинство деятелей ГУАК проявляло стремление оставаться вне политики. Подобные настроения были характерны для подавляющей части провинциальных историков. Член Саратовской комиссии А.А.Гераклитов сформулировал их на I съезде представителей ГУАК следующим образом: «Архивные комиссии политикой не занимаются: у них слишком много своего дела, и они далеко отстоят от политических вопросов».⁷⁵ Общая же позиция Тамбовской комиссии определялась словами ее председателя: «Наука — это единственное благородное средство удалить себя от всех партийных крайностей, даже совсем игнорировать их и сохранить тем самым свое сердце и ум для чистого и бескорыстного служения Родине».⁷⁶ Большинство тамбовских историков и архивистов полагали необходимым уклониться от участия в политической жизни, с тем чтобы избежать опасности привнесения в научную работу перипетий политической борьбы. В этой связи они отказывались участвовать даже в тех акциях, которые предоставляли хотя бы малейшую возможность для

проявления межпартийной вражды. Именно этим объясняется уклонение ГУАК от участия в археологических съездах в период революции, как возможной, по словам А.Н.Норцова «арены борьбы партий». По этому поводу председатель с удовлетворением констатировал: «Комиссия стояла на высоте положения — была вне партий».⁷⁷ В то же время проявлявшаяся провинциальными историками аполитичность являлась оборотной стороной их безусловной приверженности существовавшему строю. В самодержавной форме правления они видели исторически сложившийся государственный порядок, силой которого развивалась, расширялась и крепла русская держава.⁷⁸ Будучи сторонниками эволюционного пути развития, тамбовские историки выступали против насильственных способов преобразования общества и любых проявлений террора, в том числе и классовой борьбы.

С самого начала деятельности Тамбовская комиссия, как и ряд других ГУАК, ощущала неопределенность своего правового положения в том виде, в котором оно было зафиксировано в «Положении» от 13 апреля 1884 г. В этой связи уже на пятом заседании научного общества, состоявшемся 19 августа 1885 г., встал вопрос о правах и обязанностях его членов. Н.А.Покровский внес предложение о необходимости четкого определения полномочий сотрудников ГУАК и порядка ее взаимоотношений с губернским музеем. С этой целью он предложил разработать и утвердить на общем собрании устав комиссии. Однако после обмена мнениями было решено отложить составление устава до более удобного времени. Подобное решение аргументировалось нежелательностью стеснять деятельность комиссии на этапе ее становления «строгой и точной регламентацией».⁷⁹ Собрание ограничилось принятием решения о ходатайстве перед министром внутренних дел о предоставлении ГУАК права на собственную казенную печать. Необходимость в ней определялась деятельностью комиссии по снятию копий архивных дел для заинтересованных лиц и учреждений.

В соответствии с принятым постановлением вопрос о разработке устава был на продолжительное время оставлен. Во многом это было связано с отсутствием типового устава для ГУАК в целом. Вопрос о его разработке поднимался в 1890 г. на VIII археологическом съезде правителем дел Рязанской комиссии А.В.Селивановым, однако большинство депутатов сочли подобное предложение преждевременным. Они исходили из опасения, что принятие устава отразится на степени самостоятельности молодых научных обществ и ограничит возможность поиска ими новых направлений деятельности. Комиссиям, ощутившим необходимость издания определенных правил, было рекомендовано разработать собственные уставы, регламентирующие их работу по отдельным направлениям.⁸⁰ Многие ГУАК поддержали подобное решение, руководствуясь стремлением сохранить характер комиссий как общественных учреждений. К примеру, представитель Саратовской УАК М.В.Готовицкий заявил, что «комиссии могут существовать только при сочувствии общества, и опыт доказал, что оно не останется слепо к их трудам. Без этого сочувствия не поможет делу никакое обособление комиссий в самостоятельные бюрократические учреждения».⁸¹

Тамбовская комиссия вернулась к этому вопросу спустя пятнадцать лет. 22 января 1901 г. ее общее собрание признало жизненно необходимым для дальнейшего развития ТУАК оформление основных принципов деятельности в виде уставного документа. Составление его проекта было поручено начальнику отделения Тамбовской казенной палаты Н.А.Маклакову.⁸² Подготовленный документ обсуждался на частных совещаниях 15, 16 и 22 февраля 1901 г. и в окончательном варианте был утвержден на общем заседании комиссии 12 марта 1901 г.⁸³ Однако его дальнейшая судьба не прослеживается ни по опубликованным, ни по архивным материалам комиссии.

Новый проект, состоявший из 50 пунктов, был подготовлен в августе 1905 г. Ознакомившись с его положениями, свою подпись под ним поставили 60 членов комиссии. Девять из них — А.А.Апушкин, Н.В.Конобеевский, А.А.Курбатов, Н.А.Маклаков, Н.И.Орлов, С.К.Платонова, И.М.Пыжов, Л.М.Савелов, П.А.Слепцов — внесли в проект дополнения и изменения. Окончательный вариант устава был утвержден на заседании комиссии 25 августа 1905 г., после чего он был направлен на рассмотрение в министерство внутренних дел. 30 мая 1906 г. ТУАК получила ответ с пожеланием внести определенные изменения в текст устава.⁸⁴ Замечания министерства касались целого ряда моментов. Во-первых, сомнению была подвергнута правомочность комиссии взимать оплату с предоставляемых ею лицам и учреждениям копий архивных дел, так как это право не было закреплено за губернскими комиссиями в законодательном порядке. Во-вторых, возражение министерства вызвало положение о закреплении за комиссией обязанностей по охране памятников старины и обязательных консультаций с нею в случае их реставрации. Подобные вопросы, как указало министерство, находятся в компетенции Археологической комиссии и не могут являться прерогативой «частного учреждения». Этот пункт министерство предложило изложить следующим образом: «Принятие возможных мер охраны от порчи и уничтожения местных памятников общей и церковной археологии; предварительное обсуждение поступивших в комиссию проектов ремонта и реставрации местных памятников старины». В-третьих, предлагалось исключить указания на то, что комиссия имеет печать с изображением государственного орла и пользуется правом бесплатной пересылки корреспонденции, так как гербовую печать могли иметь только правительственные учреждения, а право бесплатной пересылки — учреждения, состоящие на бюджете государственного казначейства. Таким образом, замечания министерства внутренних дел на проект устава ТУАК стали еще одним подтверждением неопределенности правового положения комиссий. Министерство вполне однозначно дало понять, что рассматривает губернские комиссии прежде всего как общественный институт и в силу этого не находит возможным распространять на них права и привилегии государственных учреждений.

17 апреля 1908 г. окончательный вариант устава ТУАК обсуждался в петербургском Археологическом институте. Председатель Совета министров П.А.Столыпин предложил внести в министерство внутренних дел

представление об утверждении устава в законодательном порядке по завершении XIV археологического съезда. Одновременно было возбуждено ходатайство об утверждении предусмотренного одним из пунктов устава нагрудного знака для действительных и почетных членов ТУАК. Вопрос о введении каких-либо документов, подтверждающих членство того или иного лица в местном научном обществе, обсуждался ТУАК еще в 1891 г. Некоторые комиссии, к примеру, Саратовская, к тому времени уже утвердили для своих сотрудников дипломы на звание своих членов. По предложению И.И.Дубасова, с 1891 г. подобные дипломы, исполненные на картонной бумаге с виньеткой, стали выдаваться и членам ТУАК.⁸⁵ Мотивируя необходимость введения знака отличия, А.Н.Норцов в письме на имя губернатора от 2 апреля 1908 г. пояснил, что ТУАК имеет в виду «с одной стороны, достоинство комиссии как ученого общества... а с другой — желание поощрить особо выдающихся по своим трудам членов комиссии к дальнейшей ученой работе, а также и привлечение в свое общество лиц состоятельных, могущих служить целям комиссии денежными пожертвованиями».⁸⁶ Однако отношением от 25 января 1908 г. департамент общих дел министерства внутренних дел известил членов комиссии, что проектируемый ими нагрудный знак не может быть утвержден, ввиду имеющегося на этот счет указания Николая II от 20 мая 1900 г. Согласно мнению императора, учреждение знаков для ношения на груди членами благотворительных и иных общественных учреждений признавалось нежелательным. В связи с «полуофициальным характером» ТУАК министерство предложило взамен нагрудного знака учредить жетон того же образца и степеней для ношения на цепочке часов, размером в два раза меньше против первоначального.⁸⁷ Положение об утверждении жетона Тамбовской ученой архивной комиссии было подписано Николаем II 7 июня 1908 г. Жетоны первой степени предназначались для почетных членов комиссии, второй — для действительных.⁸⁸

После определенных корректировок 25 сентября 1908 г. министерство внутренних дел утвердило «Устав состоящей под высочайшим его императорского величества покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии». Однако его действительное вступление в силу относится к январю 1909 г., так как вследствие допущенной в утвержденном экземпляре опечатки устав проходил процедуру утверждения дважды. Устав ТУАК был разработан на основе «Положения» Комитета министров от 13 апреля 1884 г. и постановлений о деятельности архивных комиссий, принятых состоявшимся в 1903 г. в Твери областным археологическим съездом. После учета замечаний министерства внутренних дел в нем осталось 48 параграфов.⁸⁹ В первых трех определялась подотчетность комиссии — императору, которому в установленном порядке представлялись ее печатные труды, министерству внутренних дел и Археологическому институту в Санкт-Петербурге. Далее устанавливался круг обязанностей комиссии. В качестве основной задачи указывалась деятельность по сосредоточению и хранению в историческом архиве представляющих научный интерес документов различных ведомств и частных лиц, изучение описей архивных дел, предназначенных различными учреждениями к уничтожению, располо-

жение документов в порядке, обеспечивающем доступ к ним с научной и справочными целями, составление указателей и описей. Предусматривалась также деятельность по разысканию, исследованию, описанию и охране памятников местной старины, раскопки и другие формы исследования истории, археологии и этнографии края, а также устройство публичных чтений. В качестве источников бюджета комиссии были названы правительственные субсидии, пособия, пожертвования от частных лиц, земских, городских и других учреждений, членские взносы. Последние должны были сдаваться казначею за год вперед в течение первого месяца текущего года в размере не менее трех рублей. Члены комиссии, уплатившие взносы, имели право на бесплатное получение трудов ТУАК. Лица, не сделавшие взноса в течение первой трети года, получали напоминание, а в случае неуплаты за два года лишались звания члена комиссии. От уплаты членских взносов освобождались, во-первых, почетные члены и исполнявшие свои обязанности не менее трех лет должностные лица, а также члены, участвовавшие в изданиях ТУАК, либо исполнявшие какое-либо ее поручение; во-вторых, ученые, избравшиеся в действительные члены (в случае присылки в адрес комиссии своих печатных трудов); в-третьих, члены-соревнователи, при условии содействия работе комиссии.

За ТУАК закреплялось право на издание собственного печатного органа. Свои издания комиссия обязывалась представлять в Главное управление по делам печати, Археологический институт в Санкт-Петербурге, центральные библиотеки. Остальные научные учреждения и общества имели возможность получать их в порядке обмена. В ряде параграфов определялся порядок выбора должностных лиц и их обязанности. Руководящий состав комиссии включал в себя председателя, товарища председателя, правителя дел, хранителей архива и музея, библиотекаря и казначея. По уставу они должны избираться общим собранием членов ТУАК сроком на три года. В обязанности правителя дел входило заведование делопроизводством и архивом, ведение протоколов собраний, составление годовых отчетов. В случае необходимости в помощь правителю дел избирался хранитель архива, наблюдавший за сохранностью документов, благоустройством архивного помещения, допуском к его материалам исследователей (с письменного разрешения председателя). В обязанности хранителя музея входило наблюдение за сохранностью музейных собраний, составление их описания, проведение экскурсий; библиотекаря — пополнение фондов необходимыми изданиями, составление каталога поступающих книг, представление годовых отчетов о состоянии библиотеки. Казначею вменялось в обязанность заведование приходом и расходом денежных сумм ТУАК, прием членских взносов, составление годовых отчетов о состоянии казны комиссии. Ежегодные отчеты хранителей архива, музея, библиотекаря и казначея включались в общий годовой отчет правителя дел. Кроме того, предусматривалось избрание ревизионного комитета и редакционной комиссии. Первый создавался в составе трех человек с целью проверки годового денежного отчета казначея, а также наличности кассы и всего имущества ТУАК, включая материалы архива, библиотеки и музея. На редакционную комиссию, избираемую

сроком на три года, возлагалась обязанность предварительного рассмотрения статей, рефератов и прочих исследований, предназначенных для опубликования, после чего она обязывалась сообщать свои заключения на рассмотрение общего собрания ТУАК.

В уставе определялся порядок выбора действительных и почетных членов, а также членов-соревнователей. В действительные члены могли быть избраны лица, «оказывающие комиссии содействие в выполнении ее задач, или известные своими учеными заслугами в области археологии и архивоведения». При этом они должны были представить письменные рекомендации не менее трех действительных членов ТУАК. Звание почетного члена присваивалось лицам, «оказавшим большие услуги комиссии, или особенно полезные комиссии по своим научным заслугам или по своему общественному положению». На это звание могли также претендовать лица, внесшие в фонд комиссии не менее 300 рублей единовременно. Действительные и почетные члены пользовались правом одного голоса по всем вопросам, обсуждаемым на заседаниях ТУАК. В члены-соревнователи избирались местные любители старины по мотивированным предложениям не менее трех действительных членов.

В двух параграфах оговаривался порядок организации собраний ТУАК. Они подразделялись на годовые, проводившиеся в январе; очередные, назначаемые по мере накопления необходимых для обсуждения вопросов (но не менее шести раз в год за исключением вакансий с мая по сентябрь); экстренные — в случаях, не требующих промедления. Годовые собрания могли быть торжественными и публичными. На них проводилось избрание должностных лиц и утверждались ежегодные отчеты. На очередных собраниях обсуждались текущие дела и заслушивались доклады и рефераты. Экстренные посвящались исключительно тому вопросу, для обсуждения которого они созывались. Кворум очередных и экстренных собраний, на которых предполагалось избрание новых членов, определялся числом не менее 15 членов комиссии, исключая председателя и правителя дел, обычных — не менее пяти. При недостаточном кворуме не далее чем через две недели назначалось повторное собрание. Вопросы о расходах, превышавших сумму в 50 рублей, решались закрытым голосованием при наличии на собрании не менее десяти членов, не считая председателя и правителя дел; расходы менее указанной суммы производились по распоряжению председателя.

Специальный параграф определял порядок исключения из комиссии за действия, не соответствующие званию ее члена, либо могущие причинить ей «нравственный ущерб». Такие лица могли быть исключены путем закрытого голосования по предложению не менее трех членов ТУАК. Оно подвергалось обсуждению на экстренном собрании, состоящем из не менее чем половины членов, проживающих в Тамбове. Для принятия решения об исключении требовалось две трети голосов присутствующих. В заключение указывалось, что статьи устава ТУАК могут быть изменены по предложению не менее трех лиц в результате решения 2/3 голосов присутствующих на собрании членов.

Утверждение устава ТУАК в значительной степени способствовало более точному определению ее организационной структуры, прав и обя-

занностей членов, а также задач, входивших в сферу их компетенции. Спустя почти четверть века после выхода в свет достаточно неопределенного «Положения» Комитета министров Тамбовская комиссия впервые получила документ, четко регламентирующий ее деятельность и фиксирующий организационные начала. И хотя впоследствии далеко не все статьи устава в точности исполнялись (например, порядок уплаты членских взносов), тем не менее принятие собственного устава способствовало упрочению положения комиссии. Устав Тамбовской комиссии послужил образцом для некоторых других ГУАК. К примеру, Витебская архивная комиссия приняла в 1912 г. решение утвердить для себя устав Тамбовской комиссии.⁹⁰ Учрежденная в 1916 г. Псковская ученая архивная комиссия положила в основу своих правил базовые положения, зафиксированные в уставе тамбовских архивистов.⁹¹

Собственные уставные документы разрабатывали и другие комиссии. Так, Воронежская УАК избрала в 1914 г. для разработки устава специальную комиссию из семи человек.⁹² В 1914 г. был издан устав Саратовской комиссии, включавший в себя 113 пунктов.⁹³ В целом его основные положения (о полномочиях комиссии, составе, обязанностях и правах ее членов, деятельности руководства комиссии, источниках финансирования, условиях функционирования архива, музея и библиотеки) были сходны с параграфами устава ГУАК. Однако они отличались от него более детализированной проработкой и, следовательно, в большей степени регламентировали деятельность местных историков.

Одновременно с принятием устава состоялось утверждение собственной печати ГУАК. Соответствующее ходатайство было возбуждено комиссией перед министерством внутренних дел еще в 1901 г., однако тогда министерство не дало своего согласия. Отказ мотивировался тем, что претендовать на гербовую печать имеют право лишь правительственные учреждения, каковыми ГУАК не являются.⁹⁴ При обсуждении этого вопроса на заседании 12 февраля 1901 г. члены комиссии позволили себе не согласиться с подобным заключением и решили возбудить повторное ходатайство. Они исходили из того, что архивные комиссии, выполняя официальные обязанности, возложенные на них министерствами народного просвещения и внутренних дел, не могут не считаться правительственными учреждениями. Очередное прошение ГУАК увенчалось в 1908 г. успехом, что было зафиксировано в 9-м параграфе ее устава: «Тамбовская ученая архивная комиссия имеет печать с изображением герба Тамбовской губернии и надписью кругом “Печать Тамбовской Ученой Архивной Комиссии”». Спустя некоторое время, в 1914 г., было принято решение о повторном ходатайстве на предоставление членам ГУАК права ношения нагрудного знака. Данное решение было продиктовано как соображениями престижа местного научного общества, так и чисто финансовыми расчетами, ибо надежды на пополнение казны за счет продажи жетонов не оправдались. Количество состоятельных лиц, изъявивших желание приобрести жетоны, было незначительно. В то же время многие из них заявили, что охотно вступили бы в комиссию в случае, если бы ее члены имели право носить нагрудные знаки, как «единственно достой-

ное отличие за полезную для комиссии деятельность».⁹⁵ К тому же ряд научных учреждений и благотворительных обществ уже получили к тому времени право на ношение нагрудных знаков. К их числу принадлежали члены московского Археологического института, подольского Свято-Троицкого братства, православного Карельского братства св. Георгия и др. На этот раз прошение ГУАК было удовлетворено. 16 февраля 1915 г. Николай II подписал «Положение о нагрудном знаке Тамбовской ученой архивной комиссии двух степеней». Модель знака была спроектирована по образцу жетона. Однако в отличие от последнего на золотой ленте в лапах орла были обозначены даты основания ГУАК и принятия Тамбовской комиссии под покровительство императора. Сумма, вносившаяся за право ношения знаков, была достаточно высока — 450 рублей за знак первой степени (для почетных членов) и 150 рублей — второй степени (для действительных). Первые заявления на право ношения знаков были получены от коллежского секретаря Люблинского губернского правления А.И.Белецкого, потомственного почетного гражданина Москвы И.Н.Голубева, отставного генерала из Ростова-на-Дону Л.Х.Блюмгардта, поручика особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Ф.В.Болтунова, губернского секретаря из Амурской области А.В.Ялышева, коллежского секретаря из Симбирска Н.П.Пастухова, земского начальника Слуцкого уезда К.С.Краковяка, служащего управления Московско-Казанской железной дороги С.Я.Фокса.⁹⁶ Какого-либо участия в дальнейшей деятельности комиссии они не приняли, однако перечисленные ими взносы несомненно способствовали ее развитию. В 1915 г. данный источник пополнения бюджета ГУАК составил 1200 рублей. Бесплатно знаки были вручены руководству комиссии — казначею Н.Н.Иванову, правителю дел В.И.Конобеевскому, библиотекарю А.А.Щеголеву, хранителям архива и музея С.К.Платоновой и А.И.Самоцветову.

Стремление ГУАК к официальному утверждению собственных, определяющих их деятельность уставов было вполне закономерным. Прежде всего, их тяготила не определенная в «Положении» 1884 г. с достаточной ясностью степень подчиненности комиссий: с одной стороны, они находились в ведении министерства внутренних дел, с разрешения которого и создавались, с другой — должны были отчитываться перед Археологическим институтом и Академией наук, находившимися в ведении министерства народного просвещения. В первое из указанных министерств ГУАК вообще не были обязаны предоставлять сведения о составе членов и отчеты о своей деятельности. Впоследствии это привело к тому, что некоторые из них, например, Тверская комиссия, числили себя по ведомству министерства народного просвещения,⁹⁷ в то время как официально комиссии функционировали при министерстве внутренних дел. Неопределенность правовых основ, на которых создавались ГУАК, послужила причиной возникновения ситуации, когда сами комиссии считали себя учреждениями правительственными, а правительство полагало их организациями «частными». Так, во всяком случае, их охарактеризовал П.А.Столыпин в своем представлении в Государственную думу от 23 октября 1907 г.⁹⁸ Вследствие этого ГУАК были лишены многих прерогатив государствен-

ных учреждений: казенных ассигнований, оплаты труда сотрудников, права на бесплатную отставку почтовой корреспонденции и т.д. В то же время как официальные учреждения они были обязаны требовать от ведомственных архивов присылки описей предназначенных к уничтожению дел. Все это порождало у сотрудников ГУАК сомнения по поводу своего статуса, которые председатель Таврической комиссии А.И.Маркевич на съезде представителей ГУАК в 1914 г. сформулировал следующим образом: «Что такое архивная комиссия: ученое это общество... или это учреждение, имеющее официальный характер и ведающее государственными интересами, с которыми должны считаться и все правительственные учреждения?»⁹⁹ Члены Оренбургской комиссии видели в деятельности ГУАК две стороны: просветительскую, исполняемую ими как «обязанность общественного служения», и государственную, заключающуюся в организации архивов и охране письменных памятников. Они считали, что дело государственного служения должно быть поставлено на более твердые основания. Не предполагая превращения архивных комиссий в чисто административные учреждения, они все же настаивали на необходимости включения их в число правительственных учреждений и создания с этой целью законодательным путем штатов с чинопроводством и выплатой пенсий.¹⁰⁰ Не случайно еще на VIII археологическом съезде представитель Таврической комиссии Ф.Ф.Лашков предложил для упорочения положения комиссий придать им официальный статус.¹⁰¹

Неопределенность положения ГУАК в полной мере осознавалась деятелями отечественной исторической науки. Так, профессор И.А.Линниченко в своем выступлении на XV археологическом съезде в Новгороде в 1911 г. охарактеризовал губернские ученые комиссии, как «полумонашеские, полуподвижнические учреждения», заслуживающие медали «за спасение утопающих». В.С.Иконников не без основания писал о том, что принципы, на которых были созданы ГУАК, не позволят им вести планомерные научные работы. По его мнению, комиссии следовало учредить как местные отделения Археографической комиссии с назначением правительственной субсидии.¹⁰²

Непосредственным поводом для начала борьбы архивных комиссий за изменение их статуса стал выход в свет книги управляющего МАМЮ Д.Я.Самоковасова «Архивное дело в России» в которой их деятельность была подвергнута жесточайшей критике. В этой связи на областном археологическом съезде в Твери в 1903 г. был поднят вопрос о переработке «Положения» о ГУАК. Товарищ председателя Тверской комиссии В.И.Колосов сделал на съезде доклад «К вопросу о преобразовании архивных комиссий», в котором пришел к выводу о невозможности дальнейшей плодотворной деятельности комиссий при настоящих условиях и необходимости разработки нового «Положения» о ГУАК.¹⁰³ Его поддержало большинство представителей комиссий, в результате чего на съезде был утвержден новый проект «Положения» из 22 параграфов.¹⁰⁴ Наибольшие споры при его составлении вызвал вопрос об определении подчиненности архивных комиссий. Часть делегатов настаивала на том, чтобы зафик-

сировать в уставе их подчиненность министерству народного просвещения, что соответствовало бы логике деятельности комиссий как научных обществ. Однако при обсуждении этого вопроса выяснилось, что министерство внутренних дел в отличие от вышеупомянутого согласно принять на себя обязанности по финансированию ГУАК, что и предопределило в конечном итоге исход дискуссии. В этой связи было решено оставить комиссии в ведении министерства внутренних дел, а также Археологического института и Академии наук, несмотря на то, что подобное положение было признано крайне неудобным.

Обсуждение проекта было продолжено на III областном съезде, состоявшемся в 1906 г. во Владимире. Председатель Симбирской комиссии В.Н.Поливанов сделал доклад о преобразовании ГУАК, после обсуждения которого съезд принял решение ходатайствовать о созыве специального совещания представителей комиссий для выработки нового положения не позднее 1907 г.¹⁰⁵ Оно состоялось 17-18 апреля 1908 г. в петербургском Археологическом институте. На совещании был утвержден «Проект Положения о губернских ученых архивно-археологических комиссиях», состоявший из 28 параграфов,¹⁰⁶ в основу которых были положены отзывы ГУАК. В соответствии с проектом комиссии в целях «облегчения деятельности» оставались в ведении министерства внутренних дел и были обязаны посылать свои отчеты в особое совещание из представителей ведомств и правительственных археологических учреждений, а также в Академию наук и Археологический институт. В число их обязанностей, помимо разбора архивных дел и формирования исторических архивов, включалось образование историко-археологических музеев и библиотек; описание, охрана и исследование всевозможных памятников местной старины. Оговаривалась также примерная структура комиссий, получивших право создавать особые специальные отделы: церковно-археологический, археографический, историко-этнографический и другие. Вследствие расширения фиксируемого круга обязанностей ГУАК предлагалось заменить их название на «архивно-археологические» с учетом того, что прежде перестало отвечать содержанию их деятельности. В проекте устанавливался состав членов (почетные, действительные, соруководители) и вводился институт корреспондентов, которые должны были доставлять из различных отдаленных районов губерний сведения о местных памятниках. Помимо пособий от земств и городов, членских взносов и частных пожертвований, в качестве источника финансирования предусматривалась правительственная субсидия в две тысячи рублей. Подготовленный проект был одобрен особым совещанием при министерстве внутренних дел. Однако он не был внесен на рассмотрение Государственной думы. Министерство ограничилось вопросом о назначении ГУАК правительственной субсидии в двести рублей, предназначенной на оплату пересылки архивных дел.¹⁰⁷ В 1909 г. Дума утвердила назначение комиссиям субсидий в указанном размере.

Вопрос о разработке нового «Положения» о ГУАК был поднят вновь на I съезде представителей комиссий в 1914 г. Профессор С.М.Середонин указал на то, что комиссии до сих пор не имеют единого устава и

строго определенных прав и полномочий, что препятствует развитию их деятельности. Представитель Курской комиссии Н.И.Златоверховников подчеркнул, что при тех полномочиях, которые даны комиссиям, они не могут выполнять «с полной определенностью и добросовестностью» функции по надзору за архивами и сохранностью письменных памятников старины.¹⁰⁸ Председатель Полтавской комиссии И.Ф.Павловский предложил выработать на съезде устав архивных комиссий, положив в его основу проект устава Воронежской архивной комиссии, состоявший из 30 параграфов.¹⁰⁹

Тамбовская комиссия также попыталась внести свой вклад в разработку нового положения о местных архивно-исторических обществах. Так, к I съезду представителей ГУАК ее председатель А.Н.Норцов составил специальную записку, в которой изложил свой взгляд на необходимость изменения законодательства о комиссиях.¹¹⁰ Он обратил внимание Русского исторического общества на отсутствие у ГУАК официальных полномочий, что препятствовало исполнению ими своих обязанностей в полном объеме даже в тех случаях, когда они были зафиксированы в их собственных уставах. Например, четвертый параграф устава ГУАК оговаривал обязанности тамбовских историков и архивистов по охране вещественных и письменных памятников старины. Однако это обязательство являлось не более чем пустым звуком, так как, по словам председателя, «опыт показал, что там, где губернатор и епископ интересуются археологией, там эта охрана производится и по губернии и по епархии; в противном случае никакие заявления комиссий не спасут памятники от гибели».¹¹¹ Помимо упреждения правового статуса комиссий Норцов предложил следующие меры по улучшению их положения: назначение правительственной субсидии с тем, чтобы их деятельность не зависела от «доброй воли и расположения духа провинциальных общественных жертвователей»; установление контроля над организацией их должного расходования; предоставление нуждающимся комиссиям собственного помещения; четкое разграничение сфер деятельности ГУАК и церковных историко-археологических комитетов (последнее требование определялось позицией автора, считавшего, что существование в провинции нескольких исторических обществ приносит не пользу, а вред, так как влечет за собой раздробление немногочисленных местных научных сил); «улучшение правительственного взгляда на архивные комиссии». Последнее предложение, вероятно, было рассчитано на повышение престижа ГУАК в глазах как высших правительственных кругов, так и широкой научной общественности и связано с развернувшейся после выхода в свет книги Д.Я.Самоковасова критикой губернских комиссий.

Вопрос о статусе ГУАК оставался неразрешенным вплоть до конца их существования. В июне 1917 г. в соответствии с постановлением экстраординарного общего собрания Академии наук от 27 мая того же года было созвано межведомственное совещание по вопросу о положении комиссий. В нем приняли участие представители министерств народного просвещения и внутренних дел, Русского исторического общества, петроградского Археологического института, Союза российских архивных

деятелей, Московского археологического общества, Постоянной исторической комиссии при отделении исторических наук и филологии Академии наук. На заседании 11 июля А.С.Лаппо-Данилевский поставил вопрос о статусе ГУАК, перешедших после упразднения Комиссии Русского исторического общества в ведение Союза российских архивных деятелей. В этой связи Лаппо-Данилевский предложил возбудить ходатайство о передаче ГУАК из ведения министерства внутренних дел в министерство народного просвещения. Это предложение встретило поддержку представителя первого из них — вице-директора департамента общих дел С.В.Дукельского, заявившего, что министерство крайне заинтересовано в избавлении от задач, возложенных на него по сугубо политическим соображениям и не имеющих органической связи с основными целями министерства.¹¹² Из этого следует, что если бы не дальнейший ход развития политической ситуации в стране, вопрос о статусе ГУАК имел бы шанс наконец получить свое разрешение.

Условия деятельности ГУАК во многом определялись позицией неприменных попечителей, которыми по «Положению» 1884 г. являлись начальники губерний. В этой связи большое значение приобретал субъективный фактор — взаимоотношения между деятелями комиссий и губернаторами. В зависимости от степени своей заинтересованности в деятельности краеведческих обществ последние могли в равной степени способствовать либо препятствовать ей. Непременными попечителями ГУАК являлись следующие тамбовские губернаторы: А.А.Фредерикс (1879-1889), В.П.Рокасовский (1889-1896), С.Д.Ржевский (1896-1902), В.Ф.фон-дер-Лауниц (1902-1905), Б.М.Якушевич (временно исполняющий обязанности в 1906 г.), Н.П.Муратов (1906-1912), Н.Ф.Ошанин (1912-1913), П.А.Липинский (1913), А.А.Салтыков (1913-1917). Наиболее важную роль в истории Тамбовской комиссии сыграл А.А.Фредерикс, оказавший ей в самый сложный, начальный, период значительную финансовую и моральную поддержку. Он регулярно посещал заседания архивистов и проявлял внимание ко всем их начинаниям. Именно этому губернатору комиссия была обязана на протяжении длительного времени предоставлением права бесплатного издания своих трудов. В отличие от Фредерикса большинство его преемников не обнаруживали стремления способствовать деятельности местного исторического общества и относились к своей попечительской роли сугубо формально. Например, сменивший Фредерикса В.П.Рокасовский не считал для себя необходимым хоть изредка посещать его собрания, переложив эту обязанность на вице-губернатора А.А.Чоглокова. Исключение в этом ряду составлял Н.П.Муратов, проявлявший интерес к историческим исследованиям и опубликовавший на страницах «ИТУАК» свой труд под названием «1812 год: Исторический обзор Отечественной войны и ее причин».

Во главе комиссии согласно «Положению» 1884 г. стоял председатель, кандидатура которого утверждалась министерством внутренних дел. В его обязанности входило общее руководство деятельностью членов комиссии, участие в формировании архива, разработка исторических материалов. История Тамбовской комиссии неразрывно связана с именами ее

руководителей — И.И. Дубасова и А.Н. Норцова, определивших содержание и форму ее деятельности на протяжении двух этапов. Первый председатель возглавлял ГУАК с момента ее основания вплоть до своего переезда в Курск в 1900 г. Сменивший его А.Н. Норцов руководил деятельностью комиссии вплоть до конца ее существования.

И.И. Дубасов родился 10 сентября 1843 г. в с. Каргашине Спасского уезда Тамбовской губернии в семье сельского священника. Оставшись в четырехлетнем возрасте без отца, он рано столкнулся с нищетой и бесправием. По воспоминаниям самого Дубасова, в шесть лет он был отдан на обучение к заштатному дьякону, обучившему его азбуке, Часослову и Псалтыри.¹¹³ В восьмилетнем возрасте он поступил в Тамбовское духовное училище, затем в семинарию. Годы обучения предстают в воспоминаниях Дубасова как время голода, беспощадной муштры и экзекуций. В 1863 г. как лучший ученик он был направлен для продолжения образования на казенный счет в Киевскую духовную академию. По окончании курса в 1867 г. Дубасов был определен в Тамбовскую духовную семинарию в качестве учителя словесности и истории литературы. Спустя год ему поручили преподавание французского языка и библейской истории. В 1869–1870 гг. он исполнял должность помощника инспектора и был избран членом распорядительного собрания семинарии. С января 1872 г. будущий председатель начал преподавать историю в Александринском институте благородных девиц, исполняя одновременно должность наставника по истории и географии в Екатерининском учительском институте.¹¹⁴ По свидетельству А.А. Щеголева, И.И. Дубасов наряду с известным педагогом Н.Я. Виноградовым являлся одним из самых блестящих преподавателей института. «Это был, — писал Щеголев, — кумир для своих учеников, его не просто любили, а прямо обожали. Главное в нем было умение будить молодые души и зажигать в них никогда неослабляющуюся преданность к учительскому делу на пользу и благо народного просвещения».¹¹⁵ Один из его учеников — П.Л. Киреев — в свою очередь свидетельствовал: «Можно сказать, что на уроках Ивана Ивановича мы духовно мужали. Общение с ним вызывало в наших душах стремление к самообразованию и к идеальной жизни».¹¹⁶ Заслугу Дубасова его современники видели в том, что он умел противостоять схоластическим методам обучения и внедрял новые подходы к преподаванию. Немаловажное значение имели также личные качества преподавателя. В воспоминаниях знавших его людей он предстает как остроумный, мягкий, сдержанный, необычайно приветливый и деликатный человек. В 1878 г. Дубасов был произведен в чин коллежского асессора, в 1883 г. — надворного советника. В сентябре 1884 г. он был назначен на должность директора Екатерининского учительского института. В 1893 г. ему был присвоен чин действительного статского советника, а в августе того же года Сенат утвердил положение о потомственном дворянстве рода Дубасовых.¹¹⁷

В начале 70-х годов И.И. Дубасов занялся активной разработкой материалов местных и центральных архивов. Результаты его исследований публиковались в местных епархиальных «Ведомостях», а также в ряде научно-популярных и литературных журналов.¹¹⁸ За свою первую опубли-

кованную работу (1871 г.), посвященную характеристике католичества в период, предшествовавший Реформации,¹¹⁹ Дубасов получил степень кандидата богословия. Затем последовала первая публикация в центральном издании — журнале «Русская старина» (1875 г.). Однако по каким-то причинам сотрудничество с редакцией данного издания не удовлетворило Дубасова. В письме от 25 февраля 1876 г. в адрес редактора журнала «Русский архив» П.И. Бартенева он пишет: «В настоящее время я пришел к мысли оставить “Старину” и поискать редакцию более сочувствующую провинциальным исследователям».¹²⁰ Такими изданиями для него на многие годы стали «Древняя и новая Россия» и «Исторический вестник».

Работы провинциального историка привлекли внимание Н.В. Калачова, а последовавшее за этим личное знакомство утвердило его в намерении открыть одну из первых ученых архивных комиссий в Тамбове. Приветствуя назначение на пост ее председателя И.И. Дубасова, редакция журнала «Исторический вестник» констатировала: «Там, где во главе комиссии явится такой просвещенный деятель и страстный любитель местной старины, как г. Дубасов, дело обещает пойти прекрасно и принести хорошие плоды».¹²¹ Вступление в исполнение должности председателя местной архивной комиссии означало для Дубасова принятие на себя всех тягот нерешенных организационных проблем периода ее становления. Новизна начатого предприятия, неопределенность правового положения комиссии, отсутствие необходимой финансовой и материально-технической базы — все это создавало значительные трудности для деятельности научного общества. В этой связи председатель придавал большое значение созданию в комиссии атмосферы взаимной поддержки и творческой активности и особенно важным считал оказание помощи начинающим. О стиле его руководства, отношении к сотрудникам лучше всего свидетельствуют сказанные им на одном из заседаний следующие слова: «Пусть каждый из нас воодушевляет друг друга к активной деятельности. Именно — воодушевляет, а не охлаждает. Всякую лепту нашу пусть ценят наши сотрудники даже выше ее стоимости... Надо избегать всяких порицаний, вообще ненужных и крайне ненаучных в нашем деле. Ибо многие просвещенные люди, по самой природе истинного просвещения, слишком робки перед окриками невожатых критиков... Иные, я знаю, стесняются малости дела. Но они забывают, что великое делается из малого».¹²²

Несмотря на то, что «Положение» 1884 г. не оговаривало необходимости ротации руководящего состава ГУАК, И.И. Дубасов в ноябре 1887 г. выступил с инициативой проведения перевыборов должностных лиц комиссии (председателя, товарища председателя и правителя дел) через каждые три года. Однако тамбовские архивисты позволили себе не согласиться с его предложением, справедливо полагая, что равноценную замену столь авторитетному и компетентному председателю найти вряд ли удастся.

В 1900 г. И.И. Дубасов получил новое служебное назначение на должность директора народных училищ в Курске. К этому времени он уже был награжден орденами св. Станислава второй и третьей степени и св. Анны второй и третьей степени, имел чин действительного статского советни-

ка. Известно, что, несмотря на повышение по службе, Дубасов воспринял свое назначение как ссылку и тяжело переживал необходимость отъезда из родного города. В Тамбове он оставлял душевнобольную мать, могилы семерых детей, комиссию, у истоков которой стоял и которой отдал шестнадцать лет своей жизни. На последнем состоявшемся под его руководством заседании 16 июля 1900 г. он заявил: «По своим симпатиям я был и есть коренной тамбовец и разлука с Тамбовом и Тамбовской губернией, родиной моей и поприщем моей деятельности, педагогической и писательской, есть великая моя утрата... Тут все мое дорогое и служебное, и писательское, и семейное...»¹²³ Судить со всей определенностью о причинах перевода Дубасова в Курск не позволяет отсутствие источников. Однако в его письме от 21 ноября 1899 г. в адрес С.Н.Шубинского содержатся указания на тех лиц, которые были заинтересованы в отъезде председателя, и, по всей видимости, содействовали этому. «Текущий год для меня, — писал И.И.Дубасов, — тяжелый год. Основатель вверенного мне учительского института Э.Д.Нарышкин, и в особенности, его супруга хотят меня удалить из Тамбова... Они люди сильные, а я — не сильный».¹²⁴ Судя по последующим строкам письма («оставаться в Тамбове мне, многосемейному, нельзя — многолюдная семья моя пить-есть просит»), Нарышкины предполагали сместить Дубасова с поста директора института. В связи с отъездом председателя местные историки и архивисты испытали объяснимое чувство значительной утраты. Отчет ТУАК за 1900 г. констатировал, что с переездом Дубасова комиссия «понесла невоснаградимую потерю, так как лишилась возможности пользоваться его знаниями и опытом при его живом непосредственном участии и примером любви и неослабевавшей энергии, так воодушевлявшей его сотрудников».¹²⁵

С момента отъезда и вплоть до самой смерти имя И.И.Дубасова исчезает со страниц «Известий». Его переписка с комиссией во время пребывания в Курске носила эпизодический характер. В основном она касалась вопросов, связанных с подготовкой к открытию Курской ученой архивной комиссии, деятельное участие в которой принимал бывший председатель ТУАК. 27 сентября 1903 г. Дубасов был уволен от службы за выслугу лет и вернулся в родной город. Недостаточность документальных материалов делает невозможным заключение о причинах, заставивших первого председателя комиссии совершенно отойти от участия в ее деятельности по возвращении в Тамбов. Можно лишь предполагать, что виной тому были и прогрессирующая болезнь, и нежелание Дубасова оспаривать лидерство нового председателя, внесшего в руководство комиссией совершенно новый стиль. Степень вероятности тех или иных догадок на этот счет весьма проблематична, ввиду полного отсутствия источников, проливающих свет на обстоятельства последнего периода жизни ученого. Скончался И.И.Дубасов 18 ноября 1913 г. В церкви Екатерининского института была отслужена заупокойная литургия, погребение состоялось 20 ноября на Успенском кладбище. Памяти первого председателя было посвящено открытое заседание ТУАК 7 января 1914 г., на котором с воспоминаниями о нем выступили А.Н.Норцов, П.Л.Кире-

ев, А.А.Щеголев.¹²⁶ Последний в своем выступлении выразил надежду, что комиссия останется верна «слову исторической правды... которую так любил высокообразованный, гуманный и рыцарски-благородный Иван Иванович Дубасов».¹²⁷ Некрологи о скончавшемся первом председателе ТУАК были помещены как в местных, так и в центральных изданиях.¹²⁸

Второй председатель ТУАК А.Н.Норцов являлся гораздо более неоднозначной личностью, и его деятельность, в отличие от И.И.Дубасова, признанного патриарха тамбовского краеведения,¹²⁹ краевой историографией практически не рассмотрена. Потомственный дворянин, генеалог, теософ, камер-юнкер двора, Норцов оставался вне поля зрения исследователей, несмотря на свои несомненные заслуги в области организации научных работ по изучению истории края. Яркие выраженные промонархические взгляды председателя не способствовали развитию интереса к его деятельности со стороны советских историков. В отсутствии внимания к его фигуре не последнюю роль, вероятно, сыграла и нелестная характеристика, данная ему в свое время авторитетным тамбовским историком П.Н.Черменским. Последний со всей категоричностью утверждал, что «не обладая талантом настоящего ученого, ни мастерством изложения, Норцов был прилежным сводчиком исторического материала».¹³⁰ В то же время он все-таки был вынужден признать, что Норцову удалось оставить фундаментальный след в краевой историографии своим неопубликованным объемным трудом «Историко-статистический обзор Тамбовского края» и генеалогическими работами, «более всего отвечавшими его интересам и талантам».

А.Н.Норцов принадлежал к старинному харьковскому дворянскому роду, первые упоминания о котором относятся к XVII в.¹³¹ Большинство представителей этого рода посвятили свою жизнь военной службе. Дед Алексея Николаевича — П.Ф.Норцов, майор Изюмского гусарского полка, был участником походов в Пруссию времен наполеоновских войн. Отец — Н.П.Норцов, полковник лейб-драгунского полка, принимал участие в сражениях Крымской войны. Выйдя в отставку в 1859 г., он поселился в имении Березовка-Сабуровка в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Здесь 23 июля 1859 г. родился его второй сын, получивший при крещении имя Алексей. После смерти старшего брата Николая он остался единственным ребенком в семье. По воспоминаниям самого А.Н.Норцова, он рос одиноким, без товарищей и в детские годы отличался болезненной впечатлительностью.¹³² Родители стремились дать сыну строго казновое, выдержанное в старых дворянских традициях воспитание. Место его первоначального обучения — московский пансион Репмана — было признано неподходящим из-за преобладания среди учащихся, по словам самого Норцова, «потомства всевозможных богатых лавочников и мастеровых». Вскоре он был переведен в другое, аристократическое частное учебное заведение. Успехи юного Норцова в науках, по его собственному признанию, были достаточно скромными. Гораздо больше его привлекало чтение средневекового эпоса и рыцарских романов, посещение итальянской оперы. Однако настоящей его страстью стало библиофильство: начиная с 9 лет все свои карманные деньги будущий историк тратил на

приобретение книг, первоначально французских романов и исторических произведений. В это же время он впервые попробовал себя на литературном поприще, написав исторический роман «Андрей Боголюбский» и трагедию «Василий Шуйский», поставленную товарищами по классу. Однако преобладающим сюжетом ранних произведений Норцова были, по его же признанию, «рыцарство, дуэли, битвы, а финал постоянно в гамлетовском духе — все действующие лица погибали и никого в живых не оставалось».¹³³

В 1878 г. А.Н.Норцов, следуя семейной традиции, определился на службу в знаменитый лейб-гусарский Павлоградский полк, к которому, по словам будущего председателя, его всегда «влекла сердечная симпатия». Спустя полгода он предпринял попытку поступить в Тверское кавалерийское юнкерское училище, закончившуюся неудачей. Летом 1879 г. по настоянию родных он перевелся в гусарский Нарвский полк, находившийся в Козлове. Полком командовал в то время А.А.Пушкин — сын поэта, но познакомиться с ним Норцов не успел, так как в сентябре этого же года со второй попытки поступил в кавалерийское училище. Впрочем, учеба была недолгой, ибо в 1880 г. училище было им оставлено — он вновь вернулся в полк, а вскоре и вовсе вышел в отставку. Официальной причиной отставки была объявлена болезнь, но, по признанию самого Норцова, дело заключалось в некой романтической истории, повлекшей за собой намерение жениться.

Выйдя в отставку, он приобрел дом в Тамбове, где и поселился. С этого времени начались систематические научные занятия будущего председателя ТУАК. Он не имел фундаментального университетского образования, к которому, кстати говоря, консервативно настроенный А.Н.Норцов относился с большим скепсисом. В его автобиографии есть красноречивые строки: «Благодаря особой ко мне милости Божией, я не был в университете, где имеют обыкновение учить всему, кроме веры в Бога и уважения к прошлому».¹³⁴ Тем не менее, что признавали многие современники, Норцов являлся необычайно эрудированным человеком. В силу разносторонности интересов и многогранности своей натуры он всякий раз стремился в совершенстве овладеть привлечшим его внимание предметом. Так, познакомившись во время пребывания за границей с одним из европейских медиумов, Норцов заинтересовался теософией и спиритизмом. Он изучил санскрит и ряд древневосточных языков и приступил к занятиям историей религии. В своем доме на окраине Тамбова Норцов устраивал спиритические сеансы, отчеты о которых печатались в английских и французских журналах. Описание одного из таких сеансов включено и в известную книгу А.Н.Аксакова «Анимизм и спиритизм». Вскоре тамбовский спирит был избран членом парижского теософского общества «Гермес», венского «Теософского союза», вошел в состав акционеров международной компании по основанию теософского монастыря близ Локарно. Первой печатной работой Норцова стал изданный в Париже доклад, подготовленный им к международному конгрессу по спиритуализму, состоявшемуся в 1889 г. Задумав написание обширного труда по истории религий и мистицизма, он опубликовал несколько его глав:

«Мистерии древнего мира и значение их символизма» и «Символ чаши в христианской иконографии и истории».¹³⁵ Работы А.Н.Норцова, в которых автор благодаря знанию древних и новых языков продемонстрировал владение методами сравнительно-исторического и лингвистического анализа, были переведены на английский, чешский и немецкий языки. Они получили положительные отклики как в отечественной, так и в зарубежной печати. Известный филолог-славист и археограф приват-доцент Петербургского университета (впоследствии профессор Варшавского университета) А.И.Яцимирский писал в своей рецензии, что «исследование Норцова по глубине и обилию ценного материала представляет далеко незаурядное явление».¹³⁶ Получив известность в научных кругах, Норцов в 1898 г. по рекомендации бельгийского ориенталиста профессора Ч.-Ж.Гарле де Дюлен был принят в члены английского Королевского Азиатского общества. Одновременно он состоял членом Лондонского фольклорного общества.

Помимо занятий научной деятельностью в число увлечений А.Н.Норцова входили также библиофильство и сочинительство. Зародившееся в детстве увлечение переросло с годами в настоящую страсть, не покидавшую его на протяжении всей жизни. Имея поставщиков книг в Москве, Лондоне, Лейпциге и Париже, Норцов сумел собрать библиотеку, насчитывавшую более четырех тысяч томов по истории, археологии, философии, истории религий, фольклору, древневосточной литературе, лингвистике, оккультизму и т.д., включая уникальные средневековые фолианты. Некоторые редкие издания имелись в двойном экземпляре, что позволяло Норцову обмениваться книгами с известными собирателями книг и библиографами, например, с П.П.Шибановым.¹³⁷ Библиотека Норцова была внесена в «Адресную книгу русских библиофилов» (1904 г.).¹³⁸ Обладая определенным литературным даром, он на протяжении многих лет писал стихи, повести, драматургические произведения, издававшиеся в Тамбове ограниченным тиражом. В его личном архиве сохранились собственноручные переводы индийского эпоса и немецкой поэзии.

К собственно историческим занятиям А.Н.Норцов пришел через свое увлечение генеалогией. В середине 1890-х годов он получил от С.А.Панчулидзева, готовившего труд по истории кавалергардов,¹³⁹ просьбу сообщить биографическую справку о его деде А.Т.Слепцове. Собрав необходимые данные, Норцов приступил к написанию истории своего рода и родословных родственных семей. Узнав о том, что в архиве ТУАК хранятся интересующие его документы, он обратился с просьбой к И.И.Дубасову, от которого и получил приглашение стать членом местного исторического общества. Избрание Норцова состоялось на общем собрании комиссии 11 октября 1898 г. Время прихода нового сотрудника было отмечено стечением целого ряда неблагоприятных для комиссии обстоятельств, следствием которых стало фактическое приостановление ее деятельности. В конце 1890-х гг. ТУАК оказалась перед угрозой потери собственного помещения и лишилась почти всех средств существования. Положение, как уже указывалось выше, усугублялось фактическим отсутствием руководства комиссией. Энергичный, инициативный и обла-

давший к тому же немалыми связями Норцов оказался в рядах членов местного научного общества как нельзя более кстати. Отчеты ТУАК за 1899 и 1900 гг., констатируя начало оживления ее работы, признают, что «этому немало способствовал Норцов, выказавший большую любовь к учено-архивному делу и проявивший много энергии в разработке вопросов научного и практического свойства».¹⁴⁰ Новый сотрудник предложил несколько вариантов проекта изыскания средств, взял на себя хлопоты по сохранению помещения, опубликовал в «Тамбовских губернских ведомостях» обращение к местному дворянству с разъяснением роли ТУАК как собирательницы и хранительницы родовых документов. На общих собраниях Норцову нередко доводилось замещать болевшего председателя. Из семи заседаний, состоявшихся в 1899 г., три прошли под его руководством. Когда же встал вопрос о занятии вакантной должности товарища председателя, Норцов, ввиду отсутствия претендентов (рекомендованный И.И.Дубасовым на собрании 11 октября 1898 г. председатель съезда мировых судей С.Н.Чичерин взял самоотвод), предложил собственную кандидатуру. На заседании 2 февраля 1899 г. он был единогласно избран.¹⁴¹

11 сентября 1900 г. А.Н.Норцов был назначен вторым и последним председателем Тамбовской комиссии. Утверждать с полной определенностью, что перевод И.И.Дубасова был связан с приходом в комиссию нового сотрудника, на наш взгляд, не представляется возможным. Тем не менее можно предположить, что известный своими консервативными политическими взглядами потомственный дворянин Норцов был более предпочтителен для властей в роли председателя местного исторического общества, чем разночинец по происхождению Дубасов. В то же время немногие сохранившиеся письма Норцова в адрес первого председателя свидетельствуют о глубоком чувстве уважения и симпатии, которое он испытывал к нему. «Трудно и невозможно, — писал он в одном из них, — быть преемником, достойным Вас, дорогой Иван Иванович. Но буду делать все зависящее от себя и прошу позволить обращаться к Вам за советами и руководством... Мне так хотелось бы видиться с Вами, и говорить, и слышать от Вас слово сочувствия и одобрения... Сколько раз я вспоминал Вас, дорогой Иван Иванович, и сколько раз, читая Ваши речи, я видел в каждой из них всю Вашу сердечность к науке и деликатное отношение к междоусобицам членов! Хотя я и не падаю духом, но я должен сказать, что первое время очень трудно, неприятностей много, дел еще больше, а толку еще пока мало. Но будем надеяться, что милостью Божией все прояснится и дело пойдет».¹⁴²

Судя по переписке А.Н.Норцова, обязанности председателя ТУАК, особенно в первые годы, были для него необычайно тяжелы. Он писал, что не находит поддержки своим начинаниям и чувствует себя «одиноким волком в поле». Одно время, как свидетельствует его письмо В.В.Воейкову от 1905 года, он собирался уйти со своего поста.¹⁴³ В письме имеется указание на то, что Норцов официально заявил о намерении оставить свою должность на собрании 12 июня 1905 г. Однако ни опубликованный, ни рукописный варианты протокола собрания этого заявления пред-

седателя не содержат. Источники умалчивают и об основаниях его решения. Можно допустить, что имели место причины как субъективного, так и объективного характера. К числу первых принадлежали личностные качества Норцова. Исходя из их анализа, можно утверждать, что ему было нелегко найти общий язык с коллегами. Не случайно в одном из частных писем Норцов адресовал самому себе вопрос: «Почему у меня до сих пор такое упорное презрение к людям, в особенности, нашего круга?»¹⁴⁴ Если же учесть, что отношения между сотрудниками ТУАК осложнялись порой разного рода недоразумениями, то должность их руководителя должна была рано или поздно начать тяготить Норцова. Среди объективных причин следует назвать многочисленные трудности организационного, финансового и другого характера, неизбежные при неопределенности правового положения ТУАК. Норцов пытался использовать свои связи в высшем обществе для стабилизации положения Тамбовской комиссии, однако большинство его попыток было неудачным. После встречи с П.А.Столыпиным в 1910 г. он с большой долей горечи написал в одном из своих писем, что премьер-министр «был очень любезен и обещал все, что можно сделать, но я знаю, что это постоянная манера петербургских чиновников быть любезными, а потом ничего не сделать».¹⁴⁵

Итак, приход А.Н.Норцова на должность председателя ТУАК означал начало нового периода в ее истории. В руководство комиссией был внесен новый, отличный от прежнего председательства, стиль. Во многом он определялся взглядами Норцова на современное ему общество и его пониманием задач исторического исследования. В своей автобиографии он писал, что интересуется одной лишь наукой, но нисколько обществом, заметив при этом: «<...> впрочем, кто же теперь может интересоваться современным вырождающимся обществом?»¹⁴⁶ Презрение, питаемое Норцовым к морально оскудевшему, на его взгляд, современному обществу, привело его к идеализации исторического прошлого. Если для И.И.Дубасова ценность этого прошлого заключалась в том, что в нем крылись истоки современной народной жизни, то второй председатель ТУАК искал в нем возможность уйти от реалий окружавшей его действительности, принимать которую он отказывался. «Никогда еще, — писал он, — не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака, как именно теперь. Оскудела идеальная жизнь общества».¹⁴⁷ В свете этих высказываний становится понятной та установка, которую он дал своим сотрудникам в самом начале деятельности на посту председателя архивной комиссии. «С самого момента своего открытия, — сказал он на заседании, посвященном 17-летию ТУАК, — она, так сказать, отрешилась от настоящего, ее не волновали и не волнует каждодневное бессмысленное “struggle of life” — борьба за существование, она ушла в далекое прошлое, которое лучше настоящего по одному тому, что оно прошлое».¹⁴⁸

Одним из направлений деятельности нового председателя стала популяризация целей комиссии. На собрании 11 сентября 1900 г. А.Н.Норцов заявил, что о ТУАК известно научным обществам России, но факт ее существования игнорируется тамбовским обществом, поэтому следует всеми доступными средствами популяризировать ее занятия, приглашать

на заседания в качестве гостей посторонних лиц, привлекать в члены желающих оказать свое содействие, и тогда тамбовское общество, возможно, заинтересуется «историей, археологией и архивными делами нашего края».¹⁴⁹ В привлечении в ряды ТУАК новых сотрудников Норцов видел способ приобщения широких кругов общества к историческим знаниям. В этой связи следует отметить, что, несмотря на многочисленные сословные предрассудки второго председателя комиссии, его кадровая политика была достаточно демократичной. В состав ТУАК по-прежнему принимались все, кто изъявлял на то желание или мог быть ей тем или иным образом полезен. Разумеется, в первую очередь он стремился привлечь в комиссию представителей губернского дворянства и особенное значение придавал популяризации ее деятельности среди военных. Воспитание, семейные традиции и собственное офицерское прошлое привели его к убежденности в том, что «военный элемент» является основой благосостояния государства, оплотом его культуры и в силу этого должен занимать одно из центральных мест в иерархии сословий. Военной тематике он отдал должное и в своем научном творчестве.¹⁵⁰ Особенно импонировало романтической натуре Норцова то, что «по роду своей службы военные воспитываются в среде, где понятия о храбрости, благородстве и самоотвержении имеют преимущественное значение». Такие люди, по мысли председателя, должны были составить костяк комиссии. Офицеры квартировавших в Тамбове кавалерийских полков были частыми гостями на заседаниях местного научного общества. По рекомендации Норцова многие из них стали его членами. Например, на заседании 12 января 1911 г. в состав ТУАК были избраны 23 приглашенных в качестве гостей офицера. В их числе генерал-лейтенант Е.З.Корбут, генерал-майоры А.Е.Горбачевич и Н.Я.Жданович, полковники П.П.Апрелев, В.С.Попов, Н.В.Желтухин, С.И.Богданович, А.А.Архипов и др.

Характерной особенностью научной деятельности нового председателя стало то, что он не ограничивался местной проблематикой и зачастую выходил за рамки, пользуясь его выражением, «узкого тамбовского шовинизма». В 1909 г. он опубликовал работу «Путь солнца в процессе мирового движения».¹⁵¹ Его труд должен был стать, по мысли автора, своеобразным историко-философским комментарием к картине императора Вильгельма II под названием «Народы Европы, охраняйте ваши священные права». В аллегорической форме в ней выражалось предостережение о грозящей европейским народам со стороны Азии опасности. Предпослав своему труду в качестве своеобразного эпиграфа иллюстрацию картины императора, А.Н.Норцов развил в нем мысль о нарастании «желтой угрозы». Утверждая на основе многочисленных исторических примеров, что переселение народов с древнейших времен следовало с востока на запад, автор пришел к выводу о грядущем порабощении Европы Азией. Будучи приверженцем теории органического развития наций, Норцов вслед за Н.Я.Данилевским и К.Н.Леонтьевым полагал, что в соответствии с действием биологического закона историческая деятельность изнашивает силы наций. В силу этого возникновение угрозы с Востока Норцов рассматривал как следствие вырожде-

ния европейской нации, исчерпавшей свой жизненный потенциал, и возрождения азиатской. Симптомы этой угрозы он усмотрел в покушении на жизнь наследника российского престола во время его пребывания в Японии в 1891 г. и общем усилении военно-политической активности этой страны, приведшей к войне с Россией. Труд А.Н.Норцова носил явный отпечаток идей В.С.Соловьева о возможном скором уничтожении европейской цивилизации новым панмонголизмом¹⁵² и не имел оригинального характера. Рукопись председателя ТУАК через российского посла в Берлине была преподнесена Вильгельму II, выразившему автору свою благодарность.

В годы первой мировой войны А.Н.Норцову пришлось пересмотреть свои взгляды относительно направления грозящей России опасности. В это время он написал своего рода трилогию, посвященную истории взаимоотношений немецкого и славянского народов.¹⁵³ По замыслу автора она должна была стать основой будущего обширного труда «Славяне и немцы». Проследив основные вехи в истории отношений славян и немцев, Норцов пришел к выводу о глубоком различии их ментальности. Немецкому «кулаку, насилию и безнравственным принципам» он противопоставил «необычайную славянскую беспечность, доверчивость и великодушие», которые во все времена использовались немцами во вред русским. Работы Норцова были написаны под влиянием политической ситуации и явно преследовали пропагандистские цели. В силу своей компилятивности они не имеют научной ценности. Однако в то же время нельзя не отметить проявленную автором редкую для провинциального историка широту кругозора и владение значительным объемом новейшего материала. Этот факт признавали и многие видные современники Норцова. Например, профессор Харьковского университета В.П.Бузескул писал Норцову в 1916 г. по поводу его книги: «Прочел я ее, разумеется, с большим удовольствием, и не мог не подивиться тому, что работая в неблагоприятных условиях, в г. Тамбове, Вы, тем не менее, используете значительную литературу, даже новейшую».¹⁵⁴ А.С.Лаппо-Данилевский в письме от 1916 г. охарактеризовал его работы как «интересные».¹⁵⁵

Масштаб незаурядной, богато одаренной, хотя и противоречивой личности А.Н.Норцова с трудом вписывается в провинциальные рамки в их привычном понимании. Редакция газеты «Тамбовский край» констатировала в очерке, посвященном двадцатипятилетнему юбилею научной деятельности председателя ТУАК: «<...> на фоне жизни Тамбовской губернии А.Норцов бесспорно — крупная личность».¹⁵⁶ Известный коллекционер, библиограф и историк М.К.Соколовский писал о нем в своих воспоминаниях: «Человек не без искры таланта, получивший хорошее домашнее первоначальное воспитание, знавший иностранные языки, Норцов... любил архивное дело, понимал его, умел обращаться с историческими источниками с целью извлечения из них научных данных...»¹⁵⁷ Признанием научных заслуг Норцова стало его избрание почетным членом Псковского археологического общества, Тамбовской, Тульской и Псковской архивных комиссий, членом-учредителем и членом Совета историко-родословного общества в Москве, Тамбовского церковного

историко-археологического комитета и Тамбовского отделения Русского Военно-исторического общества, действительным членом московского Археологического института, Общества ревнителей русской истории, Бородинского общества охраны памятников, Русского генеалогического общества, Витебской, Казанской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тверской ученых архивных комиссий, членом-сотрудником петербургского Археологического института.

После председателей наиболее ответственную и значительную по объему работу в губернских ученых комиссиях выполняли правители дел. Их долговые обязанности заключались в составлении протоколов общих собраний, ведении официальной переписки с различными учреждениями и лицами, редактировании выпусков повременных изданий. До учреждения в 1901 г. должности казначея правители дел ТУАК ведали хранением и расходованием денежных средств комиссии. В связи с многочисленностью и ответственностью обязанностей, возлагавшихся на исполнявших эту должность лиц, они довольно часто сменялись. Первым правителем дел Тамбовской комиссии стал преподаватель гимназии В.В.Соловский. Он занимал этот пост до 18 августа 1886 г. и оставил его в связи с назначением на должность редактора неофициального отдела «Тамбовских губернских ведомостей», после чего уже не смог уделять должного времени ведению делопроизводства ТУАК. Его сменил старший нотариус окружного суда М.Г.Розанов, находившийся на этом посту вплоть до 1889 г. На заседании комиссии 23 июня он заявил, что его обязанности в этом качестве препятствуют деятельности по разбору дел исторического архива. Спустя несколько месяцев, в октябре 1889 г. Розанов был вынужден уехать из Тамбова в связи с назначением его членом Рижского окружного суда. Несмотря на относительно непродолжительный срок своего пребывания в составе комиссии, Розанов сумел оставить значительный след в ее истории. Именно ему комиссия обязана приобретением обширного частного архива графов Сухтеленых, а также многочисленными поступлениями в музей памятников археологии и произведений живописи. Кроме того, он активно занимался описанием дел исторического архива и составил указатель к его описи.

М.Г.Розанова сменил преподаватель Екатерининского учительского института П.А.Дьяконов, занимавший должность правителя дел с 1889 г. по 1898 г. С октября 1898 по 1902 г. делопроизводством комиссии занимался учитель начального училища при Екатерининском институте А.А.Курбатов. Выходец из крестьянской семьи, Курбатов в 1884 г. окончил курс Екатерининского института, после чего получил должность инспектора народных училищ Усманского уезда, а затем — учителя Пригородного народного училища. В 1888 г. он был переведен в Екатерининский институт и с 1889 г. стал членом ТУАК.¹⁵⁸ Курбатов зарекомендовал себя как активный деятель комиссии, был автором ряда статей и заметок в местной и столичной периодике. После него вплоть до 1908 г. правителем дел состоял преподаватель Тамбовской духовной семинарии Н.А.Щеглов. Он являлся выпускником Киевской духовной академии и имел степень кандидата богословия. В 1900 г. епархиальный училищный совет

утвердил Щеглова в качестве учителя русской литературы в Ново-Александровской церковно-учительской школе в Козловском уезде. С 1901 г. он служил преподавателем истории в частной гимназии, затем — русского языка в Тамбовском епархиальном женском училище и Александринском институте благородных девиц.¹⁵⁹ Должность правителя дел комиссии была оставлена Щегловым в связи с загруженностью на основном месте работы. 20 января 1908 г. этот пост занял В.И.Конобеевский. После окончания Тамбовской духовной семинарии в 1896 г. он служил помощником столоначальника канцелярии местной консистории, с 1900 г. был назначен столоначальником.¹⁶⁰ В состав комиссии Конобеевский был избран в 1905 г. С 1 декабря 1918 г. он являлся казначеем ТУАК. Помимо членства в ученой комиссии Конобеевский принимал участие в работе Общества по устройству народных чтений в Тамбовской губернии. Он опубликовал ряд статей по истории Тамбовского края и биографии местных выдающихся деятелей на страницах «Известий» ТУАК.

Для заведования историческим архивом, музеем и библиотекой ТУАК из числа наиболее подготовленных сотрудников избирались хранители архива и музея, библиотекари. Две первые должности первоначально совмещал избранный на заседании комиссии 17 июня 1887 г. П.И.Пискарев. Он исполнял свои обязанности хранителя музея вплоть до 1893 г., архива — до 1901 г. Пискарев являлся одним из наиболее деятельных сотрудников, которому комиссия была обязана многими своими достижениями и прежде всего в области организации исторического архива.

П.И.Пискарев родился в 1821 г. в семье сельского священника в селе Благодать Ефремовского уезда Тульской губернии. По окончании Полтавской духовной семинарии он поступил в Петербургский университет, который по недостатку средств был вынужден спустя два года оставить. В 1844 г. будущий архивист начал служебную деятельность в качестве учителя русского языка в Макарьевском уездном училище (Нижегородская губерния), затем переехал в Арзамас, где способствовал открытию библиотеки. В Макарьеве начались систематические научные занятия Пискарева, уделявшего большое внимание изучению местных архивов и сбору фольклорного материала.

В 1849 г. П.И.Пискарев переехал в Нижний Новгород, поступив на должность столоначальника в удельную контору. В этом городе Пискарев сблизился с известным русским писателем, в то время — редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» П.И.Мельниковым-Печерским, и знаменитым составителем словаря русского языка В.И.Далем. Будущий архивариус ТУАК оказал существенную помощь в подготовке словаря, предоставив Далю собранный им фольклорный и этнографический материал. В 1850 г. Пискарев был избран членом-сотрудником комиссии для разбора и печатания древних актов Нижегородской губернии. В 1851 г. он вновь вернулся на педагогическое поприще и в последующие годы работал в качестве смотрителя уездных училищ в Лебедяни, Козлове и Темникове. В 1874 г. Пискарев вышел в отставку и поселился в Тамбове, целиком посвятив себя разбору документов губернских архивов.

С открытием Тамбовской ученой архивной комиссии в 1884 г. П.И.Пискарев стал одним из наиболее активных ее членов. Будучи первым архивариусом ТУАК, он много сил и энергии положил на формирование губернского исторического архива, приведение в порядок и описание его дел. В отдельные, не лучшие периоды истории комиссии трудоемкое и кропотливое дело описания документов полностью лежало на Пискареве. Подготовленные им описи печатались в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии». Усилиями архивиста были также опубликованы значительные подборки документов по истории Тамбовского края и местного церковного строительства. По признанию современников, Пискарев обладал редким историческим чутьем, позволявшим ему выбирать среди безбрежной массы исторического материала наиболее существенное и важное. При этом он проявлял стремление к научному оформлению публикаций, сопровождая их элементами научно-справочного аппарата. Результаты его изысканий публиковались на страницах нижегородских и тамбовских «Губернских ведомостей», «Журнала министерства народного просвещения», «Тамбовских епархиальных ведомостей», «Известий» ТУАК. Одним из наиболее значительных трудов Пискарева стало подготовленное им «Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии». ¹⁶¹ Некоторые исследователи, в частности С.Н.Введенский, приписывали авторство этого труда известному провинциальному историку Д.Самбикину. Однако член ТУАК А.А.Щеголев доказал, что на самом деле он был подготовлен Пискаревым. ¹⁶² Эту точку зрения разделяли И.И.Дубасов и В.С.Иконников, охарактеризовавший «Собрание» как ценнейшее научное издание. Причиной возникшего с авторством недоразумения стала свойственная тамбовскому архивисту манера публиковать свои работы под псевдонимами, либо вообще без указания фамилии. Подобная практика была следствием его необычайной личной скромности, которую отмечали все, близко его знавшие. «В своей печатной деятельности, — отмечал А.А.Щеголев, — служебной и частной жизни он отличался замечательной правдивостью и честностью, аккуратностью и превосходной памятью. Менее всего он был способен на бахвальство и хвастовство и никогда не выставлял себя на вид». ¹⁶³ Щеголев считал, что Пискарев принадлежал к числу лучших архивистов России своего времени. ¹⁶⁴

Несмотря на то, что основную задачу местного научного общества П.И.Пискарев видел в сохранении губернских фондов, он проявлял интерес и к археологическим исследованиям. В 1889 г. по поручению ТУАК он обследовал местность близ Лядинского могильника, изложив итоги проведенных исследований в опубликованной в «Известиях» ТУАК статье. В 1893 г. Пискарев был делегирован в состав Предварительного комитета по созыву IX археологического съезда, состоявшегося в Вильно.

Являясь прирожденным архивистом, П.И.Пискарев считал своим призванием не научно-исследовательские изыскания, а разбор, описание и издание исторических документов. Вследствие этого он не оставил после себя весомых научных трудов, однако его предварительные труды на архивной ниве сделали возможным появление многих статей И.И.Дубасо-

ва и других видных тамбовских краеведов. В этой связи П.Н.Черменский отмечал: «Кто знает условия работы в провинциальных архивах в прошлом столетии, тот оценит труды П.И.Пискарева и поблагодарит за них». ¹⁶⁵ Деятельность видного провинциального архивиста не осталась незамеченной центральными научными учреждениями. В 1853 г. Академия наук выразила Пискареву признательность за собранные образцы русской народной словесности. За усердие и труды в пользу науки он был награжден орденами св. Анны 3-й степени и св. Станислава 2-й степени. В 1856 г. Пискарев был избран членом-корреспондентом Лебединского общества сельского хозяйства, а в 1863 г. — членом-сотрудником Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе. Несмотря на общее признание заслуг тамбовского подвижника, свою жизнь он закончил в глубокой нищете, скончавшись 28 января 1904 г. в Тамбовской общественной больнице.

В период болезни П.И.Пискарева на должность хранителя архива была назначена С.К.Платонова, занимавшая ее вплоть до конца истории комиссии. Одна из старейших членов Тамбовской комиссии, Платонова после смерти мужа (учителя городского училища М.Ф.Платонова) зарабатывала себе и двум детям на жизнь шитьем и уроками, а также исполнением обязанностей заведующей публичной библиотекой Тамбова. До назначения на должность архивариуса она являлась библиотекарем ТУАК. После ее ухода на должность хранителя архива, с марта 1901 г. заведование библиотекой перешло в ведение преподавателя Тамбовской духовной семинарии Н.И.Орлова. Выпускник Киевской духовной академии, он зарекомендовал себя как активный собиратель и издатель документов церковно-исторического характера. После отъезда Орлова в 1906 г. на новое место службы в Новочеркасск эта должность в течение двух лет оставалась вакантной. В январе 1909 г. ее занял А.А.Щеголев, исполнявший обязанности библиотекаря вплоть до 1922 г. После окончания Тамбовской духовной семинарии Щеголев с 1892 г. работал последовательно учителем городской школы, статистиком губернского земства, помощником архивариуса Тамбовской духовной консистории, библиотекарем Общества народных чтений. В 1904 г. он вступил в ряды комиссии и стал одним из наиболее активных ее сотрудников. Щеголев проделал значительную работу по обобщению литературы по истории края, результатом которой стал выпуск ряда библиографических указателей.

В 1893 г. исполнение обязанностей хранителя музея и архива было разделено, что было связано с переездом музея из помещения ТУАК в здание Нарышкинской читальни из-за нехватки площадей и необходимости ремонта. В период с 1893 по 1905 г. музей находился в совместном заведении ученой архивной комиссии и Общества по устройству народных чтений. В это время его возглавлял смотритель Дома народных чтений Д.Е.Голубев. В 1906 г. правление Общества передало его в полное распоряжение ТУАК, и в последующие годы он находился под наблюдением заведующего архивом Тамбовской духовной консистории А.И.Самощетова. Выпускник Тамбовского духовного училища и семинарии Самощетов с 1885 г. служил в архиве Синода. В 1896-1902 гг. он занимал

должность помощника архивариуса Тамбовской духовной консистории, а с 1902 г. — архивариуса епархиального совета.¹⁶⁶ В 1901 г. он был избран членом архивной комиссии и внес значительный вклад в формирование и описание ее документальных и вещественных коллекций.

В числе других выборных должностей ТУАК была должность казначея, введенная в 1899 г. В обязанности казначея входил контроль над доходными и расходными статьями бюджета комиссии, наблюдение за должным исполнением постановлений общих собраний по финансовым вопросам и составление ежегодных отчетов о финансовом положении ТУАК. Первым казначеем комиссии был избран А.А.Курбатов. Затем в январе 1901 г. эту должность занял преподаватель Тамбовского духовного училища Ф.С.Соколов. После его увольнения в связи с состоянием здоровья в октябре 1907 г. казначеем был назначен чиновник Тамбовской духовной консистории Д.М.Успенский. По свидетельству своих коллег он являлся одним из наиболее незаурядных молодых членов комиссии. Рано осиротевший, Успенский воспитывался на казенный счет в духовных учебных заведениях. Несмотря на то, что ему не удалось получить высшее образование, он был разносторонне образованным человеком, знавшим несколько языков и обладавшим большими познаниями в области истории.¹⁶⁷ Ранняя смерть помешала Успенскому реализовать свой творческий потенциал.

В феврале 1913 г. в связи с болезнью Д.М.Успенского должность казначея перешла к заведующему школьным отделом Тамбовской уездной земской управы Н.Н.Иванову. После окончания Екатерининского учительского института Иванов в 1890–1909 гг. работал учителем, затем в 1910–1912 гг. библиотекарем Нарышкинской читальни. В комиссию он вошел в 1906 г., должность казначея занимал до 1 декабря 1918 г. Иванов являлся автором статей по местной истории, библиографии, школьному делу, которые публиковались в местных периодических изданиях.

После утверждения устава ТУАК в 1909 г., согласно одному из его положений, комиссия начала избирать редакционный комитет и ревизионную комиссию. В состав редакционного комитета входили должностные лица комиссии, а также избираемые из ее состава члены. Так, в 1909 г. членами комитета были тамбовский епархиальный миссионер М.И.Третьяков, преподаватель духовной семинарии Н.А.Щеглов, священник В.В.Лебедев, в 1911–1913 гг. — И.А.Троицкий, Н.Н.Иванов, В.В.Лебедев, А.И.Ржавинский, в 1914–1915 гг. — священник В.А.Разумов, заведующий Конобеевской сельской школой Моршанского уезда М.Ф.Николаевский, преподаватель Тамбовской мужской гимназии С.Ф.Николаев.

В задачи ревизионной комиссии входило освидетельствование приходно-расходных книг комиссии и ежегодных денежных отчетов казначея, а также изучение состояния архива, музея, библиотеки и помещения комиссии в целом. Доклады ревизионной комиссии заслушивались на годовых собраниях, на которых принимались решения по вносившимся ею предложениям. Состав ревизионной комиссии периодически обновлялся. Так, в 1909 г. в нее были избраны учитель классической гимназии М.Г.Попов, делопроизводитель дирекции народных училищ Тамбовской

губернии П.Л.Киреев, Н.Н.Иванов, в 1910 г. — смотритель здания Общества народных чтений И.И.Львов, помощник присяжного поверенного И.И.Маркелов, присяжный поверенный П.М.Назарьев; в 1911 г. — секретарь Тамбовской духовной консистории А.Е.Андриевский, И.И.Маркелов, полковник П.Ф.Максимов; в 1912 г. — К.И.Коваленкова, подполковник С.И.Теннис, бухгалтер губернской земской управы Н.П.Рахманинов; в 1913 г. — И.И.Львов, П.Л.Киреев, С.И.Теннис; в 1914, 1915 гг. — П.Л.Киреев, И.И.Львов, управляющий Тамбовским отделением Государственного банка В.П.Троицкий.

Состав рядовых членов комиссии был достаточно многочисленным, несмотря на то, что отношение тамбовского общества к задачам ТУАК выражалось порой в их полном игнорировании. Причину этого И.И.Дубасов объяснял чрезвычайной недоверчивостью провинциального общества ко всему новому, в особенности, если это новое носит бескорыстный характер.¹⁶⁸ Приходится констатировать, что подобное отношение испытывало на себе большинство архивных комиссий. Так, один из учредителей Рязанской УАК С.Д.Яхонтов отмечал, что ее деятелям приходится не только встречаться с равнодушием, а «прямо-таки бороться и не с равными силами, с вандализмом XIX в., с тщеславием и тупым упрямством».¹⁶⁹ Неизменность подобного отношения год от года фиксировали отчеты Тамбовской комиссии. «Отвлеченные цели, преследуемые деятельностью комиссии, — говорилось в одном из них, — далеки от практических интересов жизни и встречают сочувствие лишь в незначительной части общества. Даже от так называемых интеллигентных людей нередко слышать изумление над нашими трудами и презрительные отзывы о работах».¹⁷⁰ Однако, несмотря на это, в городе находились лица, готовые посвятить трудам местного научного общества свой досуг и посильное умение. Привлечение новых сил в состав комиссии являлось предметом постоянных забот ее первого председателя. По мнению одного из деятельных членов ТУАК А.А.Щеголева, заслуга И.И.Дубасова в отношении комиссии состояла прежде всего в умении авторитетом своей личности привлекать в нее все новых и новых сотрудников.¹⁷¹ В 1884 г. в составе комиссии насчитывалось 23 человека, в 1885 г. их было 39,¹⁷² в 1886 г. — 46, в 1887 г. — 87, в 1889 г. — 153, в 1901 г. — 165 (из них 25 почетных членов и 90 проживавших в Тамбове действительных), в 1904 г. — около 200.¹⁷³ Количество сотрудников ТУАК приблизительно равнялось численности состава других комиссий. По приведенным на II областном археологическом съезде в Твери данным членство ГУАК к 1903 г. достигло следующих показателей: Орловская комиссия — 170 человек, Костромская — 250, Таврическая — 128, Нижегородская — 244, Оренбургская — 110, Пермская — 125, Ярославская — 177, Симбирская — 157, самая молодая Екатеринославская — 63.¹⁷⁴

Начиная с 1905 г. численность сотрудников Тамбовской комиссии не фиксировалась в ее отчетах, однако по приблизительным подсчетам к 1915 г. она увеличилась вдвое по сравнению с началом 1900-х годов и составила более трехсот человек. Какого-либо образовательного ценза при приеме в ГУАК не существовало, и обыкновенно в них принимались все лица,

могущие быть «полезными своими познаниями и усердием к делу». Одни помогали председателю в организационной деятельности, другие – в научных разработках, третьи – денежными средствами. Социальное положение и образовательный уровень сотрудников ТУАК были самыми разными. Среди них были преподаватели и инспектора гимназий и училищ, врачи, архитекторы, священники, купцы, помещики, представители высшей губернской администрации и чиновники низших рангов. Таким образом, комиссия включала в себя представителей различных социальных слоев – разночинной интеллигенции, дворянства, купеческого сословия. Подавляющее большинство активных членов комиссии являлись выпускниками духовных семинарий и академий или местного учительского института.

Безусловно, доля участия сотрудников ТУАК в ее занятиях была далеко не равнозначной. Своей плодотворной деятельностью в первый период истории комиссия была обязана прежде всего группе энтузиастов, составивших ее ядро: П.И.Пискареву, В.В.Соловскому, М.Г.Розанову, П.А.Дьяконову, И.В.Староградскому, С.К.Платоновой, А.А.Курбатову. По словам И.И.Дубасова, это были люди «горячо преданные истории и археологии Тамбовского края... с тем огоньком практической любви к науке, который обыкновенно не угасает».¹⁷⁵ Второй председатель ТУАК справедливо утверждал, что судьба местных исторических обществ в основном зависит от активности и инициативности трех-четырёх человек, бескорыстно преданных научной деятельности. «В большинстве случаев, – характеризовал их А.Н.Норцов, – эти скромные труженики – лица служащие, занятые, связанные между собой одной общей любовью к исторической науке, не получающие за это не только жалованье, но даже подчас и никакого поощрения, зато иногда критику из высших научных сфер. Однако благодаря только этим скромным труженикам создалась деятельность, почет и известность архивных комиссий и до сего дня многие из таких, быть может, мало известных Петербургу, но глубокоуважаемых в комиссиях лиц, существуют в провинции и вывозят на своих плечах репутацию своей комиссии».¹⁷⁶

Во второй период существования ТУАК своей активностью выделялись А.А.Шеголев, В.И.Конобеевский, В.В.Лебедев, А.И.Самоцветов, П.Л.Киреев, Н.А.Щеглов, Н.И.Орлов. Ходатайствуя в 1905 г. о награждении двух последних орденами за успехи на организационном и научном поприще, А.Н.Норцов писал, что они являлись «самыми бескорыстными и усердными моими сотрудниками... Только благодаря прекрасному отношению гг. Орлова и Щеглова к научным задачам комиссии, она была поставлена на степень почетной известности, ныне ею занимаемой».¹⁷⁷

Особое место среди членов комиссии занимал П.Н.Черменский (1884–1973), выделявшийся прекрасной профессиональной подготовкой и незаурядными способностями к историческим исследованиям.¹⁷⁸ Выходец из села Чермные Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Кадомский район Рязанской области), Черменский родился в семье сельского псаломщика. После окончания Шацкого духовного училища он поступил в Тамбовскую духовную семинарию, однако разочаровавшись в

церковной карьере, перешел в Борисоглебскую гимназию, которую закончил с золотой медалью в 1905 г. Уже в пору учебы Черменский совершал многочисленные экскурсии по уездам и волостям края, знакомясь с его географией, историей и бытом населения. Получив гимназическое образование, он переехал в Петербург, где поступил в Историко-филологический институт. В студенческие годы Черменский занимался серьезной научно-исследовательской работой. Его дипломное сочинение «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» отличалось глубиной научного анализа и детальной проработкой источников. В период летних каникул он выезжал в Германию. Поездки за границу обогатили начинающего исследователя не только личными впечатлениями, знакомством с немецкой системой образования, но и позволили значительно усовершенствовать знание немецкого языка. Впоследствии это дало ему возможность зарабатывать на жизнь его преподаванием.

После окончания в 1909 г. института по отделению истории и географии он начал преподавать эти дисциплины в гимназии при институте и одновременно проходил курс в петербургском Археологическом институте, который закончил в 1911 г. Это позволило ему принять участие в археологических раскопках профессора Б.В.Фармаковского в Ольвии и стать впоследствии членом Русского археологического общества. В том же году П.Н.Черменский поступил в качестве вольноопределяющегося в Петербургский университет, где посещал лекции известных специалистов – историка А.С.Лаппо-Данилевского и археолога А.А.Спицына. В 1913 г. молодой ученый был командирован в Марбургский университет для слушания лекций по всеобщей истории и подготовки к магистерским экзаменам. По возвращении он поступил на службу в Тамбовскую гимназию и в 1915 г. был избран членом местной ученой архивной комиссии. В 1916 году он сдал магистерские экзамены и защитил магистерскую диссертацию на тему «Место митрополита Евгения в русской историографии». Спустя год молодой ученый был оставлен в Историко-филологическом институте для подготовки к профессорскому званию, а в 1918 г. причислен к университету и занял место помощника библиотекаря Археологической комиссии.¹⁷⁹

Среди сотрудников ТУАК значительное число составляли иногородние члены – представители научно-исторических обществ, учреждений, высших учебных заведений. Посредством их избрания достигалась цель установления тесных связей с другими научно-историческими организациями. В первую очередь следует отметить имевшую место практику включения в состав комиссии членов других ГУАК. Так, в составе Тамбовской комиссии числились представители Рязанской комиссии – председатель А.И.Черепнин, правители дел А.В.Селиванов и В.А.Шефферлинг, члены И.В.Добролюбов и А.А.Марин; Тверской – председатели А.К.Жизневский и И.А.Иванов; Саратовской – председатели А.А.Тилло и Н.Н.Минх, правители дел С.С.Краснодубровский и Н.С.Соколов, члены А.К.Минх и А.А.Герасимов; Симбирской – председатель В.Н.Поливанов; Нижегородской – председатель А.А.Савельев и библиотекарь Н.И.Драницын; Костромской – Н.М.Бекаревич; Пермской – председатель В.С.Малчен-

ко; Таврической — председатель А.И.Маркевич; Витебской — председатель В.С.Арсеньев (с 1915 г. он же председатель Тульской УАК, затем — Псковской), Воронежской — члены М.Д.Свербеев, Г.П.Дикий, М.П.Трунов; Ярославской — председатель П.Д.Урусов; Тульской — члены А.Д.Бутурлин, А.Ф.Можаровский. Из числа представителей других научных обществ, как столичных, так и провинциальных, в состав ТУАК были избраны секретарь Московского археологического общества В.К.Трутовский, председатель Особой комиссии Русского исторического общества А.Н.Куломзин, секретарь Русского археологического общества И.И.Толстой, член Археологической комиссии А.А.Спицын, член Общества истории и древностей российских при Московском университете Е.В.Барсов, секретарь IV разряда Русского военно-исторического общества М.К.Соколовский, член Общества любителей древней письменности П.Н.Тиханов, представители Воронежского губернского статистического комитета Л.Б.Вейнберг, С.Е.Зверев, В.К.Полторацкая, секретарь Нижегородского статистического комитета А.С.Гацисский и другие. Следующую категорию иногородних членов ТУАК составляли управляющие и служащие крупнейших российских архивов: Московского архива министерства юстиции — управляющие Н.А.Попов и Д.Я.Самоквасов, архивист И.Н.Николев, чиновник А.Н.Зерцалов; Московского Главного архива министерства иностранных дел — библиотекарь И.Ф.Токмаков;¹⁸⁰ Синодального архива — управляющий А.Н.Львов и его помощник И.Д.Дьяконов; заведующий архивом Герольдии Сената В.Е.Рудаков; директор Писцового архива Ф.В.Мещерский; начальник архива министерства народного просвещения К.А.Военский. В составе Тамбовской комиссии были также служащие крупнейших российских музеев и библиотек: директора Артиллерийского музея в Петербурге Н.Е.Бранденбург и А.Н.Глаголевский, хранитель Оружейной палаты Ю.В.Арсеньев, директор Публичной библиотеки А.Ф.Бычков, библиотекарь Российского исторического музея А.И.Станкевич, а также издатели известных периодических изданий С.Н.Шубинский («Исторический вестник»), А.П.Пятковский («Наблюдатель»).

Значительным было представительство в комиссии деятелей академическо-университетской исторической науки. В числе членов ТУАК были профессор Московского (В.О.Ключевский, И.Е.Забелин), Петербургского (И.В.Помяловский, С.Ф.Платонов), Университета св. Владимира (В.С.Иконников), Гельсингфорского (Х.Паасонен), Варшавского (П.В.Никольский), Харьковского (Д.И.Багалея и В.К.Надлер), Казанского (И.Н.Смирнов, С.М.Шпилевский и Д.А.Корсаков), Новороссийского (А.А.Кочубинский) университетов. В состав комиссии входили также профессор петербургского Историко-филологического института, председатель Особой комиссии по устройству архивов при Русском историческом обществе С.М.Середонин, представители Казанской и Киевской духовных академий (И.Я.Порфирьев, П.В.Знаменский, Н.И.Петров), петербургского Археологического института (Н.В.Покровский, М.И.Бессеребренников, Д.И.Прозоровский, И.И.Васильев, А.А.Миронов, В.Н.Каленский), академики

А.А.Шахматов, А.С.Лаппо-Данилевский, Я.К.Грот. Комиссия имела своих представителей за рубежом. Ими являлись переводчики работ А.Н.Норцова на чешский и французский языки ученые Б.Елинек и А. де Лагарди. В то же время необходимо отметить, что членство представителей университетской исторической науки в Тамбовской комиссии было скорее номинальным. Контакты тамбовских историков со столичными профессорами ограничивались преимущественно встречами на научных съездах. Сколько-нибудь заметного участия в научной деятельности комиссии они не принимали.

«Положение» 1884 г. не предусматривало избрания в состав ТУАК почетных членов. Тем не менее большинство архивных комиссий находило подобную практику необходимой. Первым почетным членом Тамбовской комиссии стал губернатор А.А.Фредерикс, оставивший свой пост в связи с болезнью в 1889 г. На заседании 18 августа того же года И.И.Дубасов предложил избрать его, ввиду активного участия в деятельности ТУАК, почетным членом.¹⁸¹ В дальнейшем в качестве почетных членов избирались видные государственные и общественные деятели, известные представители исторической науки, особо отличившиеся сотрудники комиссии. В их числе были издатели П.И.Бартнев («Русский архив»), И.К.Шильдер и М.И.Семевский («Русская старина»), председатели Совета министров П.А.Столыпин и Б.В.Штурмер, министр внутренних дел Н.А.Маклаков, товарищ министра внутренних дел В.Ф.Джунковский, министр императорского двора В.Б.Фредерикс, представитель министерства юстиции Г.К.Репинский, управляющий МГАМИД Ф.А.Бюлер, начальник Поместно-Вотчинного отделения МАМЮ В.И.Холмогоров, сотрудник МАМЮ, помощник статс-секретаря Государственного совета, член московского Археологического института А.А.Гоздаво-Голомбиевский, председатель Московского археологического общества графиня П.С.Уварова, председатель Археологической комиссии граф А.А.Бобринский, профессора В.О.Ключевский, Д.Я.Самоквасов, Х.Паасонен, Б.Н.Чичерин, Н.В.Покровский, академик А.С.Лаппо-Данилевский, директор московского Археологического института А.И.Успенский, епископы Тамбовские и Шацкие Георгий, Дмитрий, Иннокентий и Кирилл, губернаторы В.Ф.фон-дер-Лауниц, Н.П.Муратов и Н.Ф.Ошанин, вице-губернатор А.А.Чоголков, губернский предводитель дворянства князь Н.Н.Чолокаев, обер-гофмаршал Э.Д.Нарышкин и А.Н.Нарышкина, председатель съезда мировых судей в Тамбове С.Н.Чичерин, И.И.Дубасов, А.Н.Норцов, П.И.Пискарев, преподаватель Тамбовского духовного училища Ф.С.Соколов, тамбовский архитектор Ф.А.Свирчевский.

Таким образом, представительство Тамбовской комиссии охватывало самые разные регионы страны, что способствовало упрочению ее положения в структуре научно-исторических обществ и расширяло возможности для ведения научной и просветительной работы. В то же время следует учитывать, что наиболее активная часть ее деятелей находилась в Тамбове и составляла не столь значительный процент от общего числа сотрудников.

3. Материальное положение комиссии. Развитие ее издательской базы и формирование библиотечных фондов

Одной из наиболее острых проблем, стоявших перед губернскими учеными архивными комиссиями с момента их создания, была материальная сторона их положения. Официальные документы не обеспечивали их сколько-нибудь надежными источниками финансирования. «Положение» 1884 г., как уже указывалось выше, в качестве источников бюджета комиссий называло Археологический институт и частные пожертвования в пользу науки. Оба они были справедливо охарактеризованы директором Археологического института А.Н.Труворовым как «эфемерные». Институт не располагал необходимыми для субсидирования ГУАК средствами. Вследствие этого его руководство было вынуждено отклонять прошения о субсидиях для открытия новых комиссий, поступавшие в период с 1884 по 1892 гг. из Томска, Кишинева, Омска, Воронежа, Харькова, Архангельска, Ревеля, Вятки, Астрахани, Смоленска, Тулы, Симбирска, Красноярска.¹⁸² На запрос Воронежской комиссии в феврале 1901 г. о назначении ей денежного пособия руководство института ответило, что лишено подобной возможности, так как ассигнуемые на содержание института по смете министерства народного просвещения суммы рассчитаны исключительно на его собственное содержание.¹⁸³ Более того, субсидии на поддержание деятельности ГУАК не закладывались в статьи бюджета института, вследствие чего подобная статья расходов даже в случае положительного решения была бы незамедлительно опротестована Государственным контролем.

Величина «местных пожертвований в пользу науки» определялась степенью заинтересованности губернаторов в деятельности местных научных организаций, правильным пониманием их целей и задач со стороны городских и земских учреждений, а также провинциального общества в целом. Между тем, подводя итог деятельности комиссии, А.Н.Норцов был вынужден признать в письме, направленном в Московское археологическое общество в 1917 г., что «сочувствие и внимание к себе со стороны частных лиц комиссия встречала весьма редко».¹⁸⁴

Все это привело к тому, что ГУАК стали, по выражению директора петербургского Археологического института И.Е.Андреевского, «самыми дешевыми установлениями, когда-либо действовавшими в России».¹⁸⁵ Спустя почти двадцать лет с момента учреждения комиссий известный историк М.В.Довнар-Запольский был вынужден констатировать, что недостаток и неопределенность средств, отсутствие или недостаточность помещений по-прежнему являются самым большим пунктом в деятельности местных архивистов.¹⁸⁶ Некоторые ГУАК существовали почти исключительно на вклады своих членов. Например, Рязанская комиссия в течение четырех лет (1896-1899 гг.) субсидировалась председателем А.Д.Повалишиным, жертвовавшим в ее бюджет суммы в размере двух тысяч ежегодно.¹⁸⁷

Важным фактором, определявшим результативность деятельности комиссий, было наличие у них собственных помещений. Однако боль-

шинство губернских комиссий не имели не только специальных зданий архивного типа, но даже каких-либо более или менее приемлемых помещений. Так, Саратовской комиссии пришлось ютиться на чердаке городской публичной библиотеки, а ее архив был размещен в зданиях дворянского собрания и духовной семинарии, а также в домах частных лиц.¹⁸⁸ Из-за невообразимой тесноты архивные дела хранились под лестницами в неразобранном виде, музейные экспонаты — без всякой системы на полу. Положение изменилось лишь в 1911 г., когда бывший председатель комиссии А.А.Тилло принес ей в дар дом с усадьбой и проценты с двадцатитысячного капитала. Тверская комиссия, хотя и располагалась в собственном двухэтажном каменном здании (бывшем рабочем доме), не имела необходимых условий из-за его ветхости и небезопасности в пожарном отношении. Оренбургская комиссия, получив с начала своего существования огромный стотысячный архив канцелярии генерал-губернатора, долгое время не имела возможности разместить его в собственном помещении. Все ее усилия, как отмечалось в одном из отчетов, «разбивались об упорное нежелание разных ведомств, к которым обращались с просьбами об уступке или даже продаже какого-либо дома».¹⁸⁹ Данное обстоятельство представляется тем более странным, что в городе, по сохранившимся свидетельствам, в конце 80-х годов было много пустующих зданий, принадлежавших инженерному ведомству. Почти десять лет, с 1887 по 1896 гг., комиссия вместе со своим богатым архивом была вынуждена вести «кочевой» образ жизни. Лишь в 1896 г., после получения субсидии от министерства внутренних дел и займа Русского географического общества, комиссия разместилась в собственном помещении. Однако уже в 1914 г. на I съезде ГУАК представитель Оренбургской комиссии А.В.Попов заявил, что оно пришло в такое состояние, что если положение не улучшится, комиссия должна будет закрыться.¹⁹⁰ Тогда же М.М.Щуцкий поведал о невозможных условиях, в которые была поставлена Иркутская комиссия. «Мы находимся в ужасном положении, — апеллировал он к участникам съезда, — мы буквально не имеем ни стула, ни пера, и если мы окажемся неугодными кому-нибудь, то мы должны будем сразу удалиться».¹⁹¹ Под угрозой гибели оказались дела, относящиеся к XVII в. Ярославская комиссия в течение десяти лет ютилась в трех маленьких комнатах в казенном здании, причем контрольная палата неоднократно поднимала вопрос о ее выселении оттуда.

Лишь незначительное число ГУАК не страдало от отсутствия необходимых помещений. Так, Симбирской комиссии были предоставлены достаточные площади в нижнем этаже здания присутственных мест; Нижегородской — башни городского кремля; Вятской — за незначительную плату (с 1906 г.) четыре просторные комнаты флигеля публичной библиотеки.¹⁹²

Тамбовская ученая архивная комиссия принадлежала к числу ГУАК, которым пришлось столкнуться с проблемой помещения с первых дней своего существования. Его отсутствие значительно затрудняло работу по разбору и описанию Шацкого архива, которую архивисты были вынуждены проводить в неотапливаемом помещении бывшего нотариального

архива. В связи с начавшимся в мае 1885 г. ремонтом здания комиссия лишилась и этой возможности. Между тем получение собственного помещения являлось вопросом времени, так как принципиальная договоренность с местными властями была достигнута еще до открытия ТУАК. В собственность комиссии должен был перейти перестроенный третий этаж здания публичной библиотеки. 20 июня 1884 г. Н.В.Калачов совместно с архитектором Тихобразовым и подрядчиком московским купцом Даниловым произвел осмотр здания.¹⁹³ Спустя месяц непреходящий попечитель ТУАК и председатель комитета публичной библиотеки А.А.Фредерикс проинформировал членов комитета о том, что согласно смете перестройка здания обойдется в сумму 20 тысяч рублей.¹⁹⁴ Финансирование предполагалось осуществить за счет внешних источников, что избавляло библиотеку от расходов. Собрание одобрило проект перестройки, после чего он был направлен на утверждение в городскую управу. Незамедлительно начатое строительство затянулось, тем не менее, на два года. Причиной этого стало отсутствие необходимых для завершения строительства средств. Первоначально предполагалось набрать нужную сумму путем увеличения арендной платы за сдаваемые Тамбовскому коннозаводскому собранию помещения, отвода части здания в аренду музыкальным классам Тамбовского отделения Русского музыкального общества, а также установления входной платы за посещение музея. Кроме того, определенные надежды возлагались на помощь уездных земств. Однако вскоре выяснилось, что земства не склонны обременять себя столь значительными расходами, а частные жертвователи при полном осознании важности планируемого предприятия указали на «застой в торговле и безденежье».¹⁹⁵ В конечном счете в качестве основных источников финансирования строительства помещения для комиссии выступили Археологический институт, предоставивший сумму в размере восьми тысяч рублей (из них пять тысяч были присланы Н.В.Калачовым от лица некоего почетного члена института, пожелавшего остаться неизвестным¹⁹⁶), комитет губернского музея (три тысячи рублей) и частные пожертвования (две тысячи рублей поступили от козловского купца Попова).¹⁹⁷ В сентябре 1884 г. было получено согласие Э.Д.Нарышкина на передачу в комитет библиотеки капитала музея суммой в три тысячи рублей с условием отвода для него в здании библиотеки соответствующего помещения.

Осенью 1886 г. строительные работы были завершены. ТУАК получила в собственное распоряжение три комнаты общей площадью 142,5 квадратных метра на третьем этаже здания публичной библиотеки. В них предполагалось разместить музейные коллекции и фонды исторического архива. В начале 1887 г. в новое помещение перевезли документы архива Шацкой канцелярии, а также музейные собрания. К тому времени оно уже было оборудовано на средства комиссии и комитета музея витринами, полками и необходимой мебелью.

17 июня 1887 г. произошло торжественное открытие исторического архива и музея, приуроченное к трехлетней годовщине ТУАК. Члены комиссии протоиерей И.Н.Кобяков и священники А.Л.Лебедев и А.П.Архан-

гельский совершили молебен во здравие императора и в память Н.В.Калачова, после чего состоялось торжественное заседание. По предложению П.И.Пискарева было решено устроить в одной из комнат, принадлежавших комиссии, жилое помещение для библиотекаря С.К.Платоновой, согласившейся наблюдать за целостью имущества и порядком в архиве и музее.

Переезд в собственное помещение благотворно сказался на деятельности комиссии. Ее члены получили возможность регулярно проводить собрания, активизировать работу по комплектованию архива и музея, рационально организовать кропотливый труд по разбору и описанию документальных материалов. Однако в очень скором времени выяснилось, что имеющихся в распоряжении комиссии площадей недостаточно для разрастающихся с каждым месяцем фондов. В связи с переполненностью музея его коллекции в начале 1893 г. были перевезены в помещение народной читальни и временно переданы в ведение Общества по устройству народных чтений. Из-за возросшей численности сотрудников ТУАК было затруднено проведение собраний в собственном помещении, и со временем они стали устраиваться в здании читальни или губернского правления. Между тем возможности для расширения собственного помещения комиссии были ограничены. Более того, в 90-е годы возникла реальная угроза потери даже тех небольших площадей, которые за ней числились. Это было связано с принятым в 1889 г. комитетом публичной библиотеки решением о передаче своих фондов вместе со зданием в ведение Тамбовской городской управы. Причиной послужило отсутствие средств, необходимых для капитального ремонта помещения и содержания библиотеки. Городская дума на заседании 6 ноября 1892 г. обсудила вопрос о положении публичной библиотеки и приняла решение уполномочить городскую управу ходатайствовать через губернатора перед министерством внутренних дел о передаче библиотеки в собственность города.¹⁹⁸ При этом вопрос о помещении ТУАК оставался открытым. Опасаясь, что городские власти могут отказать ТУАК или предоставить в ее распоряжение неподходящее здание, ее руководство возбудило ходатайство об отмене постановления. В случае отказа было решено обязать власти выплатить комиссии сумму, затраченную на надстройку третьего этажа здания библиотеки.

Несмотря на требования архивистов, объединенное заседание комитета и акционеров библиотеки, состоявшееся 19 декабря 1899 г., окончательно решило передать здание в ведение города. В число оговаривавшихся условий передачи был включен пункт о предоставлении ТУАК в принимаемом, либо любом другом здании «удобного и приличного» помещения, право на которое она должна сохранить на вечные времена. Однако, невзирая на данное постановление, городская дума уведомила комиссию отношением от 1 марта 1900 г., что готова предоставить ей вместо требуемого помещения сумму в три тысячи рублей. На заседании 10 мая того же года члены комиссии признали невозможным согласиться с подобным предложением. При этом они руководствовались двумя аргументами: во-первых, такое решение не соответствовало постановлению

комитета библиотеки, а во-вторых, затраты комиссии в несколько раз превышали предложенную ей в качестве компенсации сумму (они составляли 11 тысяч рублей). Собрание постановило требовать предоставления комиссии помещения площадью не менее 75 квадратных метров и высотой 3,5 метра.¹⁹⁹ В ответ на это требование городская дума, упорствуя в своем намерении устроить торги, 16 июля 1900 г. приняла постановление об увеличении размера компенсации до пяти тысяч рублей.²⁰⁰ Комиссия решительно отвергла подобное предложение.

Между тем в мае 1901 г. вновь было возбуждено дело о передаче библиотеки городу — оно было отослано на утверждение в министерство внутренних дел. В письме от 24 февраля 1901 г. А.Н.Норцов уведомил директора Археологического института о сложившейся ситуации. В ответ Н.В.Покровский сообщил, что сущность возникших в связи с помещением ТУАК недоразумений была изложена им директору хозяйственного департамента министерства внутренних дел. Последний обещал ходатайствовать перед министром о недопущении передачи здания библиотеки без предоставления комиссии соответствующих гарантий.²⁰¹ Министерство действительно отклонило предложение Тамбовской думы, потребовав достижения предварительного согласия всех акционеров библиотеки и принятия на себя городом обязательств по удовлетворению справедливых претензий комиссии. Ввиду невозможности выявить за короткий срок мнение всех акционеров, вопрос о передаче библиотеки на долгое время повис в воздухе.

В июне 1901 г. директор Археологического института прибыл в Тамбов с тем, чтобы лично разобраться с вопросом о помещении ТУАК. Он нашел более целесообразным проводить собрания членов комиссии в собственном помещении, а не в Нарышкинской читальне. Руководство комиссии ответило согласием, тем более что оно испытывало при этом определенные неудобства: дни собраний приходилось назначать в зависимости от того, свободны или заняты предоставляемые для них залы читальни. В январе 1903 г. ТУАК вновь переехала в здание публичной библиотеки. Однако вскоре выяснилось, что оно настолько обветшало, что стало совершенно непригодным для проведения в нем каких-либо занятий. Свободными средствами на осуществление ремонта комиссия не располагала, и с 1904 г. она была вынуждена вернуться в Нарышкинскую читальню, оставив в своем помещении архив и библиотеку. Музейные собрания по-прежнему располагались в двух залах читальни. Положение музея ТУАК оставалось более чем неустойчивым, так как в конце 1906 г. Общество по устройству народных чтений потребовало освободить занимаемое музеем помещение. Комиссия была вынуждена просить временно оставить музей, так как возможностью перевезти его в другое здание она не располагала.

К 1908 г. состояние пола и потолка помещения настолько ухудшилось, что потребовалось принятие срочных мер. Специально сформированная комиссия, в состав которой вошли А.Н.Норцов, губернский инженер Н.Ф.Антонов, архитектор Ф.О.Чеботаревич, епархиальный архитектор В.Н.Фрейман, составила акт осмотра помещения. Он был заслушан на

собрании 11 ноября 1908 г., после чего комиссия признала необходимость срочного ремонта помещения в связи с крайне опасным состоянием пола и потолка.²⁰² Необходимые для этого средства обязался предоставить комитет публичной библиотеки. Однако запланированные работы пришлось отложить в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Дело в том, что еще в 1904 г. Тамбовское коннозаводское собрание, арендовавшее в течение многих лет первый и часть второго этажа здания библиотеки, заключило с ее комитетом контракт на аренду двух нижних этажей, подвала и части надворных построек сроком на двенадцать лет. При помощи приобретенного таким образом капитала члены комитета рассчитывали восстановить деятельность библиотеки. По контракту ТУАК предоставлялось право беспрепятственного пользования черным ходом.²⁰³ В письме от 27 мая 1912 г. Совет старшин коннозаводского собрания поставил комиссию в известность о том, что, пользуясь правом аренды, он приступает к выполнению работ по переустройству здания библиотеки. Согласно утвержденному строительным отделом Тамбовского губернского правления проекту предполагалось убрать часть стены, служившей опорой пола помещения ТУАК и заделать запасной выход.²⁰⁴ Комиссия заявила решительный протест против проведения подобных работ. В письме от 31 мая 1912 г., направленном в комитет библиотеки, А.Н.Норцов указал, что «Тамбовская ученая архивная комиссия никакого арендного условия с Тамбовским Коннозаводским собранием не заключала, ни в каких арендных или иных отношениях с Коннозаводским собранием не состоит, почему и не имеет возможности входить в переговоры или давать разрешение Коннозаводскому собранию, являющемуся только арендатором помещения первых двух этажей публичной библиотеки, над каковыми третий этаж принадлежит Тамбовской ученой архивной комиссии».²⁰⁵ При этом председатель указал на опасность подобных переделок в пожарном отношении и на возможные в этом случае осадку здания и разрушение пола помещения комиссии. В заключение он подчеркнул, что не считает допустимым дать согласие на перестройку и в противном случае слагает с себя всякую ответственность за возможные последствия. Заявленный ТУАК решительный протест не возымел действия, и летом 1912 г., согласно утвержденному проекту, началась перестройка здания. Спустя год техническая комиссия признала его состояние удовлетворительным. Однако после проведенного по распоряжению губернатора повторного осмотра в сентябре 1913 г. выяснилось, что дальнейшее пребывание на третьем этаже имущества ТУАК нежелательно в целях обеспечения безопасности здания.²⁰⁶ Постановлением от 18 сентября 1913 г. комитет публичной библиотеки обязал комиссию оставить занимаемое помещение в течение недельного срока. Вскоре последовало распоряжение губернатора П.А.Липинского об освобождении помещения ТУАК от архивных материалов и выезде смотрителя С.К.Платоновой из занимаемой ею на третьем этаже квартиры. 20 сентября 1913 г. состоялось заседание комиссии, посвященное обсуждению сложившегося положения. Архитектор Ф.А.Свирчевский выступил с заявлением, что в процессе двадцатилетнего наблюдения за состоянием здания библиотеки он пришел к

выводу о его относительной прочности. Отсюда он сделал вывод о том, что при равномерном распределении груза архивных материалов у стен помещения опасность обвала пола будет устранена. Приняв мнение архитектора к сведению, собрание, тем не менее, признало необходимым подчиниться административному требованию и постановило: во-первых, освободить зал, находящийся над коннозаводским собранием, и перенести фонды архива в отведенное для них по указанию губернатора помещение; во-вторых, разместить особо важные документальные собрания в крыльях здания; в-третьих, временно оставить на месте библиотеку.²⁰⁷ 23 сентября 1913 г. комиссия получила распоряжение о переносе архива в подвал здания библиотеки. На созванном в этот же день экстренном собрании был поставлен вопрос о необходимости ремонта третьего этажа. Однако тогда же выяснилось, что необходимых для этого средств комиссия не имеет.

В октябре 1913 г. возобновились переговоры органов городского управления и ТУАК относительно приобретения ее помещения в собственность города, а также продажи принадлежавших комиссии пяти акций Тамбовской акционерной публичной библиотеки. При этом городская управа обещала предоставить комиссии усадьбу с домом. Собрание ТУАК от 11 ноября 1913 г. постановило выяснить условия подобного соглашения, обязав городские власти найти «достаточно просторное и удобное» помещение для архива, музея и библиотеки.²⁰⁸ В феврале 1914 г. комиссия запросила у министерства внутренних дел разрешение на вступление в переговоры с Тамбовской городской управой относительно условий приобретения помещения. Положительный ответ был получен, однако при этом требовалось согласие со стороны комитета публичной библиотеки. В свою очередь комитет 7 июня 1914 г. вынес следующее постановление: «Тамбовская ученая архивная комиссия, владея пятью акциями и имея право на отвод помещения в здании, ввиду передачи в 1884 г. трех тысяч рублей комитету тайным советником Э.Д.Нарышкиным с условием предоставления архивной комиссии помещения, никаких юридических прав на самое здание и капитал публичной библиотеки не имеет и больших прав к ней предъявить не может, а является лишь вечным квартирантом четырех комнат в третьем этаже. Следовательно, возбужденный А.Н.Норцовым вопрос остается открытым впредь до разрешения предложения о передаче городу всего имущества, капитала и дома библиотеки с соблюдением прав и обязательств по отношению ко всем акционерам».²⁰⁹ В результате комиссия была вынуждена констатировать в одном из своих отчетов: «Комитет публичной библиотеки, который тридцать лет назад отнесся так внимательно к задачам и целям архивной комиссии, в настоящее время не только не проявляет какого-либо сочувствия к судьбам ученого общества, а наоборот даже оспаривает права комиссии на третий этаж».²¹⁰ Таким образом, вопрос о помещении Тамбовской комиссии вновь зашел в тупик. Не получил он разрешения и в последующие два года. Положение усугубилось с наступлением военного времени, когда найти подходящее для научного общества помещение в городе, переполненном госпиталями, лазаретами и беженцами, стало практически невозможно.

Между тем состояние архивных фондов (340 связок), находившихся с 1913 г. в сыром подвале библиотеки, внушало серьезные опасения. В декабре 1915 г. В.И.Конобеевский, И.И.Львов и А.И.Самоцветов были направлены постановлением комиссии для осмотра архива. Они нашли его залитым водой, в результате чего находившиеся на полу у стен связки дел намокли, а часть из них была безвозвратно испорчена.²¹¹ Несмотря на всю тяжесть положения, комиссия не имела возможности перенести фонды в более безопасное помещение и в бессилии была вынуждена наблюдать за ухудшавшимся состоянием архивных дел.

В начале 1917 г. собственный вариант решения вопроса о помещении ТУАК предложил член комиссии присяжный поверенный И.И.Маркелов. В докладной записке от 8 февраля 1917 г. он предложил присоединить публичную библиотеку к архивной комиссии.²¹² Преимущество их слияния автор аргументировал тем, что это позволило бы ТУАК получить наличный капитал в размере десяти тысяч рублей с ежегодным доходом в одну тысячу и возможностью получить в собственность все здание библиотеки. Связанные с этим издержки в виде необходимости проведения ремонта, заботы о пополнении книжных фондов, расчетов с акционерами и т.д., по его мнению, должны были окупиться сторицей. Маркелов также разработал условия перехода библиотеки в ведение ТУАК. В их числе он назвал передачу всего движимого и недвижимого имущества библиотеки и ее капитала в распоряжение комиссии; присвоение ей наименования «Тамбовской публичной библиотеки при Тамбовской ученой архивной комиссии»; отчисление акционерам чистого дохода по окончании каждого года; использование доходов от библиотеки на расширение ее фондов и оплату персонала; создание редакционного комитета под председательством А.Н.Норцова с возложением на него управления делами и имуществом библиотеки.

Проект И.И.Маркелова, несмотря на всю сложность его реализации, представлял собой реальный выход из сложившегося тупикового положения, чреватого серьезными осложнениями для деятельности ТУАК. Комиссия могла в любой момент лишиться возможности проводить собрания в помещении Нарышкинской читальни. В адрес хранителя находившегося там же музея неоднократно поступали предложения освободить занимаемые залы, так как ежегодное пополнение фондов читальни требовало новых площадей. Ситуация с архивом, помещенным в периодическое заливаемый подвал, была близка к катастрофической. «Недалеко то время, — предупреджал в своей записке Маркелов, — когда городской санитарно-полицейский надзор должен обратить внимание на антигигиеническое состояние архивных дел и потребует не разборки и описи, а уничтожения их».²¹³ Таким образом, проблема помещения становилась жизненно важной для дальнейшего функционирования ТУАК, однако ее разрешение выходило за рамки возможностей комиссии.

Другой острой проблемой, неразрешенность которой ТУАК испытывала на протяжении всей своей истории, являлось ее финансовое положение. В первый год своей деятельности архивисты, по свидетельству одного из отчетов, не имели средств не только на поездки с научными

целями, но даже на изготовление фотоснимков предметов старины и составление описей.²¹⁴ В ответ на запрос Нижегородского статистического комитета о целях и занятиях вновь созданного научного общества И.И.Дубасов писал в 1885 г.: «Что касается денежных средств, то комиссия наша совсем их не имеет и вопрос об изыскании их остается открытым».²¹⁵ Спустя несколько лет, на заседании 1892 г. Дубасов еще раз подчеркнул, что «самое больное место в наших операциях — это наши финансы».²¹⁶ Не изменилось положение и во второй период существования ГУАК. В 1902 г. в отчете о деятельности комиссии за последнее трехлетие, направленном в адрес Московского археологического общества, А.Н.Норцов указал, что материальная необеспеченность комиссии по-прежнему составляет ее самое больное место.²¹⁷ Фактически судьба комиссии зависела, по выражению ее второго председателя, от «общего согласия и расположения духа жертвователей».

Подобные неопределенные финансовые обстоятельства были характерны для подавляющего большинства ГУАК. Желая улучшить их положение, Н.В.Калачов попытался добиться от министерства юстиции назначения комиссиям пособия на расходы по разбору и описанию архивов упраздненных судебных учреждений. В своем письме от 31 января 1885 г. на имя директора департамента министерства он, в частности, указал: «Препровождая при сем Вашему превосходительству доставленный мне Тамбовской ученой архивной комиссией журнал ее членов по разбору, между прочим, дел Шацкого архива, хранящихся в архиве Тамбовского Окружного суда, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, обратить внимание на деятельность означенных членов, которая доказывает наглядно, как успешно может идти дело по передаче из окружных судов в исторические архивы для хранения... документов».²¹⁸ Для достижения большей эффективности этой работы он испрашивал назначения субсидий для ГУАК в размере одной тысячи рублей. Комиссии получили ровно половину от запрашиваемой суммы. В марте 1885 г. Калачов известил И.И.Дубасова об ассигновании министерством юстиции Тамбовской комиссии пятисот рублей, а также о высылке ста рублей на текущие расходы из личных средств.²¹⁹ Назначенное пособие стало основным источником финансирования одного из важнейших направлений деятельности комиссии — разбора и описания документальных материалов и формирования исторического архива на период с 1887 г. по 1892 г. Однако, как признавалось в отчете ГУАК за 1887 г., в связи с недостаточностью членских взносов и отсутствием других средств, часть этой суммы расходовалась не только по прямому назначению, но и на текущие нужды.²²⁰ Ежегодное пособие Тамбовской комиссии от министерства юстиции составляло двести-триста рублей. За шесть лет министерство выплатило ей 1300 рублей. С 1893 г. дотации прекратились и возобновились по ходатайству ГУАК лишь в 1901 г. На этот раз эпизодические ассигнования Тамбовской комиссии от министерства (в 1901, 1903 и 1905 гг.) составили в общей сложности незначительную сумму в четыреста рублей, после чего были прекращены навсегда.

Перед комиссией вплотную встал вопрос о средствах ее дальнейшего существования. На заседании 9 сентября 1893 г. И.И.Дубасов предложил ходатайствовать перед городской думой и губернским земским собранием о назначении ГУАК пособия от земств и городов.²²¹ При этом он руководствовался прецедентами, имевшими место в ряде губерний, где земства, органы городского и губернского самоуправления принимали заметное участие в финансировании местных ученых комиссий. Так, доля их денежных вкладов составляла от 65% до 90% бюджета Нижегородской, Тверской, Саратовской, Симбирской комиссий, 56,3% — Калужской.²²² Ярославская и Тверская комиссии получали от земства ежегодно по 300 рублей, а городские и земские пособия в пользу Саратовской комиссии достигали суммы в 1650 рублей.²²³ Тамбовские власти вплоть до указанного времени ни в какой форме не проявляли своей заинтересованности в деятельности архивной комиссии. Лишь однажды, в 1889 г., городская управа передала ей в дар сумму в 315 рублей, собранную по подписке на одном из юбилейных обедов. Однако на этот раз прошение ГУАК было удовлетворено, и в 1894 г. земства губернии перечислили на ее счет 110 рублей.²²⁴ После этого губернские власти, очевидно, сочли свой долг перед местным ученым обществом выполненным и в течение последующих пяти лет попыток его кредитования не предпринимали. В отчете комиссии за 1898 г. констатировалось, что в последнее время она существует исключительно на средства, пожертвованные членом ГУАК с 1888 г. тамбовским купцом В.Н.Никитиным.²²⁵ В 1890 г. он передал комиссии значительную сумму, составившую 2,5 тысячи рублей. Однако к концу 90-х годов большая часть этих средств была уже израсходована. На заседании 21 февраля 1900 г. сотрудники ГУАК были вынуждены с горечью признать, что бедственное положение комиссии никак не волнует местные власти. Выступивший на том же заседании А.Н.Норцов предложил принять меры для популяризации деятельности комиссии с тем, чтобы привлечь к ней внимание местного общества. Он заявил, что готовит записку, адресованную тамбовскому дворянству с разъяснением значения деятельности ГУАК по сохранению родовых архивов. По предложению Норцова была сформирована специальная подкомиссия по изысканию средств. Кроме него в ее состав вошли Д.И.Тимофеев, П.И.Пискарев, М.Ф.Николаевский, А.А.Щеголев, Б.Г.Фиксен, А.А.Курбатов. Члены подкомиссии разработали ряд мер по финансовому обеспечению ГУАК, которые предусматривали обращение за субсидиями к тамбовскому дворянству, губернским и уездным земствам; приглашение известных ученых для чтения лекций в пользу комиссии; предложения в адрес учреждений и частных лиц о разборе и описании за вознаграждение их архивов.²²⁶ 27 ноября 1901 г. председатель обратился к губернатору с письмом, в котором указал на крайне стесненное материальное положение комиссии. Отметив ее заслуги в области исследования истории края и наличие препятствий к дальнейшему ее изучению из-за финансовых сложностей, он просил возбудить перед министерством внутренних дел ходатайство о назначении Тамбовской комиссии правительственной субсидии в две тысячи рублей.

Благодаря предпринятым усилиям и прежде всего энергии и связям А.Н.Норцова, ТУАК удалось выхлопотать в 1900 г. пособия от губернского земства и дворянства размером соответственно в двести и триста рублей.²²⁷ С этого времени денежная помощь от города и земств стала ежегодной (за исключением 1907 и 1908 гг.) и превратилась в один из основных источников доходов комиссии. Однако следует отметить, что размеры этих пособий в разные годы были неравнозначны и колебались от 790 рублей в 1903 г. до 25 рублей в 1909 г. В качестве основных жертвователей комиссии выступали Тамбовская губернская земская управа (в среднем до 200 рублей ежегодно); Борисоглебская, Моршанская, Елатомская, Кирсановская, Усманская, Липецкая, Козловская уездные управы (от 25 до 100 рублей); Тамбовское дворянское собрание (до 300 рублей). Из приведенного перечня следует, что далеко не все губернские и уездные органы откликнулись на ходатайство ТУАК. В 1902 г., к примеру, комиссия получила отказы от городских управлений Шацкого, Спасского, Кирсановского, Темниковского уездов, Тамбовской и Темниковской уездных земских управ. Тамбовская городская дума в ответе на просьбу комиссии указала, что «городские средства должны быть прежде всего употреблены на жизненные дела, на удовлетворение потребностей живых людей, а не на извлечение из могильного праха разного рода остатков, составлявших когда-то принадлежность обстановки быта уже не существующих людей».²²⁸ Подобные отказы были вызваны нежеланием местных властей выйти за рамки прагматических сиюминутных интересов. Впрочем, некоторые из членов ТУАК были склонны объяснять их неловкостью, испытываемой некоторыми учреждениями, вынужденными по объективным причинам жертвовать слишком скромные суммы. Ввиду этого на заседании 18 ноября 1902 г. было решено составить общий список городских и земских органов с указанием назначенных ими субсидий и разослать его с повторным ходатайством. Кроме того, предполагалось выслать в их адрес по два последних выпуска «Известий» с целью ознакомления местного общества с задачами и реальной деятельностью комиссии.²²⁹ Значительных результатов эта мера не принесла. «Очевидно, — писал в этой связи А.Н.Норцов, — что при таком финансовом положении, цели, преследуемые учеными комиссиями, не могут быть выполнены так, как все вправе ожидать от них, и это будет продолжаться до тех пор, пока не улучшится их материальное положение. Единственная причина такого безденежья — невниманье к ним публики, как следствие полного непонимания задач и целей комиссии».²³⁰

Между тем в связи с началом революции 1905-1907 гг. произошло заметное ухудшение финансового положения ТУАК. В 1905 г. пособия от земских управ составили в общей сложности 150 рублей, в 1906 г. дотации поступили лишь от губернского дворянского собрания (исключительно благодаря хлопотам почетного члена комиссии тамбовского предводителя дворянства Н.Н.Чолокаева). Ситуация усугубилась тяжелым личным финансовым положением сотрудников ТУАК. На заседании 11 ноября 1906 г. А.Н.Норцов отметил, что «многие члены комиссии разорены аграрными беспорядками, другие не получают аренды, и тем самым лише-

ны возможности прийти материально по помощь комиссии».²³¹ В условиях внутривластного кризиса ТУАК нашла несвоевременным обращение за субсидиями, в результате чего к 1908 г. она не имела иных источников пополнения бюджета, кроме нерегулярных членских взносов. В 1907 г. приход в казну составил 77 рублей 3 копейки, в 1908 г. — 64 рубля 66 копеек.²³² Критическое положение заставило комиссию обратиться за помощью к местным властям. Однако на этот раз как земские учреждения, так и тамбовская общественность в целом проявили заметное равнодушие к ее просьбам. Отказ со стороны земств не стал для членов комиссии неожиданностью. Еще в 1904 г. губернское земское собрание мотивировало свое нежелание субсидировать местное научное общество тем, что «издания комиссии не представляют никакого интереса и не свидетельствуют о возможности дать что-либо ценное».²³³ Парадоксально, что эти слова принадлежали одному из председателей уездных земских управ, состоявшему членом комиссии. Не последнюю роль в отказе в денежной помощи сыграло обновление состава Тамбовской городской управы — одного из основных жертвователей ТУАК. Члены нового состава заявили, что им неизвестен род занятий архивной комиссии, ввиду чего управа прекращает выдачу ассигнований.²³⁴ Все это привело к тому, что на своих заседаниях члены комиссии были вынуждены заниматься не столько решением вопросов, связанных с научной разработкой истории края, сколько рассмотрением проблем финансового выживания. «Вследствие продолжающегося ухудшения экономического состояния комиссии, — констатировал правитель дел в 1907 г., — ее деятельность не могла быть широкой».²³⁵ Из-за недостатка средств не удалось осуществить планировавшуюся публикацию архивов Сухтеленых, Канкриных и Ламбертов, отремонтировать пришедшее в ветхость помещение, произвести археологические раскопки. В кассе не доставало средств даже для покрытия текущих расходов.

Не могли спасти положения и членские взносы, составлявшие сумму три рубля в год. Примерно таким же был размер взносов и в других комиссиях. В Саратовской УАК их размер равнялся трем рублям, в Орловской — одному рублю, в Рязанской — пяти.²³⁶ Таким образом, членские взносы являлись хотя и постоянным, но весьма несущественным источником бюджета ТУАК. Первые три года существования Тамбовской комиссии практика уплаты взносов вообще не применялась. Решение о ее введении было принято на собрании 20 октября 1886 г.²³⁷ Однако далеко не все члены комиссии находили необходимым выполнять данное постановление. В 1887 г. из 87 сотрудников ТУАК взносы уплатили 66 человек, что составило в общей сумме 138 рублей,²³⁸ в 1901 г. из 140 — всего 29.²³⁹ В целом ежегодные суммы, вносимые в качестве членских взносов, колебались от 28 рублей в 1915 г. до 208 рублей в 1889 г. и составляли в среднем до 90 рублей в год. При этом год от года все отчетливее проявлялась тенденция к сокращению вносимых сумм. В связи с крайне нерегулярным поступлением членских взносов этот вопрос неоднократно поднимался на заседаниях комиссии. Так, 10 октября 1900 г. правитель дел А.А.Курбатов внес предложение о взыскании недоимок за последние два

года.²⁴⁰ 10 ноября того же года М.Я.Бульгин и Д.И.Тимофеев предложили обязать должников выплатить взносы за все годы. Однако в конце концов комиссия ограничилась следующим постановлением: «Совершенно не взыскивать членские взносы за прежние годы, а на будущее время следить за их правильным поступлением, рассылая по окончании каждого отчетного года уведомления о взносе членских вкладов тем лицам, которые не сделали этого в минувшем году».²⁴¹ Проявленная к должникам лояльность привела к дальнейшему ухудшению положения с уплатой членских взносов. Впрочем, в этом отношении Тамбовская комиссия не слишком отличалась от других. В большинстве из них процедура уплаты членских взносов не была должным образом отрегулирована, что дало повод для обсуждения этого вопроса на I съезде ГУАК. По его результатам представитель Иркутской комиссии М.М.Щуцкий констатировал: «Это общее явление в России, когда членских взносов не вносят, почти никто не вносит и у нас, а между тем нужны деньги на очень многое».²⁴² Исключением являлись разве что Калужская и Таврическая комиссии, в бюджете которых этот источник составлял от 34 % до 42 %.²⁴³

Определенным подспорьем для Тамбовской комиссии с 1908 г. стали вливания в ее казну средств, полученных в результате продажи жетонов, а затем и значков ГУАК. Их цена была довольно высока — для почетных членов стоимость жетона равнялась 300 рублей, значка — 450, для действительных — соответственно 100 и 150 рублей. В 1909 г. в результате их продажи комиссия получила 328 рублей, в 1915 г. — 1200, 1916 г. — 600, 1917 г. — 750.²⁴⁴ В отчете о материальном положении комиссии, направленном в ноябре 1917 г. в адрес Московского археологического общества, А.Н.Норцов отмечал, что с введением в 1915 г. нагрудного знака финансовое положение комиссии несколько улучшилось.

Одной из статей доходов ГУАК являлись пожертвования от частных лиц «в пользу науки». Их доля в бюджете комиссии была относительно невелика, так как круг жертвователей был весьма ограничен и включал в себя главным образом членов комиссии. В их число входили губернатор А.А.Фредерикс, пожертвовавший в 1884 г. 49 рублей, тамбовский купец В.Н.Никитин — 2499 рублей 85 копеек в 1890 г.,²⁴⁵ землевладелец В.М.Аносов — 110 рублей в 1894 г., елатомский помещик И.Д.Траскин — 150 рублей в 1903 г., поручик С.Н.Чичерин, принесший в дар комиссии в 1899 г. пять акций публичной библиотеки стоимостью в 500 рублей. Обращения за материальной поддержкой к представителям местного дворянства, как правило, последствий не имели. Так, в сентябре 1901 г. А.Н.Норцов предпринял попытку заручиться согласием на небольшую ежегодную субсидию графа П.С.Строганова, подарившего незадолго до этого богатую коллекцию книг Тамбовской публичной библиотеке. В своем письме председатель, уделив внимание вопросу о роли ГУАК в развитии национального самосознания и воспитании местного населения, указал на серьезные финансовые затруднения комиссии. «До сего дня, — писал он, — несмотря на свои более чем скромные средства, комиссия исполняла свои задачи, но, к сожалению, при всей готовности членов комиссии работать на пользу родной исторической науки, ныне ощущаемый недостаток ма-

териальных средств составляет серьезное затруднение для ее деятельности».²⁴⁶ В ответ граф решительно отклонил саму возможность субсидирования комиссии деньгами, предложив свою помощь в комплектовании исторического архива.²⁴⁷

Не приходилось рассчитывать ГУАК и на поступления от продажи своих изданий, суммы которых были минимальными — они составляли не более 12 рублей в год. С 1893 г. этот источник пополнения казны иссяк окончательно. Между тем в ряде других ГУАК суммы от продажи собственных изданий достигали весьма значительных размеров. К примеру, Орловская комиссия вообще существовала за счет доходов от реализации своей печатной продукции (72 % от бюджета), имевшей большую популярность среди местного духовенства. До нескольких десятков рублей в год давали Тамбовской комиссии проценты от двух пятипроцентных банковских билетов стоимостью в одну тысячу и пятьсот рублей. Они были приобретены по предложению П.А.Дьяконова в 1891 г. на деньги, пожертвованные В.Н.Никитиным.²⁴⁸

В целях поддержания материального положения ГУАК в 1892 г. было утверждено «Положение» Комитета министров о предоставлении им права приобретения в собственность недвижимого имущества всеми законными способами «для достижения целей их деятельности» по согласованию с Археологическим институтом и министерством внутренних дел.²⁴⁹ Однако на положении Тамбовской комиссии принятие этого постановления не отразилось.

Попытка улучшить финансовое положение комиссии была предпринята ее вторым председателем в связи с подготовкой реформы архивного дела по проекту Д.Я.Самоковасова. На обсуждавшем проект реформы XI археологическом съезде в 1899 г. было решено возбудить перед правительством ходатайство о назначении ГУАК ежегодного пособия в полторы тысячи рублей.²⁵⁰ Однако после провала проекта реформы министерство внутренних дел приняло решение об увеличении пособия до двух тысяч рублей с тем, чтобы комиссии взяли на себя задачу реорганизации архивного дела на местах. В этой связи было предпринято анкетирование ГУАК с целью выяснения их материального положения. В представленном А.Н.Норцовым в 1901 г. ответе было указано, что ГУАК не имеет никаких постоянных доходов за исключением членских взносов, случайных редких пожертвований частных лиц и эпизодических пособий министерства юстиции. «Ввиду такого ограниченного и непостоянного источника доходов, — писал председатель, — комиссия даже не всегда имела возможность удовлетворять всем своим хозяйственным потребностям и очень мало уделяла средств на научные цели».²⁵¹ Раскрыв основные направления деятельности комиссии в прошлом и на перспективу, Норцов предложил следующую приемлемую для нее ежегодную смету расходов: 400 рублей — на разбор и описание архивных дел; 300 рублей — на содержание архива; 200 рублей — на содержание и пополнение музея; 300 рублей — на выплату жалования правителю дел; 100 рублей — на пополнение фондов библиотеки; 100 рублей — на канцелярские расходы; 300 рублей — на археологические раскопки; 100 рублей — на почтовые расходы; 400

рублей — на типографские расходы. В заключение Норцов испрашивал ежегодное пособие в размере 2200 рублей,²⁵² но это так и осталось всего лишь благим пожеланием. В этой связи 18 ноября 1902 г. члены ГУАК вновь возобновили ходатайство о назначении правительственной субсидии и предоставлении комиссии прав правительственного учреждения,²⁵³ но вновь безрезультатно.

Между тем события, связанные с русско-японской войной и революцией, привели к тому, что губернские и земские учреждения практически прекратили дотировать ученые архивные комиссии. Финансовое положение многих ГУАК стало критическим. В опубликованной в 1908 г. на страницах «Исторического вестника» статье, посвященной положению комиссий, констатировалось, что «фонды архивных комиссий сокращены до жалкого минимума и прежние мечты о всесторонней архивной реформе сменились жгучим вопросом о самой возможности дальнейшего существования».²⁵⁴ В октябре 1908 г. П.А.Столыпин представил в Государственную думу проект об ассигновании комиссиям из государственной казны ежегодного пособия. «Надобно отметить, — указал председатель Совета министров, — что архивные комиссии, не получая до сих пор никакой субсидии от казны, являлись по роду своей деятельности чрезвычайно полезными учреждениями и при том пока единственными пособиями правительства в деле изучения и охранения разного рода памятников старины, т.е. в деле, имеющем общегосударственное значение. Между тем материальное положение многих комиссий настолько неудовлетворительно, что они не имеют даже средств на покрытие самых необходимых расходов, вызываемых их деятельностью».²⁵⁵ Несмотря на это признание, размер ежегодных дотаций, определенный Столыпиным, был более чем скромным и составлял сумму в 200 рублей. Комиссия по направлению законодательных предложений Государственной думы нашла ее слишком незначительной и предложила увеличить субсидию до двух тысяч рублей. Однако Бюджетная комиссия не поддержала этого предложения и ограничила размер пособия указанной премьер-министром суммой.²⁵⁶ 25 июня 1909 г. Государственная дума утвердила законопроект о назначении ГУАК ежегодного пособия из средств государственного казначейства в размере 200 рублей.²⁵⁷

Тамбовская ученая архивная комиссия получала субсидии от министерства внутренних дел в указанном размере с 1909 по 1914 гг. В 1911 г. в качестве единовременного пособия министерство перечислило в ее адрес целевым направлением на издание архивов Сухтелен, Канкринных, Ламбертов одну тысячу рублей. В 1914 г. оно также предоставило ГУАК пособие в размере тысячи рублей, предназначенное для уплаты долгов губернской типографии.

Определенную материальную поддержку ГУАК оказывало Русское историческое общество. Проведя в начале 1910-х годов анкетирование комиссий, Русское историческое общество пришло к заключению, что в их отчетах «красной нитью проходит отсутствие средств».²⁵⁸ В этой связи на заседании 6 марта 1912 г. Общество приняло решение о выдаче ГУАК единовременного пособия в размере двух тысяч рублей. В 1913 г. пособия

получили Саратовская, Ставропольская, Смоленская, Вятская, Пензенская, Курская комиссии, в 1914 г. — Воронежская, Иркутская, Полтавская, Калужская, Нижегородская, Оренбургская, Таврическая, Тверская, Черниговская. В апреле 1915 г. в адрес Тамбовской комиссии была выслана сумма в две тысячи рублей, предназначенная для проведения работ по упорядочению архивов губернии.²⁵⁹

Вопрос об улучшении материального положения остро стоял на I съезде ГУАК в 1914 г. Представители всех комиссий указали на случайный характер источников их существования, что ставило под угрозу саму возможность их дальнейшей деятельности, не говоря уже о планомерной научной работе. Рязанская комиссия назвала в качестве источников своего существования губернское земство и пять уездных земств, от которых она получала около 700 рублей ежегодно, Саратовская — субсидии от губернских городов (по 25 рублей) и городских властей Саратова (300 рублей). Более значительными по размерам являлись земские пособия. Однако на съезде выяснилось, что позицию земств во многом определяют привходящие обстоятельства. Так, представитель Саратовской комиссии А.А.Герасимов привел пример, когда ее членов обвиняли на земских собраниях сначала в «отсталости» и чуть ли не черносотенстве, а затем в радикализме, ставя в прямую связь с ее «политическим лицом» возможность субсидирования комиссии.²⁶⁰ В подготовленной к съезду записке А.Н.Норцов поставил вопрос об увеличении правительственной субсидии, так как назначенные ассигнования обрекали ГУАК, по его словам, на «жалкое прозябание». «Конечно, — писал председатель Тамбовской комиссии, — для того, чтобы деятельность всех комиссий была плодотворна и не замирала или от недостатка средств или от неимения помещений, следовало бы не ставить их в зависимость от расположения духа жертвователей, а давать всем без исключения архивным комиссиям постоянные субсидии, и уже во всяком случае не в размере 200 рублей».²⁶¹ Это предложение было поддержано всеми представителями ГУАК, выступившими на съезде с заявлениями о необходимости назначения правительственной субсидии. Ее сумма определялась комиссиями по-разному. Так, Рязанская, Иркутская, Тамбовская и Таврическая УАК считали достаточным пособие в две тысячи рублей, Саратовская — в пять тысяч, Ставропольская в четыре тысячи. В итоге съезд определил, что для удовлетворения «необходимейших потребностей» ГУАК они должны получать ежегодное пособие не менее трех тысяч рублей, не считая расходов на помещение.²⁶² Однако это предложение не было реализовано, и к концу своего существования ГУАК подошли с тем же бременем нерешенных финансовых проблем, которое они несли на протяжении всей своей истории.

Анализ расходных статей бюджета Тамбовской архивной комиссии показывает, что они распределялись по следующим основным направлениям: вознаграждение отдельным членам комиссии, оплата обслуживающего персонала (переписчиков, сторожа, столяра и др.), покупка книг, расходы по содержанию архива, музея и помещения в целом, канцелярские, почтовые и типографские расходы, оплата командировок и поездок с целью археологических разведок и раскопок, случайные расходы.

Вплоть до начала 1900-х годов Тамбовская комиссия, наряду с Орловской, была одной из немногих ГУАК, в которых оплата деятельности по разбору и описанию документов архива являлась постоянной статьей расходов. С большей или меньшей регулярностью она осуществлялась в период с 1889 по 1902 гг. и колебалась в разные годы в зависимости от финансового благополучия комиссии от 125 до 400 рублей. Примечателен факт, что в Тамбовской комиссии данная статья превышала 45 % всех расходов, а в Орловской — только 5 %. В других комиссиях, таких как Костромская, Оренбургская, Симбирская, вознаграждение за разбор и описание дел выплачивалось эпизодически и колебалось от 2 % до 7 %. Однако, как указывал В.И.Снежневский, подобное различие объясняется отчасти тем, что некоторые комиссии назначали за этот вид деятельности постоянное жалование, а другие включали его в статью канцелярских расходов.²⁶³ Столь высокий процент затрат на оплату деятельности сотрудников Тамбовской комиссии определялся позицией ее первого председателя, стремившегося, по возможности, к вознаграждению наиболее активных из них. «Трудолюбивейшие члены нашей комиссии, — заявил на одном из заседаний комиссии в 1892 г. И.И.Дубасов, — работают обыкновенно даром, из одной любви к делу. Это, разумеется, прекрасно, но слишком идеально... Крайне желательно вознаграждение усерднейших членов нашей комиссии гонораром».²⁶⁴ Определенную материальную помощь получали П.И.Пискарев, А.А.Курбатов, С.К.Платонова, И.А.Троицкий и другие наиболее усердные работники.

Оплата обслуживающего персонала (сторожа, переплетчика, переписчиков, рассыльного, столяров и плотников) обходилась комиссии в среднем до 70 рублей в год. Канцелярские расходы требовали ежегодно сумму в 55 рублей. Менее значительными были расходы по пересылке корреспонденции — около 14 рублей в год. В среднем затраты ГУАК по этим статьям не превышали расходов большинства комиссий.

Гораздо более ощутимыми для ГУАК являлись расходы по издательской деятельности. Более других тратила на издание своих трудов в количественном отношении Владимирская комиссия (в среднем 558 рублей ежегодно), за ней следовала Рязанская (483 рублей). В процентном же отношении к общей сумме ежегодных расходов лидировала Таврическая комиссия — ее типографские расходы составляли 69 % бюджета.²⁶⁵ По сравнению с подавляющим большинством комиссий ГУАК первое время находилась в благоприятных условиях. С момента открытия и вплоть до 1900 г. ее расходы по издательской деятельности были символическими и составляли в среднем сумму в шесть рублей, т.е. чуть более одного процента от количества общих расходов. Это объясняется предоставленной ей возможностью бесплатной публикации своих трудов в губернской типографии. Однако после отказа последней оказывать местному научному обществу бесплатные услуги расходы ГУАК в данном направлении значительно возросли, достигнув в 1901 г. 102 рублей 55 копеек, в 1902 г. — 315 рублей 15 копеек, в 1904 г. — 227 рублей 60 копеек, в 1906 г. — 186 рублей 15 копеек.

Из-за хронического недостатка денег комиссия почти не оплачивала командировочные расходы своих членов. В большинстве случаев они осу-

ществлялись за счет личных средств сотрудников. Исключение делалось главным образом для покрытия расходов по поездкам на всероссийские археологические съезды, и то лишь частичного. В письме от 22 июня 1893 г. на имя П.И.Бартенева И.И.Дубасов просит напечатать его статью как можно скорее, потому что по случаю отъезда на Виленский археологический съезд нуждается в средствах и «гонорар был бы очень кстати».²⁶⁶ Минимальными являлись и расходы на археологические исследования. За всю историю ГУАК они составили в общей сложности 230 рублей 83 копейки (1889, 1900 и 1901 гг.) В этом отношении Тамбовская комиссия значительно уступала Рязанской и Костромской УАК, затрачивавшим в среднем на археологические исследования 16 % и 12 % своего бюджета соответственно,²⁶⁷ что влекло за собой большую результативность работы в данном направлении.

Из-за нехватки свободных денег комиссия практически не тратила средств на комплектование своей библиотеки. Оно осуществлялось главным образом за счет обмена изданиями с различными научными обществами и учреждениями. На покупку книг комиссия потратила в общей сложности не более 200 рублей. Содержание архива обходилось ежегодно в среднем в 83 рубля, музея — в 80 рублей. Наиболее значительными являлись расходы, связанные с оборудованием и поддержанием в должном порядке помещения комиссии. За период с 1887 г. по 1906 гг. они составили ежегодную сумму в 130 рублей. Приблизительно такими же были расходы на обзаведение необходимой мебелью и поддержание помещения в рабочем порядке (освещение, отопление и т.п.) у Симбирской и Ярославской комиссий.

Большинство губернских ученых архивных комиссий считало своей обязанностью представлять результаты своих научных исследований на страницах собственных периодических печатных органов. Из 42 ГУАК своих «Трудов» или «Известий» не имели одиннадцать — Астраханская, Закаспийская, Самарская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Холмская, Казанская, Киевская, Ковенская, Петербургская.²⁶⁸ Остальные с различной периодичностью выпускали в свет сборники, в которых публиковалась научная продукция ГУАК и источники из губернских исторических архивов. Всего, по подсчетам Л.Ф.Писарьковой, комиссии выпустили за годы своего существования около 1200 наименований различных изданий, из них 640 томов «Трудов», «Известий», «Летописей» и других периодических сборников.²⁶⁹

В середине 1890-х гг. в научных кругах возникла мысль об учреждении при Академии наук единого для всех ГУАК повременного органа. Она была высказана на частном совещании представителей ученых архивных комиссий в период проведения X археологического съезда в 1896 г.²⁷⁰ Предложение мотивировалось открывавшейся в этом случае возможностью экономии средств и достижения единообразия в изданиях комиссий. Предполагалось также, что сосредоточение результатов исследований ГУАК в одном центральном сборнике создаст более благоприятные условия для ознакомления с ними научной общественности. Подобное предложение имело под собой весьма резонные основания. Вследствие отсут-

ствия в России того времени налаженной системы библиографических изданий, а также в результате, пользуясь выражением Л.М.Савелова, «косности книжного рынка», осуществлявшиеся в провинции публикации далеко не всегда становились достоянием крупных научных центров. Современники признавали, что ученые архивные комиссии «сплошь и рядом печатают весьма ценные материалы, но все это лежит в неизвестности и только случайно выплывает на свет Божий».²⁷¹ Однако, несмотря на признание этого факта, большинство ГУАК выступили против данного предложения. При этом они исходили, во-первых, из опасения обезличивания своих публикаций, и во-вторых, принимались во внимание экономические соображения. Многие комиссии имели возможность при бесплатном издании своих трудов получать от их продажи значительные средства, в результате издательская деятельность превращалась в один из источников бюджета комиссий.

Тамбовская комиссия принадлежала к числу ГУАК, которые с первого года своего существования начали издание научной продукции и документальных материалов в виде периодических сборников. Ознакомившись с первым выпуском издания ГУАК, Н.В.Калачов написал И.И.Дубасову, что он «в высшей степени интересен и дает полную надежду на хорошее развитие в будущем архивных в Тамбовском крае занятий и вообще разработки здесь древностей».²⁷² П.Н.Черменский в свое время охарактеризовал публикации ГУАК как настоящую энциклопедию исторических знаний о Тамбовском крае.²⁷³

Печатный орган ГУАК представлял собою периодическое издание, выходящее в свет с 1884 г. по 1918 г. Первоначально оно носило название «Журнал заседаний Тамбовской губернской ученой архивной комиссии». Под этим названием вышли первые двенадцать выпусков с 1884 г. по 1886 г. С января 1887 г. название было заменено на «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», что более соответствовало расширившемуся за счет публикации научных статей, рефератов и архивных документов содержанию. Всего за годы деятельности ГУАК было издано 58 выпусков «Известий». По числу выпусков своих трудов ГУАК лидировала среди ГУАК, уступая лишь Тверской комиссии.

Структура печатного органа Тамбовской комиссии на протяжении ее истории неоднократно изменялась. С первого по двадцать пятый выпуски включали в себя протоколы заседаний и приложения к ним. В приложениях печатались описи губернского исторического архива, оригинальные документы, рефераты и статьи. Начиная с 26-го выпуска (1890 г.) «Известия» приобрели более четкую структуру. Их содержание распределялось по трем отделам: в первом печатались протоколы заседаний, статьи и рефераты; во втором — описи дел, хранящихся в историческом архиве комиссии; третий предназначался для публикации документов. С приходом нового председателя в 1900 г. структура «Известий» вновь изменилась. Положительным моментом стало оснащение издания оглавлением. Однако в то же время было ликвидировано деление на отделы, наличие которых позволяло более четко систематизировать публикуемые материалы. В подобном виде вышли шесть выпусков «Известий» — с 44-го по 49-й. С 1905 г. (50-й

выпуск) было вновь введено разделение содержания на части. Так, 50, 51 и 53-й выпуски состояли из трех частей: в первую часть были включены наиболее значительные по объему научные публикации сотрудников комиссии, во вторую — статьи и рефераты, в третью — протоколы и годовые отчеты комиссии. Остальные выпуски «Известий» единообразием структуры не отличались. В 52-м и 54-м выпусках первая часть включала публикации статей членов комиссии; вторая — журналы и отчеты; третья — описи. В 56-м выпуске в первую часть вошли статьи, во вторую — описи, в третью — протоколы заседаний и годовые отчеты. 57-й выпуск содержал две части: в первой опубликованы статьи, заметки и рефераты, во второй — протоколы и отчеты. 58-й выпуск вышел без подразделения на части, а также без протоколов заседаний комиссии за 1916–1917 гг., что стало следствием нехватки бумаги в первый послереволюционный год. Предполагалось, что протоколы будут опубликованы в следующем, так и не вышедшем в свет, 59-м выпуске.

В первое время практиковалось издание очередных выпусков «Известий» непосредственно после каждого заседания комиссии. Однако в связи с закрытием в 1891 г. одной из частных тамбовских типографий объем работы губернской типографии значительно возрос, что повлекло за собой задержку выхода «Известий». На заседании 8 февраля 1891 г. правитель дел П.А.Дьяконов предложил изменить характер издания, объединив материалы нескольких собраний в один сборник.²⁷⁴ В результате если до 1891 г. выходило ежегодно в среднем до шести номеров, то с этого времени — не более трех, но в значительно укрупненном объеме.

Благодаря ходатайству своего первого неперменного попечителя губернатора А.А.Фредерикса, Тамбовская комиссия с самого начала своей деятельности получила возможность печатать «Известия» бесплатно. Постановлением Тамбовского губернского земского собрания ГУАК было предоставлено право на ежегодное бесплатное издание своих трудов в губернской типографии на сумму в сто рублей. В губернской типографии печатались и отдельные издания комиссии. Так, в 1887 и 1888 годах были изданы подготовленные П.И.Пискаревым брошюры «Мамонтова пустынь Тамбовской губернии» и «Писцовая книга новых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда». Подобной благоприятной возможностью комиссия пользовалась вплоть до 1907 г. Отношением вице-губернатора от 4 апреля 1907 г. ее руководство было поставлено в известность о прекращении данной практики в связи с осложнившимся финансовым положением типографии. Теперь за издание одного выпуска тиражом в 300 экземпляров ГУАК должна была вносить плату в размере десяти рублей за лист, включая стоимость набора, бумаги и печати.²⁷⁵ Между тем на момент получения этого известия касса комиссии насчитывала не более 200 рублей наличных денег. В этой связи выход очередного, 53-го, выпуска сборника был поставлен под угрозу срыва. Положение спас председатель комиссии, внесший на издание сборника сумму в четыреста рублей из собственных средств. Тем не менее в последующие годы опасность остановки печатания «Известий» продолжала оставаться реальной. Губерн-

ская типография не проявляла намерения изменить свои условия, а финансовое положение комиссии не позволяло их принять. Ввиду этого 54-й номер сборника был издан на частные средства (А.Н.Норцова) в 1911 г. в типографии Бердоносова и Пригорина. Для того чтобы хотя бы частично покрыть расходы, связанные с его выпуском, на заседании 7 ноября 1911 г. было решено принять обращение к членам комиссии о внесении взносов в казну ТУАК в размере не менее трех рублей.²⁷⁶ Однако нужной суммы собрать не удалось.

С еще большими трудностями было сопряжено издание последних четырех выпусков «Известий». В условиях военного времени, когда остро ощущалась нехватка бумаги и недостаток опытных наборщиков, выход сданных в печать сборников значительно задерживался. Последний, 58-й, выпуск был издан в 1918 г. типографией губернского отдела управления при губисполкоме в неполном виде.

Подготовка к изданию «Известий Тамбовской ученой архивной комиссии» и их общая редакция находились в компетенции правителей дел. 1-7 выпуски «Известий» вышли в свет под редакцией В.В.Соловского, 8-23 — М.Г.Розанова, 24-42 — П.А.Дьяконова, 43-45 — А.А.Курбатова, 46-48 и 50-52 — Н.А.Щеглова, 49 — Н.И.Орлова. С 1909 г., как уже указывалось выше, ТУАК ввела практику избрания редакционного комитета.

Корректуру выпусков «Известий» занимались А.А.Курбатов (до 1891 г.), И.В.Староградский (1891 г.), Н.М.Троицкий (1891-1899 гг.), В.И.Конобеевский (1903-1904 гг.). Они же отвечали за рассылку номеров в адрес научно-исторических обществ, библиотек, учреждений и отдельных лиц. Во избежание возможных случайных ошибок и неточностей при публикации протоколов заседаний комиссии, А.А.Курбатов на собрании 2 февраля 1899 г. поднял вопрос о введении практики ознакомления с ними членов ТУАК.²⁷⁷ До этого момента протоколы редактировались и подписывались правителем дел, после чего они сразу сдавались в печать. В результате сотрудники комиссии получали возможность ознакомиться с журналами заседаний только в опубликованном виде, что делало невозможным исправление допущенных погрешностей. В этой связи было решено осуществлять проверку протоколов в рукописи некоторыми из сотрудников комиссии. В соответствии со сложившейся практикой рукописи протоколов подписывали А.Н.Норцов, С.К.Платонова, Б.Г.Фиксен, П.И.Пискарев, Ф.С.Соколов, А.А.Щеголев, М.Ф.Николаевский, Д.Н.Астров.

Свои издания Тамбовская комиссия регулярно высылала в адрес других архивных комиссий, научно-исторических обществ и учреждений. В свою очередь она получала от них в качестве обмена широкий круг научной литературы. На этой основе формировались фонды научной библиотеки. В 1898 г. в адрес ТУАК свои издания присылали 35 обществ и учреждений, с 1902 г. — 38.²⁷⁸ Тамбовская комиссия регулярно обменивалась печатными трудами со следующими учреждениями: Академией наук, Археологической комиссией, Русским археологическим обществом, Русским историческим обществом, Русским военно-историческим обществом, Русским географическим обществом, киевским Обще-

ством Нестора летописца, Обществом любителей древней письменности, Московским археологическим обществом, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии и Обществом истории и древностей российских при Московском университете, Киевским церковно-археологическим обществом при Духовной академии, Омской археологической комиссией, Одесским обществом истории и древностей, Геологическим комитетом, Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Обществом любителей кавказской археологии, Петровским обществом исследователей Астраханского края, Историко-филологическим обществом при Харьковском университете, Псковским археологическим обществом, церковными историко-археологическими комитетами в Москве, Киеве, Подольске, Калуге, Воронеже, ГУАК — Рязанской, Таврической, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Воронежской, Иркутской, Вятской, Оренбургской, Полтавской, Черниговской, Виленской археографической комиссией, Юрьевским университетом, петербургским и московским Археологическими институтами, Историко-филологическим институтом Безбородко в Нежине, петербургскими Политехническим институтом и высшими женскими курсами. Кроме того, был налажен обмен изданиями с художественно-историческим хранилищем казанского дворянства, Тульским епархиальным древлехранилищем, Хлудовской библиотекой рукописей и старопечатных книг, архивами Сената, Государственного совета, Синода, канцелярией Государственной думы, Московскими архивами министерства юстиции и министерства иностранных дел.

Небольшое количество книг комиссии удавалось приобретать у букинистов, однако широкому применению этой практики препятствовало отсутствие необходимых средств. В 1895 г. И.И.Дубасов поставил вопрос о расширении источников комплектования библиотеки и архива комиссии за счет частных собраний. На его просьбу откликнулись некоторые члены комиссии, приславшие в дар подборки периодических изданий и литературы по различным отраслям знаний. Отдельные собрания книг поступали из местных государственных учреждений. Так, в 1911 г. Тамбовский крестьянский поземельный банк передал по просьбе комиссии старинные книги, в числе которых были библиографические редкости, из имени Волконских.²⁷⁹

В целом подбор изданий из-за нехватки денег носил случайный характер. Библиотекарь комиссии А.А.Щеголев указывал на то, что даже отдел местных изданий комплектовался без соблюдения определенной системы. Отчет комиссии за 1913 г. также констатировал, что библиотека не имеет ни одного целого систематически подобранного отдела, вследствие чего не оправдывает своего назначения. В 1913 г. книжные фонды ТУАК насчитывали 1812 наименований в количестве 3000 томов,²⁸⁰ в 1914 г. — 4000 томов,²⁸¹ в 1915 г. — 2257 наименований и 4629 томов.²⁸² О содержательной стороне библиотеки свидетельствует составленный А.А.Щеголевым систематический каталог, опубликованный в 1917 г.²⁸³

4. Научные и организационные связи комиссии

На протяжении своей истории ГУАК стремились к установлению возможно более тесных связей как друг с другом, так и с другими научно-историческими обществами. Тенденция к объединению трудов историков, архивистов и археологов являлась одной из характерных черт развития отечественной исторической науки в конце XIX — начале XX вв. Показателем этого стало выдвинутое в 1916 г. Обществом ревнителей истории предложение о создании Союза исторических, археологических и архивных обществ России. Первый параграф устава Союза формулировал его цель как всемерное содействие «взаимному научному общению всех российских обществ, занимающихся историей во всей ее полноте или частных ее областях».²⁸⁴ Свое желание войти в Союз изъявили 26 научных обществ, из них девять ученых архивных комиссий. Хотя проект и не был реализован, тем не менее его появление отразило назревшую потребность в координации деятельности многочисленных научно-исторических обществ.

Тамбовская комиссия также проявляла очевидное стремление к сотрудничеству с провинциальными и столичными научными обществами и учреждениями, полагая его необходимым условием эффективности своей работы. Прежде всего она установила тесные контакты с местными историческими организациями. К их числу принадлежали Тамбовский отдел Русского военно-исторического общества и церковно-археологический комитет.²⁸⁵ Первый был создан по инициативе офицеров тамбовского гарнизона и при ближайшем участии А.Н.Норцова в 1911 г. Его председателем являлся начальник тамбовского гарнизона генерал-лейтенант Е.З.Корбут, секретарем — Норцов, членами совета — сотрудники ТУАК генерал-майоры Н.Я.Жданович, А.Е.Горбачевич, полковники С.И.Богданович и П.П.Апрелев и др.²⁸⁶ Тамбовский Церковно-археологический комитет был учрежден в 1912 г. по инициативе епископа Кирилла и при непосредственном участии членов ТУАК (священников М.Г.Озерова, П.А.Виндряевского и др.). Председатель комитета ректор духовной семинарии И.А.Панормов состоял членом ТУАК с 1909 г., его заместитель — секретарь Тамбовской духовной консистории А.Е.Андриевский — с 1900 г. Членство сотрудников комиссии в составе Тамбовского отдела Русского военно-исторического общества и церковно-археологического комитета создавало основу для тесного взаимодействия всех трех научных обществ. Прежде всего, это касалось проведения просветительской работы. В этой связи следует отметить, что в просвещении и образовании местного населения ТУАК видела одну из своих непосредственных задач, поэтому всегда стремилась быть в эпицентре местной культурной жизни. Ее руководителям и рядовым членам была близка мысль Н.В.Калачова о том, что архивные комиссии не должны ограничиваться узко понятыми научными задачами, но обязаны стать просветительскими обществами, несущими знания и воспитывающими патриотизм в среде местных жителей. В силу этого они рассматривали свою деятельность как форму выполнения гражданского долга. Неслучайно И.И.Дубасов харак-

теризовал работу ГУАК как «учено-патриотическую». А.Н.Норцов, определяя значение учреждения архивных комиссий, утверждал, что оно «необходимо для образования как современного, так и грядущего поколений, оно важно для пробуждения народного самосознания, любви к родине и благородной национальной гордости».²⁸⁷ Одной из форм просветительской работы являлась организация празднования юбилеев выдающихся исторических событий общегосударственного масштаба. Так, совместными усилиями ТУАК и местного отдела Русского военно-исторического общества в Тамбове было организовано чествование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Тамбовская губерния не являлась ареной военных сражений, тем не менее ее жители внесли посильный вклад в победу посредством организации ополчения и поставок обозов со снабжением в действующие части. В Тамбове были сформированы артиллерийская рота и два пехотных полка, вошедших в состав дивизии генерал-майора В.А.Русанова. Кроме того, губерния стала местом сосредоточения военнопленных французской армии. 26 ноября 1912 г. состоялось совместное юбилейное заседание двух научных обществ с участием 600 приглашенных. С докладами на нем выступили А.Н.Норцов, П.Л.Киреев, И.А.Троицкий, Н.Я.Жданович и Е.З.Корбут. Их выступления, а также заметки полковника И.А.Григоровича и Н.Н.Иванова были включены в состав 56-го выпуска «ИТУАК» в виде специального раздела под названием «Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (рефераты, статьи и документы)». В них получили освещение различные эпизоды из истории края 1812–1813 гг., основанные главным образом на источниках из архива губернского правления (о снабжении провиантом и фуражом проходящих через губернию воинских частей, об организации доставки в губернию известий о ходе военных действий, о размерах пожертвований на военные нужды и организации ополчения и т.д.). В перерывах торжественного заседания военный оркестр тамбовского гарнизона и хор П.Н.Богдашева исполняли музыкальные произведения, посвященные 1812 г., а в конце была показана кинолента, иллюстрирующая события Отечественной войны. В своей заключительной речи Норцов еще раз подчеркнул необходимость совместной работы военных и гражданских историков. «Я еще более счастлив, — сказал он, — что именно сегодня произошло братское слияние двух ученых обществ — отдела Военно-исторического общества и нашей комиссии — во имя общей идеи: поминовения и поклонения незабвенному Двенадцатому году. В этом счастливом совпадении Георгиевского праздника и соединенного заседания нашего, в этом союзе военной и гражданской археологии, я позволю себе видеть залог будущих общих работ комиссии и отдела».²⁸⁸

С началом мировой войны ряды Тамбовского отдела Русского военно-исторического общества значительно поредели, и ТУАК пришлось временно принять его обязанности на себя. 12 октября 1914 г. комиссия от имени отдела провела публичное заседание патриотического характера, на котором присутствовали 400 человек.²⁸⁹ На нем были зачитаны доклады о ходе военных действий и организован сбор пожертвований на нужды фронта. Особую эмоциональную атмосферу собранию придало

исполнение хором П. Н. Богдашева российского гимна и гимнов союзных держав, русских и сербских народных песен, а также чтение стихотворений русских поэтов с призывами к братскому объединению славян.

Другой значительной датой общероссийского звучания стало празднование 300-летия дома Романовых. В ознаменование юбилея совместными усилиями тамбовских научных обществ были организованы торжественные мероприятия, а близ села Романова Липецкого уезда (бывшая вотчина бояр Романовых) была возведена памятная часовня. ТУАК приняла участие и в открытии мощей св. Питирима, состоявшемся 28 июля 1914 г. Ввиду начавшейся мобилизации многие праздничные мероприятия были отменены, но тем не менее торжества состоялись.

В числе других акций культурно-просветительного характера, планировавшихся ТУАК и поддержанных коллегами из других научных обществ, была инициатива, связанная с переименованием улиц Тамбова в целях увековечения тех или иных исторических событий или имевших отношение к краю видных деятелей. Впервые она прозвучала из уст А. Н. Норцова на заседании комиссии 7 августа 1912 г.²⁹⁰ В число названных им лиц вошли поэт и наместник края Г. Р. Державин, М. Ю. Лермонтов, несколько раз бывавший в Тамбове и запечатлевший его в поэме «Тамбовская казначейша», епископ Питирим, незадолго до этого канонизированный и причисленный к лику святых, воевода Р. Ф. Боборыкин — основатель Тамбова, известный тамбовский меценат Э. Д. Нарышкин и др. Одну из улиц на месте основания крепости Тамбов в 1636 г. Норцов предложил назвать Крепостной в память о первоначальной истории города. К сожалению, эти заслуживающие внимания предложения, бесспорно, привлечшие бы интерес жителей к прошлой истории родного города, властями реализованы не были.

ТУАК придавала большое значение установлению долговременных связей с другими учеными архивными комиссиями и научно-историческими обществами. В ее отчете за 1887 г. подчеркивалось, что «архивные комиссии существенно нуждаются в ближайшем общении с другими давно существующими и уже сослужившими службу русской науке учеными историко-археологическими учреждениями и между собою, а потому не должны стоять и действовать одиноко».²⁹¹ С этой целью ТУАК уже спустя несколько месяцев после своего учреждения направила в адрес Рязанской, Тверской и Орловской комиссий сведения о выявленных в тамбовских архивах материалах по истории данных губерний. В 1886 г. И. И. Дубасов переслал в Орловскую УАК любопытный документ — жалобу ельчан царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету на притеснения боярина Ивана Никитича Романова.²⁹² В свою очередь Тамбовская комиссия вскоре начала получать интересующие ее материалы от других ГУАК. Помимо этого комиссия считала своей обязанностью способствовать по возможности сохранности документальных материалов на территории соседних губерний. Так, на заседании 7 мая 1885 г. директор народных училищ Тамбовской губернии Д. В. Ильченко сообщил, что в Пензенской губернии, входившей в свое время частью в состав Тамбовского края, хранится значительный документальный комплекс XVII–XVIII вв., большая

часть которого вследствие небрежного хранения находится под угрозой исчезновения. В этой связи он предложил принять меры к охране документов по истории территорий, входивших некогда в состав Темниковской, Шацкой и Тамбовской провинций. Собрание комиссии приняло решение об установлении тесных связей с пензенскими историками и архивистами с тем, чтобы иметь возможность получать информацию о документах архивов Пензенской губернии.²⁹³ Из числа пензенских любителей старины наиболее тесные отношения у тамбовских историков сложились с инсарским уездным врачом Г. П. Петерсоном, принятым в 1887 г. в члены ТУАК. Он неоднократно присылал в дар комиссии подлинные документы по истории Кадомского и Темниковского уездов, а также поставлял информацию о наличии источников по истории губернии в Керенской публичной библиотеке.²⁹⁴

Не менее регулярные контакты сложились у ТУАК с воронежскими любителями старины. Секретарь Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнберг писал в одном из своих писем 1887 г. по поводу избрания в состав Тамбовской комиссии: «Мне тем приятнее состоять членом ее, что благодаря обилию материалов по Тамбовской губернии, имеющихся в моем распоряжении, я надеюсь быть ей полезным».²⁹⁵ С организацией в Воронеже собственной ученой архивной комиссии тамбовские историки передали в ее архив представляющие для воронежцев интерес документы из Тамбовского исторического архива. В 1901 г., к примеру, в Воронеж были высланы дела Острогжского и Калитвянского казначейств.

При очевидном стремлении Тамбовской комиссии к поддержанию связей с возможно более широким кругом ГУАК наиболее плодотворные отношения сложились у нее с Рязанской комиссией. Во многом это объясняется общностью исторического прошлого двух губерний. В письме на имя председателя Тамбовской комиссии от 23 мая 1885 г.²⁹⁶ правитель дел Рязанской УАК А. В. Селиванов указал на тот факт, что оно имеет настолько много точек соприкосновения, что зачастую невозможно отделить историю Тамбовской губернии от Рязанской. Вследствие этого, подчеркнул Селиванов, для плодотворной разработки истории двух губерний необходимо не просто обмен изданиями, но установление личных контактов деятелей обеих комиссий. В свою очередь И. И. Дубасов в адресе по случаю 800-летия Рязани принес от лица ТУАК поздравления коллегам и всем жителям этого города как «старинной метрополии Тамбовской у крайны». В целях координации деятельности руководители обеих комиссий практиковали посещение общих собраний Тамбовской и Рязанской ГУАК. Так, в октябре 1885 г. Селиванов обратился к Дубасову с приглашением участвовать в заседании РУАК. В связи с его занятостью вместо председателя в Рязань отбыл Р. П. Ситовский. Вернувшись, он рассказал на одном из заседаний об условиях деятельности рязанских коллег и проинформировал об обнаруженных в Рязанском историческом архиве материалах по истории Тамбовского края.²⁹⁷ В свою очередь, во время проведения VIII археологического съезда в Москве (1890 г.) Селиванов обратился к Дубасову с просьбой извещать его о днях заседаний Тамбов-

ской комиссии, с тем чтобы он мог иметь возможность присутствовать на них. Большие надежды тамбовские историки возлагали на сотрудничество с рязанцами в области археологии, так как в отличие от ТУАК Рязанская комиссия имела в своем составе весьма компетентных специалистов. Избрав в 1893 г. своим членом опытного рязанского археолога А.И.Черепнина, тамбовчане рассчитывали, что с его помощью смогут поднять на должный уровень археологические исследования в крае.

Со многими из ученых комиссий (Рязанской, Таврической, Петербургской и другими) ТУАК установила практику взаимных консультаций по вопросам организации исторических архивов. Имел также место обмен опытом и информацией по ряду других вопросов. К примеру, Саратовская комиссия, заинтересовавшись введением для членов Тамбовской УАК нагрудных знаков, запросила в 1908 г. разъяснения относительно их внешнего вида и условий выдачи.²⁹⁸ Созданное в 1916 г. Самарское археологическое общество обратилось в ТУАК с просьбой о содействии в сборе сведений о своем крае и в ответ обязалось предоставлять подобные данные.²⁹⁹ Вновь открываемые комиссии обращались к Тамбовской, как старшей, с просьбами об обмене организационным опытом. Так, Оренбургская комиссия в 1888 г. интересовалась у тамбовских архивистов принципами формирования исторического архива, Калужская в 1891 г. запросила журналы заседаний ТУАК для заимствования опыта проведения общих собраний.³⁰⁰ Самое непосредственное участие деятели Тамбовской комиссии принимали в первых шагах Нижегородской (1887 г.) и Курской (1903 г.) комиссий.

Одним из способов установления связей с другими научно-историческими обществами и учреждениями являлось избрание их сотрудников действительными членами Тамбовской ученой архивной комиссии и представительство в них, в свою очередь, тамбовских историков и архивистов. Например, И.И.Дубасов являлся членом Орловской, Тверской, Рязанской, Саратовской, Пензенской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской комиссий; А.Н.Норцов – Воронежской, Витебской, Казанской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тверской; П.И.Пискарев – Нижегородской. В свою очередь Тамбовская комиссия имела в своих рядах сотрудников многих других ГУАК.

Необходимость во взаимодействии архивные комиссии с особой остротой ощутили во время обсуждения выдвинутого управляющим МАМЮ Д.Я.Самоквасовым проекта архивной реформы. На рубеже XIX – XX вв., когда на повестку дня вновь встал вопрос о проведении давно назревшей архивной реформы, научная общественность обсуждала два способа ее осуществления – путем централизации архивного дела и создания Главного архивного управления или с помощью губернских ученых архивных комиссий. С первым вариантом на XI археологическом съезде, состоявшемся в 1899 г., выступил Самоквасов. Его проект предполагал учреждение центрального органа по управлению архивами, создание государственной архивной сети, включающей в себя центральный государственный архив (для сосредоточения документов вплоть до 1825 г.), и местные – 12

областных и 90 губернских центральных архивов.³⁰¹ Архивные комиссии должны были сохранить «самостоятельное значение местных ученых обществ по хранению и научной разработке местных древностей», ведать делом хранения, описания, издания и научной разработки архивов общественных учреждений, а также частных, в случае согласия их владельцев. Кроме того, они должны были содействовать по приглашению центрального архивного управления научной разработке материалов государственных архивов.

Для обсуждения проекта Д.Я.Самоквасова и уточнения положения ГУАК в случае его реализации в Археологической секции XI археологического съезда была избрана специальная комиссия в составе директора Археологического института Н.В.Покровского, начальника архива Синода А.Н.Львова, представителя Московского археологического общества и МАМЮ М.В.Довнар-Запольского, профессора Харьковского университета Д.И.Багалея, а также председателей Тамбовской, Нижегородской, Симбирской и Рязанской УАК И.И.Дубасова, А.А.Савельева, В.Н.Поливанова и С.Д.Яхонтова. Комиссия провела три заседания, в ходе которых проект был дополнен следующими положениями. Во-первых, комиссиям должны были быть предоставлены особые помещения в зданиях губернских центральных архивов для хранения исторических материалов. Во-вторых, ввиду того, что ГУАК являлись единственными провинциальными учреждениями, на которые возлагалась обязанность выявления и охраны местных исторических памятников, было решено ходатайствовать о назначении им правительственной субсидии в 1500 рублей для ведения научных работ и издания исторических документов.³⁰²

Таким образом, возбуждение вопроса о проведении архивной реформы автоматически повлекло за собой постановку всего блока нерешенных проблем, связанных с положением губернских ученых архивных комиссий. Как уже отмечалось в исторической литературе,³⁰³ внесенные дополнения не предполагали вмешательства ГУАК в деятельность государственных архивов, однако требование предоставления им правительственной субсидии стало прецедентом для возникновения альтернативного проекта проведения архивной реформы с помощью ГУАК, выдвинутого впоследствии министерством внутренних дел, Русским историческим обществом и Археологическим институтом.

Новым поводом для сплочения губернских архивистов стала развернутая Д.Я.Самоквасовым в начале XX в. жесткая критика ученых архивных комиссий. В I томе книги «Архивное дело в России», вышедшем в 1902 г., Самоквасов посвятил ГУАК специальную главу, озаглавленную «Общественная архивная служба».³⁰⁴ В ней он ставил в вину комиссиям их материальную бедность, критиковал личный состав, признанный автором во многом «бесполезным», обвинял в безначалии и бесконтрольности, разрушении исторически сложившихся архивных фондов правительственных учреждений (министерств финансов, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ, а также земств). В другом своем труде под названием «Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России» Само-

квасов продолжил перечень обвинений в адрес ГУАК. Он предъявил им упрек в том, что, знакомясь с делами по кратким заголовкам описей, комиссии дают разрешение на уничтожение фондов, отправляя таким образом десятки тысяч ценных документов на бумажные фабрики. Определив деятельность комиссий как преступление против рациональной постановки архивного дела, Самоквасов пришел к следующему выводу: «Старейшие губернские ученые архивные комиссии, опустошившие множество архивов присутственных мест не только своих, но и соседних губерний, образовали конгломераты отрывочного архивного материала, да и этот материал хранится у них в безобразном беспорядке, в неопиcанном виде, в кулях, мешках и рогожах и в помещениях, недоступных для научных занятий, потому что они служат и для других надобностей».³⁰⁵ Самоквасов предложил реорганизовать ГУАК в местные научные общества по примеру западноевропейских, ограничив их задачи только изданием и разработкой архивных материалов и других памятников местной старины. Таким образом, фактически он призывал вернуться к статусу, определенному для комиссий Н.В.Калачовым в первоначальном варианте его проекта. Однако Самоквасов упускал из виду то обстоятельство, что при отсутствии условий для проведения архивной реформы в государственном масштабе ГУАК оставались единственными в провинции учреждениями, сколько-нибудь компетентными в вопросах архивного дела. Реорганизация комиссий на предложенных им началах или, больше того, их упразднение в условиях пробуксовки реформы могли бы привести только к ухудшению ситуации на местах.

Критика Д.Я.Самоквасова в адрес комиссий была поддержана рядом авторов и периодических изданий. Так, в журнале «Русский архив» была опубликована статья С.Кедрова,³⁰⁶ в которой он развил мысль о бесконтрольности ГУАК. В частности, автор указал, что Археологический институт контролирует лишь то, что сделано комиссиями, а не то, как сделано. Кроме того, он отметил отсутствие контроля со стороны местных властей, в результате чего остается неизвестным, какие документы и вещи получают ГУАК, все ли они описываются и хранятся, какими правилами руководствуются при рекомендации дел к уничтожению, какова ответственность членов в случае их пропажи, неправильной организации раскопок, порчи документов и т.д. «При указанной безответственности сих последних, — писал Кедров, — может случиться, что самый лучший памятник, самое ценное в каком-либо отношении дело может быть предано уничтожению, даже сознательно, и наоборот, худшее может сохраниться: все зависит от степени исторической образованности и ревности лица, определяющего историческую пригодность памятника, от личной точки зрения расследующего».³⁰⁷

Выдвинутые против ГУАК обвинения требовали от них незамедлительной реакции. Во время проведения XII археологического съезда в Харькове 18 августа 1902 г. было созвано специальное заседание под председательством директора Археологического института Н.В.Покровского для обсуждения развернувшейся в адрес комиссий критической кампании. В нем приняли участие 22 представителя губернских ученых архивных ко-

миссий и Археологического института. Тамбовскую комиссию представлял ее председатель А.Н.Норцов, Воронежскую — М.Д.Свербеев и Л.М.Савелов (являвшиеся одновременно членами ТУАК), Костромскую — Н.М.Бекаревич (член ТУАК), Симбирскую — В.Н.Поливанов (член ТУАК), Пермскую — В.С.Малченко. Директор Археологического института Н.В.Покровский высказался о книге Д.Я.Самоквасова как о «печальном явлении», не принадлежащем в силу своей тенденциозности к числу «научных трудов». Он указал на то, что «к оценке архивных комиссий нельзя подходить с шаблонной меркой, и высокомерное несправедливое отношение к ним ничего, кроме вреда принести не может...»³⁰⁸ Таким образом, Покровский выступил против огульной критики деятельности местных архивистов и историков со стороны столичных ученых и одно-стороннего подхода к ее оценке. На заседании было принято постановление, в котором книга Самоквасова признавалась «оскорбительной, резкой и несправедливой» по тону, а его обвинения ГУАК в разрушении исторически сложившихся фондов основанными на тенденциозном и одностороннем подборе фактов. Кроме того, было вынесено решение о разработке комиссиями опровержения «неправильных суждений» Самоквасова с тем, чтобы впоследствии издать на основе сведенных воедино ответов ГУАК книгу. Покровский уполномочил председателя Тамбовской комиссии Норцова принять на себя роль координатора по связи с другими ГУАК для выполнения этой работы.

Во исполнение данного решения Тамбовская комиссия на первом же состоявшемся после съезда собрании (16 сентября 1902 г.) постановила составить заключение по поводу предвзятой трактовки Д.Я.Самоквасовым деятельности ТУАК. По поручению комиссии правитель дел Н.А.Щеглов и А.А.Курбатов подготовили две заметки,³⁰⁹ в которых опровергали выдвинутые в адрес тамбовских архивистов упреки. Так, Щеглов поставил Самоквасову в вину неверное освещение почерпнутых им из отчетов Тамбовской комиссии фактов ее деятельности. Он отверг обвинения профессора в безначалии и бесконтрольности ТУАК, бесполезности ее личного состава, в разрушении губернских архивных фондов и беспорядочном содержании исторического архива, прогрессирующем ослаблении деятельности. Признавая справедливость последнего обвинения применительно к периоду 1896-1898 гг., Щеглов указал на объективные сложности, переживавшиеся комиссией в это время, и отметил значительное оживление ее работы в последующие годы. Курбатов предъявил Самоквасову упрек в том, что тот составил поверхностное впечатление о занятиях ГУАК по их кратким годовым отчетам и газетным публикациям, в то время как в интересах объективности должен бы был ознакомиться с ними непосредственно на местах.

Отзывы подобного содержания были подготовлены и другими ГУАК, в частности Оренбургской и Рязанской.³¹⁰ Товарищ председателя Оренбургской комиссии А.В.Попов и правитель дел И.С.Шукминцев указали, что отмеченная Д.Я.Самоквасовым материальная бедность ГУАК является их бедой, а не виной. Упреки же в безначалии они отвергли на том основании, что комиссии ежегодно отчитываются перед Археологичес-

ким институтом. В ответ на обвинения в уничтожении архивных дел авторы отзыва подчеркнули, что за все время своего существования комиссия не уничтожила ни одного документа, оставляя на хранение дела, даже признанные ненужными.

Критика обвинений Д.Я.Самоковасова была продолжена на Тверском областном археологическом съезде, состоявшемся в августе 1903 г. Представитель Воронежской комиссии и член Тамбовской Л.М.Савелов в своем выступлении заявил, что бедность комиссий является не пороком, а поводом к снисхождению, и что «может быть лишь обидно и грустно, что в России находятся миллионы для постройки водочных дворцов, и нет грошей для охранения народного архивного достояния».³¹¹ По поводу упреков Самоковасова в адрес личного состава архивных комиссий (в частности, его выражения о преобладании «элемента провинциальной толпы» над «интеллигентской служебной аристократией»), Савелов выразил общую точку зрения работающего ядра ГУАК, заявив, что научные общества, состоящие из одних только «начальников отдельных частей» будут мертворожденным учреждением. «Сильно сомневаюсь, — не без сарказма отметил ученый, — чтобы архиепископы, губернаторы и другие лица служебной аристократии пожелали и имели время рыться на чердаках и в подвалах. При всем уважении к подобным лицам — я лично считаю их лишь необходимою декорацией, необходимой для придания комиссии веса в глазах общества, а никак не деятельными членами ее, могущими быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу».³¹² Он высказал предположение, что недоверие Самоковасова к ГУАК происходит из его знакомства с их деятельностью, несмотря на почетное членство ученого в ряде из них.³¹³ Доклад Савелова вызвал оживленный обмен мнениями, в ходе которого председатель Нижегородской комиссии А.А.Савельев обвинил Самоковасова в пристрастности, а член Ярославской комиссии профессор И.Я.Гурлянд указал, что ГУАК при всем своем несовершенстве вносят значительный вклад в спасение памятников старины.

В защиту комиссий выступил также известный археограф, член ряда ГУАК В.Н.Сторожев. В статье, написанной по поводу книги Д.Я.Самоковасова,³¹⁴ он отметил, что комиссии не только не уничтожают дела, а, как раз напротив, пытаются спасти то, что еще возможно сохранить. По его мнению, каким бы удручающим ни было материальное и правовое положение ГУАК, они требуют к себе самого бережного отношения, так как представляют собой зародыш исторических обществ, объединяющих передовую провинциальную общественность. Именно в этом Сторожев усмотрел причину «крестового похода» Самоковасова против ГУАК: «Всякое проявление общественной деятельности, — писал он, — выражающееся, между прочим, в коллективной работе ученого общества, г. Самоковасову ненавистно: этим объясняется его неумеренный поход против губернских ученых архивных комиссий».³¹⁵ Отметив, что провинциальным архивистам действительно недостает подчас «глубины ученой мысли и ясного понимания целей и задач современной исторической науки», Сторожев поставил вопрос о том, всегда ли этими качествами могут похвастаться столичные профессора.

Для выяснения позиции научно-исторических обществ и учреждений относительно проекта Д.Я.Самоковасова и роли ГУАК в проведении архивной реформы министерство внутренних дел направило в их адрес соответствующий запрос. В результате выяснилось, что большинство из них (Русское археологическое общество, Русское историческое общество, Общество истории и древностей российских при Московском университете, Общество Нестора-летописца, Историко-филологическое общество Харьковского университета, Общество ревнителей русской истории, Петербургская археографическая комиссия, Академия наук³¹⁶) выступило в пользу упрочения положения ГУАК в условиях реорганизации архивного дела. Одним из немногих научно-исторических обществ, если не единственным, однозначно высказавшимся в поддержку проекта Д.Я.Самоковасова, было Московское археологическое общество. А.Н.Львов в письме Самоковасову от 19 октября 1900 г., когда проект уже начал тормозиться на разных инстанциях, писал: «Петербургские представители археологии в настоящее время только посмеиваются и говорят, мы ведь знали, что ничего из этого не выйдет».³¹⁷ Не имея принципиальных возражений против централизации архивного дела, научная общественность в целом и ГУАК в частности не выразили проекту Самоковасова поддержки. Причины этого уже рассматривались в исторической литературе. По мнению К.А.Мазина, это произошло, во-первых, из-за свойственных либеральной интеллигенции иллюзий по поводу возможности научной постановки архивного дела без учреждения соответствующих государственных органов. Во-вторых, ее оттолкнули промонархические взгляды автора проекта, его отказ от привлечения широких общественных научных сил к разработке архивного материала, в-третьих, имело место неверие в то, что правительство выделит на проведение реформы необходимые средства.³¹⁸ Н.В.Бржостовская полагала, что в отношении Самоковасова с ГУАК давал себя знать личный момент, так как их члены считали себя оскорбленными резкой по форме критикой их деятельности. Кроме того, произошло своего рода психологическое противостояние между представителями ГУАК, питавшимися либеральными идеями 60-х годов, и буржуазным ученым консервативных взглядов, с пренебрежением относившимся к общественной инициативе.³¹⁹ Представляется, что в неприятии ГУАК проекта Самоковасова имел место весь комплекс указанных выше причин. Действительно, резкость высказываний автора реформы в адрес комиссий не могла не вызвать возмущения провинциальных архивистов, бескорыстных подвижников своего дела, не жалевших труда и времени на спасение провинциальных исторических материалов. В результате они же были объявлены главными виновниками разрушения исторических фондов и уничтожения документов. Несправедливость подобного обвинения была очевидна. Заведующий архивом Герольдии Сената В.Е.Рудаков писал в 1901 г. на страницах «Исторического вестника», что заявления Д.Я.Самоковасова направлены на «полное умаление деятельности архивных комиссий и даже унижение ее членов».³²⁰ Их гнев не смягчили даже попытки ученого оправдать резкий тон своей критики намеренным сгущением красок, призванным ускорить реформу архивных комиссий.³²¹

К тому же подобная стилистика была в принципе присуща Самоквасову. «Грубый и деспотичный с подчиненными, — по словам Л.И.Шохина, — Самоквасов и с другими вел себя высокомерно... прямолинейное мышление и дурной характер Самоквасова подчас уводили его в сторону от здравого смысла». ³²² Однако представляется, что не личные мотивы были преобладающими. Более всего сказалось опасение бюрократизации архивного дела, о чем представители ГУАК неоднократно заявляли на самых разных уровнях. Так, на Тверском областном археологическом съезде председатель Пермской комиссии В.С.Малченко выразил мнение многих губернских архивных деятелей, заявив: «Централизация в архивном деле нужна, но зачем непременно бюрократическая? Почему не заняться развитием и объединением трудов архивных комиссий, а непременно создавать чиновников?» ³²³ На его взгляд, следовало не гасить «общественный дух», а всячески поддерживать бескорыстный труд любителей-археографов. Данная деятелями ГУАК оценка проекта Самоквасова отражала их боязнь создания, по словам В.Н.Сторожева, «суровой школы канцелярского произвола, формализма и бюрократической рутины». Отсюда неприятие ими даже рациональных моментов проекта, представившего в их глазах апофеозом «наивной веры во всемогущество бюрократического гения и бюрократической опеки». В то же время следует иметь в виду, что комиссии не являлись противниками централизации архивного дела и проведения реформы в общегосударственном масштабе. В своих ответах на анкеты, разосланные в связи с подготовкой съезда ГУАК в 1914 г., они настаивали на ее необходимости, и в частности, на организации в губернских городах центральных исторических архивов, в которые по истечении определенного срока должны были поступать дела из ведомственных хранилищ. ³²⁴

Своеобразной попыткой компромиссного решения проблемы стал проект учреждения губернских центральных архивов, разработанный в 1899 г. бывшим правителем дел Рязанской комиссии, а к тому времени товарищем председателя Владимирской комиссии, членом Тамбовской комиссии и членом-сотрудником петербургского Археологического института А.В.Селивановым. ³²⁵ Он предложил создать при непосредственном содействии ГУАК местные центральные архивы для хранения дел губернских, уездных и волостных правительственных и общественных учреждений. В них должны были влиться исторические архивы ученых комиссий. Во главе архивов предполагалось поставить особый архивный комитет под председательством губернатора. В его состав должны были войти представители ГУАК (председатель, товарищ председателя, правитель дел и два члена), а также различных правительственных и общественных учреждений (управляющие казенными палатами, государственных имуществ, акцизными сборами, губернские предводители дворянства, городские головы, председатели губернского земского управления, окружного суда, директора народных училищ, представители духовной консистории и университетов). Штат архива должен был состоять из заведующего, старшего и четырех младших архивариусов. В своем проекте Селиванов не касался вопроса о создании центрального органа

по управлению архивами, указав, что «имеет лишь в виду организацию общих губернских архивов», и в особенности проблему «взаимных отношений ученых архивных комиссий к администрации губернских архивов». ³²⁶ Русское археологическое общество охарактеризовало проект Селиванова как попытку примирить позиции Д.Я.Самоквасова и большинства ученых архивных комиссий. ³²⁷

В конечном итоге министерство внутренних дел отказало в реализации проекта архивной реформы. Признав его осуществление наиболее удачным способом переустройства архивного дела, министр внутренних дел В.К.Плеве указал, что «чрезвычайная его сложность и вызываемые им миллионные затраты потребовали бы для его осуществления десятки лет, в продолжение которых в большинстве губерний продолжалось бы прежнее архивное нестроение». ³²⁸ Исходя из того, что губернские комиссии создавались по «Положению» 13 апреля 1884 г. с целью собирания документальных материалов и организации губернских архивов, министерство вынесло заключение, что именно на них и следует возложить дело переустройства архивной отрасли. В 1903 г. министерство внутренних дел приступило к пересмотру положения о ГУАК, преследуя при этом цель организации наиболее благоприятных условий их деятельности. При этом оно учитывало, что до учреждения губернских государственных исторических архивов со специальными штатами, ученым архивным комиссиям придется оставаться единственными в провинции научно-историческими учреждениями, компетентными в вопросах архивного дела. В этой связи предполагалось их преобразование путем присоединения к одному из губернских правительственных учреждений. Однако ГУАК выразили резко отрицательное отношение к этому проекту. Одной из первых свою позицию по данному вопросу определила Тамбовская комиссия. Она предприняла попытку выяснить мнение других комиссий в отношении планируемой реорганизации, с тем чтобы взять на себя миссию координатора ответных мер, вплоть до созыва съезда представителей ученых архивных комиссий. В 1903-1904 гг. ГУАК направила отношения в адрес Рязанской, Воронежской, Курской, Черниговской, Таврической и других комиссий с предложением высказаться по поводу проекта присоединения ГУАК к одному из губернских административных учреждений (предположительно, губернским правлениям). В своем ответе от 15 ноября 1903 г. Черниговская комиссия выступила за необходимость обмена мнениями и принятия соответствующих мер предварительного характера. При этом она нашла, что сам факт существования подобного проекта подрывает и без того неустойчивое положение комиссий. Деятельность Черниговской комиссии жестко контролировалась известным своими консервативными взглядами губернатором А.А.Хвостовым, обвинившим ее в «отступлении от утвержденной программы». На этом основании он запрещал участие некоторых неугодных ему лиц в заседаниях комиссии и требовал представления на его утверждение всех предназначавшихся для обсуждения на собраниях вопросов. Особое негодование у него вызывало присутствие на заседаниях студенческой и учащейся молодежи. В итоге некоторые из передовых деятелей комиссии (М.М.Коцюбинский,

И.Л.Шраг, Б.Б.Полинов) были вынуждены в 1904 г. выйти из ее состава.³²⁹ «Таким образом, — указывалось в отношении Черниговской комиссии, — и до осуществления реформы архивная комиссия очутилась в положении проектируемого полного подчинения губернатору... Ясно, что при таких ограничительных распоряжениях властей, окончательно суживающих деятельность архивных комиссий и останавливающих правильный рост их, как учреждений чисто общественных, живущих преимущественно земской, вообще же общественной копеей, положение архивных комиссий должно быть признано безотрадным».³³⁰ В этой связи она безоговорочно выступила за необходимость организации коллективного противодействия ГУАК данному проекту.

Курская комиссия, обсудив проект на совещании губернатора с представителями местных учреждений, приняла решение о необходимости широкого привлечения общественной инициативы к работам ГУАК, а также предоставления им возможности самостоятельных действий в пределах их компетенции. Осуществление вышеуказанного проекта было признано нежелательным.³³¹ Рязанские историки в своем письме в адрес ТУАК указали на то, что если комиссии будут присоединены к какому-либо административному учреждению, то их работа по изучению памятников старины неминуемо должна будет заглохнуть, в то время как именно эта сторона их деятельности является притягательной силой для любителей истории родного края. Члены Рязанской комиссии особо остановились на том моменте, что при реализации нового проекта неминуемым изменениям подвергнется личный состав комиссий, в результате чего выборные должности председателя, правителя дел, хранителей архива, музея, библиотекарей перестанут быть таковыми. В итоге их место займут не наиболее подготовленные к научным занятиям и движимые любовью к родной старине лица, а несколько не заинтересованные в изучении местных древностей чиновники. «Потеряв связующее звено, — резюмировала Рязанская комиссия, — а в иных случаях и главную направляющую силу, остальные члены отстранятся от участия в делах архивной комиссии, и она будет существовать лишь номинально».³³² В то же время рязанцы считали, что архивные комиссии не должны носить характер «частного общества», им необходимо установить тесные связи с губернской администрацией, без содействия которой ГУАК не смогут выполнять свое предназначение — содействовать «великой просветительной задаче народного самопознания». Запрос тамбовских архивистов об отношении к проекту реорганизации архивных комиссий и о возможности организации съезда представителей ГУАК для выработки общей платформы рассматривался также на заседании Таврической комиссии 17 ноября 1903 г.³³³ В результате предпринятых ГУАК совместных усилий проект их присоединения к одному из губернских учреждений осуществлен не был.

Эффективными формами координации деятельности ГУАК явились совещания и съезды. В числе первых крупных мероприятий подобного рода стало совещание представителей ГУАК в 1908 г., созванное при петербургском Археологическом институте. Оно ставило своей целью раз-

работку окончательного проекта нового положения о комиссиях. В проекте формулировались задачи комиссий (разбор различных категорий архивов — правительственных, сословных, общественных и частных, устройство местных исторических архивов, образование историко-археологических музеев) и определялся их состав, статус, материальное положение (предусматривалось назначение правительственной субсидии в две тысячи рублей). Совещание отвергло предложение о непременном утверждении губернаторами кандидатур в члены ГУАК, что поставило бы их под полный контроль местной администрации, и оставило в их компетенции утверждение должностных лиц комиссии (товарища председателя, правителя дел и других).³³⁴ Представители ТУАК, принципиально уклонявшиеся по указанным выше причинам в революционное и первое послереволюционное время от участия в разного рода собраниях и съездах, на совещании 1908 г. не присутствовали.

В 1914 г. был организован первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий. В его преддверии (1912 г.) Русское историческое общество обратилось к комиссиям с просьбой сообщить о положении архивного дела на местах и о мерах, необходимых для предотвращения гибели документальных источников. Из полученных ответов выяснилось, что комиссии не в силах предпринять решительные действия по спасению письменных памятников из-за отсутствия у большинства из них необходимых средств. Обсудив на годовом собрании 13 марта 1914 г. создавшееся положение, Русское историческое общество приняло решение о созыве съезда представителей ГУАК с целью выработки ряда мер для улучшения постановки архивного дела в провинции и координации деятельности местных архивистов. 20 марта того же года в адрес Тамбовской комиссии пришло предложение о командировке ее представителя на съезд.³³⁵ Им единогласно был избран А.Н.Норцов. К съезду председатель подготовил специальную записку о положении губернских комиссий в целом и Тамбовской в частности,³³⁶ которая была вручена делегатам для ознакомления (см. выше).

ГУАК стремились к установлению взаимодействия не только между собой, но и с центральными научно-историческими и археологическими обществами, встречая в большинстве случаев ответное движение. К примеру, уже в первые годы деятельности ГУАК к ним проявила интерес Археологическая комиссия. 12 июля 1886 г. она направила в петербургский Археологический институт отношение, в котором выразила сочувствие положенной в основу учреждения ГУАК идее объединения местных научных сил.³³⁷ Комиссия предложила свою помощь в создании провинциальных музеев местных древностей и библиотек и попросила сообщать ей сведения о деятельности ГУАК. Подобное же отношение от 2 июля 1886 г. Археологическая комиссия адресовала Тамбовской комиссии. Впоследствии имело место сотрудничество тамбовских архивистов и столичных археологов при проведении ряда археологических исследований на территории Тамбовской губернии.³³⁸

Самую тесную связь ТУАК поддерживала с петербургским Археологическим институтом как своим непосредственным куратором. Члены

комиссии обращались в институт за консультациями по вопросам организации исторического архива и описания его дел, а также в связи с проблемами организационного порядка. На заседании комиссии 13 августа 1889 г. член Археологического института и ТУАК А.Ф.Селиванов высоко оценил деятельность тамбовских историков и отметил, что она хорошо известна сотрудникам института.³³⁹

Из центральных архивохранилищ наиболее прочные и постоянные отношения Тамбовская комиссия установила с сотрудниками Московского архива министерства юстиции и Московского Главного архива министерства иностранных дел.³⁴⁰

Показателем наличия связей ТУАК с другими научно-историческими обществами и учреждениями может служить достаточно отлаженная система обмена изданиями. На частном совещании представителей ГУАК, состоявшемся в ходе проведения VII археологического съезда в 1887 г., было определено, что лучший способ организации связей между научными обществами — это обмен трудами,³⁴¹ и Тамбовская комиссия старалась придерживаться этого принципа (см. выше).

Контакты ТУАК с видными представителями отечественной исторической науки, к сожалению, носили достаточно формальный характер. Тамбовским историкам не удалось достичь таких плодотворных отношений с ними, какие сложились у Рязанской комиссии с П.Н.Милюковым и Д.И.Иловайским, у Екатеринославской с Д.И.Эварницким, у Нижегородской с С.Ф.Платоновым, у Симбирской с Д.А.Корсаковым. Общение между деятелями ТУАК и их столичными коллегами ограничивалось встречами на археологических съездах и обменом корреспонденцией в связи со знаменательными датами. Комиссия также проводила заседания, приуроченные к тем или иным торжественным дням, связанным с жизнью и деятельностью выдающихся отечественных историков. Так, в 1892 г. состоялось экстренное собрание комиссии в ознаменование пятидесятилетия научной деятельности И.Е.Забелина, на котором И.И.Дубасовым была произнесена речь в честь юбиляра. На торжественном заседании Московского археологического общества его секретарь В.К.Трутовский (член ТУАК) зачитал поздравительную телеграмму от тамбовских историков. В своем ответном письме Забелин высоко оценил деятельность комиссии, как учреждения, «которое на том же обширном поприще так неутомимо и достоуважно созидает местное богатство ученой изыскательности и исследовательности».³⁴² Подобный обмен приветствиями имел место также в связи с тридцатилетием профессорской деятельности Д.И.Багаля, двадцатипятилетием профессорской деятельности директора Археологического института Н.В.Покровского (1903 г.), пятидесятилетием научной деятельности Д.И.Иловайского (1910 г.) и др.

Одним из наиболее эффективных способов установления связей с самым широким кругом научных обществ и отдельных представителей отечественной исторической науки являлось участие ГУАК во всероссийских археологических съездах, регулярно проводившихся с 1869 г. В съездах принимали участие как представители центральных научно-ис-

торических обществ и академическо-университетской науки, так и провинциальные научные силы. Губернские ученые архивные комиссии включились в работу съездов с 1887 г., причем с каждым последующим съездом их представительство в составе депутатов заметно увеличивалось. Так, в VII археологическом съезде приняли участие три комиссии, в VIII — семь, в IX — девять, в X — семь, в XIII — одиннадцать, в XIV — тринадцать, в XV — четырнадцать.³⁴³

Тамбовская комиссия приняла участие в шести всероссийских археологических съездах, начиная с VII по XII. На VII археологический съезд, состоявшийся в Ярославле в 1887 г., в качестве делегатов были направлены И.И.Дубасов и преподаватель Александринского института П.А.Верещагин. Председатель ТУАК представил на съезде научные сообщения об Урлаповом городище и местонахождении Кузьминой Гати, а также доклад о значении деятельности губернских ученых архивных комиссий и возможных мерах по ее активизации.³⁴⁴ Своим докладом он предпринял попытку привлечь внимание делегатов съезда к положению ГУАК. «Обращаю Ваше внимание, — заявил Дубасов, — на деятельность наших губернских архивных комиссий, очень юную, очень скромную, следовательно, еще мало популярную. Однако некоторые результаты трехлетнего существования архивных комиссий, отразившиеся преимущественно в описании и освещении разных бытовых дел, налицо, и во имя их я прямо ставлю вопрос о вероятности чрезвычайно научной будущности нашего губернского архивного дела».³⁴⁵ В целях создания условий для более эффективной деятельности комиссий и ее активизации тамбовский историк предложил ряд мер. В их числе увеличение денежных ассигнований (при этом Дубасов отметил, что бюджет ГУАК очень скромный — 300 рублей от министерства юстиции и членские взносы), предоставление права на собственную печать и бесплатную рассылку корреспонденции, желательность издания печатного органа для каждой комиссии, в котором публиковались бы не только протоколы собраний, но и статьи научного характера и архивные источники. Тогда же Дубасов выступил с инициативой организации на съездах специального археографического отделения для постановки и обсуждения вопросов, связанных с развитием архивного дела. Идея тамбовского историка нашла положительный отклик у участников съезда. С заявлениями в поддержку этого начинания выступили правитель дел Рязанской комиссии А.В.Селиванов, профессор Казанского университета Д.А.Корсаков и др. Таким образом, благодаря инициативе председателя ТУАК на последующих археологических съездах обсуждение вопросов, связанных с постановкой архивного дела, проходило в рамках специальной секции. Это позволило архивистам и археографам более концентрированно и плодотворно вести разработку интересующих их вопросов.

Особое значение члены Тамбовской комиссии придавали участию в работе VIII съезда в Москве (1890 г.), приуроченному к двадцатипятилетнему юбилею Московского археологического общества. В связи с юбилейной датой этот съезд готовился особенно тщательно и отличался богатством представленных на его выставках археологических коллекций.

Решением собрания ТУАК от 23 июня 1889 г. было постановлено принять участие в юбилейном съезде как подготовкой научных докладов, так и представлением экспонатов из музея и архива комиссии. Для отбора выставочных предметов и документов была избрана специальная комиссия в составе П.А.Дьяконова, М.Г.Розанова, Р.П.Ситовского.³⁴⁶ Однако на заседании 13 августа 1889 г. члены избранной комиссии, возможно, из-за опасения утраты материалов, заявили, что в фондах отсутствуют памятники, достойные быть выставленными на общероссийском съезде, и предложили ограничиться фотоснимками.³⁴⁷ В результате ТУАК представила на съезд лишь фотографии наиболее интересных местных древностей (памятников архитектуры, церковных, археологических, этнографических, палеонтологических предметов). Описывая свои впечатления о съезде на заседании ТУАК 31 января 1890 г., И.И.Дубасов с сожалением отметил это обстоятельство, так как другие комиссии были представлены на археологической выставке довольно широко.³⁴⁸ В этой связи он выразил надежду на участие тамбовских историков в очередной археологической выставке в Вильно. В ходе съезда Дубасов непосредственно общался со многими видными отечественными историками и архивистами, проявившими интерес к деятельности Тамбовской комиссии — В.О.Ключевским, Д.И.Иловайским, С.М.Шпилевским, Д.А.Корсаковым, Н.В.Покровским, И.Е.Андреевским, А.Ф.Бычковым, Н.Е.Бранденбургом и др.³⁴⁹ Из-за служебной необходимости Дубасов вынужден был уехать до закрытия съезда и не смог лично выступить с подготовленным им докладом. Его реферат о местонахождении легендарной Онузы³⁵⁰ был зачитан А.В.Селивановым.

Тамбовская комиссия приняла участие в подготовке IX археологического съезда (Вильно, 1893 г.). К этому съезду председатель ТУАК подготовил доклад под названием «Справка о сношениях Тамбовского края с Западной Русью и Литвой». На следующий, X археологический съезд (Рига, 1896 г.) И.И.Дубасов не смог поехать из-за болезни. Часть подготовленного им доклада «К бытовой истории Тамбовского края XVII-XVIII вв.» была зачитана на заседании комиссии 9 октября 1896 г.³⁵¹ На XI археологическом съезде в Киеве в 1899 г. делегаты обсуждали вопрос о проведении архивной реформы и реорганизации комиссий. В этой связи на одном из его заседаний Дубасов сделал доклад о значении ГУАК для развития «учено-архивного дела в смысле научном и патриотическом».

В работе XII съезда (Харьков, 1902 г.) принял участие новый председатель ТУАК А.Н.Норцов. Он же вместе с членами ТУАК Н.А.Щегловым и Я.Ф.Джемс-Симонсом был делегирован на XIII археологический съезд, состоявшийся в Екатеринославе в 1905 г. Однако в связи со сложной внутриполитической ситуацией представители Тамбовской комиссии воздержались от участия в научном форуме. Общее собрание членов комиссии вынесло решение не командировать своих членов на съезд из опасения, что «общее беспокойное нервное настроение может отразиться на работах съезда и придать им характер политической партийности».³⁵² Вероятно, это стало причиной самоустранения ТУАК от участия в работе последующих съездов. На приглашение делегировать своих депутатов на планировавшийся в августе 1914 г. XVI съезд (не состоявшийся в связи с

началом мировой войны) ТУАК также ответила отказом из-за намечавшихся в это время торжеств по случаю открытия мощей св. Пителима.³⁵³

Наряду со всероссийскими археологическими съездами в начале XX в. имела место практика созыва областных историко-археологических съездов. Они проводились с целью координации деятельности научно-исторических обществ отдельных регионов России. В организационном плане областные съезды заимствовали опыт всероссийских, во многом следуя их программе и копируя их проблематику применительно к региональной истории. С 1901 г. по 1909 г. состоялось четыре областных съезда в Ярославле, Твери, Владимире и Костроме. Они объединили научные силы ряда губерний центрального региона России, находившихся на территории Ростово-Суздальской земли.³⁵⁴ Раскрывая значение областных съездов в целом и роли ГУАК в их организации в частности, директор петербургского Археологического института Н.В.Покровский писал: «В настоящее время нет нужды доказывать, что изучение областной истории представляет собой первую ступень в процессе научного построения цельной истории, а потому областные съезды, как и сами комиссии, сосредоточивая свое внимание на изучении данной области, идут навстречу назревшей научной потребности».³⁵⁵ Проведение областных съездов не только способствовало координации научной деятельности местных историков, но и имело своим неизбежным следствием возрастание интереса населения провинции к историческому прошлому родного края.

Инициатива созыва первого областного съезда с целью коллективной разработки проблем региональной истории принадлежала профессору Демидовского юридического лицея в Ярославле, позднее профессору Петербургского университета Э.Н.Берендтсу. Непосредственным претворением этой идеи в жизнь занимался непререкаемый попечитель Ярославской комиссии губернатор Б.В.Штюмер. Подняв на заседании Костромской комиссии 8 сентября 1900 г. вопрос о необходимости координации деятельности ГУАК по историко-географическому признаку, он выразил точку зрения многих губернских историков, считавших, что всероссийские археологические съезды в силу объективных причин не в состоянии предоставить необходимые условия для объединения усилий по разработке краевой истории. В полной мере эта задача была под силу лишь областным съездам с участием представителей научных обществ губерний, чьи судьбы исторически связаны.³⁵⁶

Инициатива ярославских исследователей нашла живой отклик у членов Тамбовской комиссии.³⁵⁷ Еще до открытия I областного съезда в Ярославле (август 1901 г.) А.Н.Норцов на собрании комиссии 15 мая 1901 г. выступил с докладом о значении областных археологических съездов для развития краевых исследований. «Объединение наших работ с научными трудами соседних комиссий, — отметил он, — имеющих с нами одно общее историческое прошлое, даст со временем полное самого глубокого интереса разъяснение и совершенно новое освещение местных историко-археологических вопросов».³⁵⁸ По предложению председателя собрания приняло решение об обращении к комиссиям Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской,

Воронежской, Орловской и Курской губерний с призывом организовать съезд ГУАК средней полосы России и приступить к совместному обсуждению его программы. Начинание тамбовчан было воспринято с энтузиазмом и получило повсеместную поддержку. Товарищ председателя Воронежской ученой архивной комиссии Л.М.Савелов в своем выступлении на заседании 2 декабря 1902 г. заявил о том, что «живое единение» людей, занимающихся одним и тем же делом, жизненно необходимо. «Программа деятельности, — подчеркнул он, — выработанная совместно архивными комиссиями, связанными между собой историческим прошлым местностей, в которых они действуют, крайне важна, ибо она может, хотя бы в главных чертах, дать направление работам комиссий, цель которых есть изучение прошлого данной местности».³⁵⁹

Составление макета программы будущего съезда взял на себя А.Н.Норцов. В его основу был положен «Список главнейших вопросов, разработка которых желательна на I Ярославском областном археологическом съезде». Основные положения программы председатель доложил на заседании 12 ноября 1901 г.³⁶⁰ В повестку областного съезда докладчик предложил включить следующие проблемные блоки: геология регионов средней полосы России, результаты археологических и этнографических исследований, история колонизации и распространения христианства на территории данных областей. Норцов предложил исключить вопросы архивного дела из повестки дня как прерогативу всероссийских съездов. Проблему финансирования съезда предполагалось решить с помощью Археологического института, губернских земских собраний и городских дум, а также силами комиссий-участниц будущего научного форума.

В первой половине 1902 г. ГУАК разослала «Проект программы общих работ на областном археологическом съезде»³⁶¹ в адрес вышеуказанных архивных комиссий, Русского и Московского археологических обществ,³⁶² а также отдельных ученых. Комиссия обратилась к ним с просьбой прислать свои соображения относительно места и времени созыва съезда, а также содержания проекта его работ. Вскоре стали приходить пожелания и предложения о корректировке выдвинутого на рассмотрение плана. Так, Саратовская комиссия предложила избрать местом проведения Саратов, как город, находящийся на «естественном водном пути, известном с древности». Однако, обсудив это предложение на собрании 10 февраля 1903 г., члены ГУАК пришли к выводу, что коль скоро инициатива проведения съезда исходит от тамбовчан, то и проводить его следует в их родном городе.³⁶³

Были получены и предложения о корректировке программы съезда. Так, профессор С.Ф.Платонов предложил исключить из повестки дня вопросы, связанные с геологией региона, как выпадающие из общей проблематики работы съезда. Он считал, что съезд должен ограничиться обсуждением этнографических проблем, вопросов истории колонизации региона, результатов его археологического обследования, а также проблем архивного дела.³⁶⁴ Мнение известного ученого обсуждалось на собрании ГУАК 18 декабря 1902 г. В результате тамбовские историки пришли к выводу о нецелесообразности изменения программы в указанном Платоновым направлении.³⁶⁵

Воронежский церковный историко-археологический комитет в свою очередь предложил несколько сузить круг намеченных для обсуждения вопросов «доисторического» прошлого региона и увеличить число проблем, относящихся к эпохе «исторической», т.е. начиная с XVI в. Комитет также высказался против зафиксированного в программе предположения о том, что секта иудействующих в пределах Воронежской губернии представляет собой «исторические остатки» хазар, населявших Придонской край. Воронежские историки указали на то, что секта появилась в губернии относительно недавно и источники, подтверждающие данное предположение, отсутствуют. Помимо вопросов о колонизации и распространении христианства, они предложили вынести на обсуждение такие проблемы, как экономические и социальные отношения различных слоев и история провинциального управления.³⁶⁶

Наибольшие затруднения вызвал вопрос о времени проведения съезда. Первоначально предполагалось созвать его в 1902 г., однако вскоре выяснилась невозможность разрешения всех организационных проблем в столь короткий срок. В этой связи в качестве оптимальной даты были предложены рождественские каникулы 1904-1905 гг. А.Н.Норцов исходил из того, что в зимнее время можно рассчитывать на большее число участников планировавшегося мероприятия, а также на привлечение учащихся старших классов гимназий и училищ. Однако вскоре выяснилось, что назначенная дата устраивает далеко не всех. Так, Рязанская комиссия заявила, что намерена принять участие во Владимирском областном съезде, назначенном на лето 1905 г., и если срок научного форума в Тамбове не будет перенесен, она не сможет прислать своих представителей.³⁶⁷ Воронежский церковный историко-археологический комитет высказал сомнение в целесообразности организации съезда в назначенный срок, полагая, что период его подготовки следует продлить до 1906 г. Ввиду поступивших пожеланий Тамбовская комиссия приняла решение о переносе даты съезда на декабрь 1905 г.

Между тем деятели Тамбовской комиссии вели активную подготовку будущего съезда. На заседании ГУАК 24 марта 1903 г. директор народных училищ губернии И.В.Попов предложил приступить к работе по обобщению проводившихся в губернии исследований по истории края, а также обратиться к учителям с просьбой о сборе мещерского фольклора.³⁶⁸ Члены комиссии распределили между собой круг вопросов, предназначенных для обсуждения. Так, преподаватель Александринского института Я.Ф.Джемс-Симонс должен был составить программу сбора материала по диалектологии, А.Н.Норцов — по археологии, преподаватель духовной семинарии Н.И.Орлов — по церковной археологии, преподаватель духовного училища Ф.С.Соколов — по географии, управляющий канцелярией тамбовского губернатора А.Я.Зейдель — по этнографии. Преподаватель духовной семинарии Н.А.Щеглов обязался организовать работу тамбовских учащихся старших классов по сбору данных о прошлом и настоящем края. По предложению Соколова было принято решение составить хрестоматию по этнографии и статистике Тамбовщины. Кроме того, к началу съезда предполагалось осуществить

следующие виды работ: произвести раскопки, организовать сбор портретов видных деятелей края и принадлежавших им предметов; составить геологическую, археологическую, этнографическую и церковно-историческую карты губернии.

В 1903 г. комиссия сочла целесообразным провести предварительное совещание по организационным вопросам предстоящего съезда. Приглашение участвовать в нем было послано в адрес Владимирской, Саратовской, Нижегородской, Воронежской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Симбирской архивных комиссий, а также Псковского археологического общества и Воронежского, Пензенского и Тульского церковных историко-археологических комитетов. Однако реальный состав участников созданного 11 апреля 1903 г. совещания по обсуждению вопросов организации предстоящего съезда был значительно менее представительным.³⁶⁹ В совещании приняли участие Г.П.Дикий от Воронежской архивной комиссии и комиссии по устройству Воронежского губернского музея, С.Н.Введенский и П.В.Никольский от Воронежского церковного историко-археологического комитета, А.П.Никольский от Тульской епархиальной палаты древностей, А.Ф.Селиванов – Пензенской ученой архивной комиссии, А.Ф.Можаровский – Саратовской комиссии, И.И.Проходцов и В.А.Шефферлинг – Рязанской комиссии. ГУАК представляли председатель А.Н.Норцов и 19 действительных членов. На совещании обсуждались вопросы места и времени организации съезда и его программа. До созыва совещания на роль организатора съезда претендовали два города – Тамбов и Саратов. Однако в ходе совещания представитель Воронежского церковного историко-археологического комитета П.В.Никольский предложил провести съезд в Рязани. Свое предложение он аргументировал тем, что Рязанская губерния географически занимает центральное положение в регионе и концентрирует на своей территории значительное количество археологических памятников. Прошлое Тамбовского края, на его взгляд, не предоставляло равных возможностей для постановки широкого спектра проблем. Мнение П.В.Никольского вызвало решительные возражения со стороны Норцова, указавшего, что северная территория Тамбовского края принадлежит к числу древнейших заселенных областей центра России и представляет интерес с этнографической и археологической точек зрения. Однако решающим в этой дискуссии стало выступление представителей Рязанской комиссии, заявивших об отсутствии у нее материальных возможностей для организации съезда. Рассчитывать на поддержку города, по словам рязанцев, также не приходилось ввиду отсутствия интереса к деятельности комиссии со стороны местного общества и городских властей. Предложение Саратовской комиссии было отклонено из-за окраинного положения города в регионе. В итоге было принято окончательное решение о проведении съезда в Тамбове. При этом учитывалось его центральное местонахождение, а также гарантированное предоставление финансовых средств. Время организации областного съезда назначалось с учетом того, что в августе 1905 г. предстоял созыв очередного всероссийского съезда в Екатеринославе. Участники совещания исходили также из невозможности со-

зыва съезда в Тамбове летом 1904 г. ввиду сложности этапа подготовительных работ. В результате обсуждались две даты – зимние каникулы 1904–1905 гг. или 1905–1906 гг. Некоторые участники совещания, имея в виду территориальную ограниченность работ областного съезда и ссылаясь на пример Ярославского областного и Харьковского всероссийского археологических съездов, полагали возможным закончить подготовку съезда к зиме 1904 г. Другие же считали этот срок слишком ограниченным для решения всех вопросов. В конце концов, исходя из невозможности для будущих делегатов принять участие в один год в областном и всероссийском (в Екатеринославе) съездах, участники совещания решили созвать съезд ГУАК средней полосы России в рождественские каникулы 1904–1905 гг. А.Н.Норцов уведомил собравшихся о том, что тамбовское общество проявило сочувствие к идее созыва научного съезда: городские власти и земства обещали предоставить субсидию в одну тысячу рублей и бесплатное помещение для заседаний. Представители иногородних обществ не смогли определить размеры своих дотаций и обещали уведомить о них позднее. В результате было принято решение возложить заботы об изыскании большей части средств на ГУАК. Остальные участники должны были оказать ей посильную поддержку, приняв на свой счет перевоз экспонатов для выставок и командировочные расходы.

Утвержденная на совещании программа съезда включала в себя десять разделов: геологический и палеонтологический; первобытные древности (каменный век); курганная эпоха (археология и этнография финно-угорских племен); распространение христианства в регионе; история колонизации; церковное строительство в средней полосе России до XVIII в.; живая старина (фольклор и местные особенности быта); церковная и гражданская старина; вопросы архивоведения; библиография. По предложению Я.Ф.Джемс-Симонса программа была дополнена разделом «История правительственных учреждений и администрации». Предполагалось также организовать ряд выставок: геологическую и первобытных древностей, нумизматическую, церковных древностей, кустарно-этнографическую.

Протокол предварительного совещания был разослан в адрес ГУАК и других научных обществ. В июне 1903 г. ГУАК получила отношение Археологического института с предложением выслать программу съезда и список выступающих, с тем чтобы начать соответствующее ходатайство перед министерством народного просвещения. Однако, несмотря на развернувшиеся в полном объеме подготовительные работы, созыв съезда в Тамбове пришлось отложить. Открывшийся в августе 1905 г. всероссийский археологический съезд в Екатеринославе и областной съезд во Владимире (1906 г.) отвлекли внимание ГУАК от идеи Тамбовского съезда. В связи с начавшейся русско-японской войной остро встал вопрос о финансировании. «Тяжелая година России, – констатировал правитель дел в отчете за 1904 г., – делает и для Тамбовской архивной комиссии затруднительным изыскание необходимых для съезда материальных средств. Архивная комиссия теперь, когда каждый лишний рубль на учете и идет на нужды войны, считала для себя нравственно невозможным и крайне

неблаговременным обращение к общественной и частной благотворительности, потому вынуждена отложить, не отклонить, идею областного археологического съезда». ³⁷⁰ Проблема финансирования оставалась открытой и в последующие два года, когда ситуация усугубилась революционными событиями. Для организации съезда требовалась сумма в две тысячи рублей, что выходило за пределы возможностей ТУАК. На заседании комиссии 12 апреля 1906 г. было решено обратиться к лицам и учреждениям, известным «своим сочувственным отношением к просветительским начинаниям в родном крае», а также организовать сбор денег по подписке в губернии, однако успеха эта акция не имела. Призыв к первым результатов не принес, а просьбы, направленные в адрес ГУАК, привели к отказу от участия в съезде Рязанской и Саратовской комиссий. Вскоре поступило сообщение от Воронежской комиссии, заявившей, что из-за недостатка средств она не сможет принять участие в расходах по устройству съезда и организации выставок. Испробовав все пути поиска источников финансирования, ТУАК обратилась в 1907 г. за помощью к Владимирской и Ярославской комиссиям, имевшим опыт организации областных историко-археологических съездов. Однако предоставить реальную помощь они оказались не в состоянии. За долгие шесть лет подготовки Тамбовского областного археологического съезда идея его организации перестала пользоваться популярностью в среде ученых комиссий. Сказалось, вероятно, также известное соперничество организаторов всероссийских и областных археологических съездов. Дело в том, что уже имели место прецеденты, когда первые весьма активно противодействовали последним. Так, в преддверии созыва Тверского областного съезда в октябре 1903 г. девять собиравшихся принять в нем участие архивных комиссий получили отношение председателя предварительного комитета по организации XIII всероссийского археологического съезда, в котором указывалось, что они должны противодействовать назначению будущего областного съезда в один год со всероссийским, так как это может помешать «спокойному занятию делами родной археологии». В противном случае комитет намеревался рассматривать желание ГУАК участвовать в областном съезде, как отклик на «пропаганду, ведомую некими лицами» против всероссийских археологических съездов и Московского археологического общества. Большинство ГУАК категорически отвергли подобные обвинения. Так, Воронежская комиссия направила в адрес председателя предварительного комитета заявление, в котором говорилось о том, что ГУАК стоят в стороне от какой-либо пропаганды и, командирова своих представителей на областной съезд, имеют в виду исключительно научные интересы. В связи с этим инцидентом в прессе развернулась полемика, начало которой положила статья известного антрополога и археолога Д.Н.Анучина под характерным названием «Соперничество в археологии». ³⁷¹

Таким образом, в силу объективных и субъективных причин Тамбовская комиссия не смогла довести до конца организацию областного научного съезда. Справедливость требует заметить, что она была не единственной, кто потерпел неудачу на данном поприще: столь же

безрезультатными оказались усилия ряда других ГУАК — Нижегородской (1912 г.), Таврической (1914 г.), Вятской (1915 г.). Тем не менее предпринимавшиеся в данном направлении попытки свидетельствуют об очевидном стремлении губернских историков и архивистов вести научно-исследовательские разработки в тесном контакте с другими провинциальными и столичными научными силами. Достижение подобного взаимодействия справедливо рассматривалось ими как одно из необходимых условий повышения эффективности своей деятельности. С тем большим сожалением приходится констатировать, что далеко не все из этих попыток оказались плодотворными и увенчались успехом.

Резюмируя сказанное выше, следует подчеркнуть, что учреждение губернских ученых архивных комиссий стало паллиативным вариантом несостоявшейся архивной реформы Н.В.Калачова. ГУАК были призваны выполнить программу архивного строительства на местах. Однако уже на подготовительных этапах разработки их проекта произошел синтез двух идей — учреждение ГУАК как архивных органов и как исследовательских обществ. Отсюда появление термина «ученая» в их названии, призванное указать на научно-исследовательскую направленность создававшихся организаций. Кроме того, они должны были стать школой подготовки кадров провинциальных историков и архивистов и обеспечить налаживание просветительской работы среди местного населения. В результате ГУАК превратились в периферийные научные общества, комплексно решавшие задачи изучения отдельных регионов, организации здесь архивного и музейного дела. В то же время правовое положение комиссий, характеризовавшееся достаточной неопределенностью, не позволило провинциальным историкам в полной степени реализовать поставленные перед ними задачи. Как научно-просветительные общества ГУАК обладали достаточными полномочиями для ведения научно-исследовательской, просветительской и издательской деятельности. Однако работа по спасению документов и научной организации губернских архивов выходила за границы компетенции научно-просветительных обществ и была под силу только правительственным учреждениям. Для этого были необходимы такие права и обязанности, которые заставляли бы начальников и представителей административных учреждений считаться с ГУАК, по словам председателя Таврической комиссии А.И.Маркевича, «не только из любезности или по знакомству, но и по обязанности». Статус полубюджетных-полуправительственных организаций не предоставлял архивным комиссиям подобных возможностей. Не случайно в записке к съезду представителей ГУАК в 1914 г. А.Н.Норцов в числе причин, препятствующих выполнению комиссиями своих задач, назвал отсутствие официального статуса и всецелую финансовую зависимость от доброй воли провинциальных жертвователей. По своему материальному положению Тамбовская комиссия принадлежала к числу не самых благополучных ГУАК. На протяжении всей своей истории она испытывала значительные трудности, связанные как с отсутствием необходимого помещения, так и с нехваткой денежных средств. К 1917 г. доходы ТУАК складывались из следующих основных поступлений: ежегодных пособий от мини-

стерства внутренних дел (200 рублей); пожертвований от губернских и земских органов, а также эпизодических частных пожертвований; незначительных по сумме членских взносов; единовременных пособий в размере двух тысяч, распределяемых по очереди между комиссиями Русским историческим обществом в период с 1914 по 1916 гг. Сходная картина формирования бюджета была характерна и для других комиссий. Их денежные поступления складывались из пособий в 200–300 рублей от губернских земств (в Костромской и Нижегородской губерниях они достигали порой 500 рублей), 20–25 рублей от уездных земств, 100 рублей – от городских управ, единовременных пособий (от дворянства и др.), редких правительственных субсидий, членских взносов и случайных пожертвований. В среднем ежегодный бюджет наиболее обеспеченных комиссий составлял до одной тысячи рублей. В Тамбовской комиссии он колебался от 380 рублей в 1887 г. до 4784 рублей в 1915 г. (за счет двухтысячного пособия от Русского исторического общества). Подобное положение имело своим следствием целый комплекс проблем организационного и исследовательского плана, нерешенность которых ТУАК ощущала вплоть до конца своего существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пгт., 1916. Т.1. С.132-170.
- ² См.: *Львов А.Н.* О печальном положении наших архивов, преимущественно губернских, и о необходимости упорядочения всего архивного дела в России // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.III. С.274.
- ³ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.1. С.156.
- ⁴ Там же. С.114.
- ⁵ Там же. С.171.
- ⁶ *Львов А.Н.* Русское законодательство об архивах // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. Киев, 1902. Т.II. Отд.I. С.5.
- ⁷ *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела. М., 1960. С.252.
- ⁸ *Самокасов Д.Я.* Архивное дело в России: Современное русское архивное нестроение. М., 1902. Кн.1. С.122.
- ⁹ Там же. С.123.
- ¹⁰ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, 6–8 мая 1914 года. СПб., 1914. С.4–5.
- ¹¹ См.: *Зайцев А.Д.* Публикация исторических источников в журнале «Русский архив» // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979. С.156–168; *Шохин Л.И.* К истории журнальных публикаций архивистов во второй половине XIX в. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С.147–156.
- ¹² Выпускник юридического факультета Московского университета Н.В.Калачов в 1846 г. поступил на службу в качестве библиотекаря в Московский Главный архив министерства иностранных дел (МГАМИД) и защитил магистерскую диссертацию на тему «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды». С 1848 г. по 1852 г. он занимал место профессора кафедры истории русского законодательства Московского университета. Преподавательскую деятельность профессор совмещал со службой в Археологической комиссии. В 1852–1854 гг. Н.В.Калачов совершил археографическую экспедицию, в ходе которой обследовал архивы правительственных учреждений, монастырей и усадеб 11 центральных губерний, в том числе и Тамбовской. Выявленные материалы были опубликованы в издании «Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси» (СПб., 1857–1884. Т.1–3). В 1858 г. Н.В.Калачов был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1865 г. получил назначение на должность управляющего одним из крупнейших российских архивов – Московским архивом министерства юстиции (МАМЮ) (См. о Н.В.Калачове: *Смирнов А.В.* Н.В.Калачов (1819–1885) // РС. 1886. № 1. С.256–260; *Андреевский И.Е.* О Н.В.Калачове как юристе-археологе и учредителе Археологического института // ВАИ. 1886. Вып.V. С.3–14; *Львов А.Н.* Воспоминания о Н.В.Калачове как руководи-

теле занятиями Археологического института // Там же. С.25–27; *Востоков А.А.* Литературная деятельность Н.В.Калачова // ИВ. 1887. № 5. С.401–414; *Автократова М.И., Самошенко В.Н.* Н.В.Калачов и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. // СА. 1985. № 5. С.28–31; *Шохин Л.И.* Н.В.Калачов во главе МАМЮ (по неопубликованным документам) // АЕ за 1987 год. М., 1989. С.132–143 и др.).

- ¹³ Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т.I. С.207.
- ¹⁴ *Калачов Н.В.* Архивы // Там же. С.208.
- ¹⁵ Там же. С.211.
- ¹⁶ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пгт., 1917. Т.2. С.385–386.
- ¹⁷ Там же. С.394.
- ¹⁸ *Калачов Н.В.* В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества? // Труды Третьего археологического съезда в Киеве. 1874. Киев, 1878. Т.I. С.XXXIX.
- ¹⁹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.2. С.374.
- ²⁰ *Калачов Н.В.* Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта // Труды Четвертого археологического съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 13 августа 1877. Казань, 1884. Т.I. С.26.
- ²¹ Там же. С.24.
- ²² Там же.
- ²³ Труды Четвертого археологического съезда. Т.I. С.XII.
- ²⁴ ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.9–28.
- ²⁵ Там же. Л.17 об.
- ²⁶ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.1. С.661.
- ²⁷ Там же. С.665–666.
- ²⁸ Там же. С.602.
- ²⁹ *Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.191.
- ³⁰ *Гессен Ю.И.* Из жизни архивных комиссий // Сборник материалов и статей /Ред. журнала «Исторический архив». Пгт., 1921. Вып.1. С.19.
- ³¹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.1. С.602.
- ³² ВАИ. 1885. Вып.I. С.XV.
- ³³ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Т.5. С.84.
- ³⁴ *Мазин К.А.* Проекты архивной реформы в России конца XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С.182.
- ³⁵ *Бондаренко В.К.* Проекты архивных реформ в России 60–70-х годов XIX в.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. С.14.
- ³⁶ *Автократова М.И., Самошенко В.Н.* Лекция С.К.Богоявленского о Н.В.Калачове // АЕ за 1985 г. М., 1987. С.250.
- ³⁷ *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С.133.
- ³⁸ Труды Третьего археологического съезда в Киеве. Т.I. С.XXXIX.
- ³⁹ Журнал «Современник» писал в 1837 г., что Тамбовская публичная библиотека должна стать «примерным делом» для всей России (См.: Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Тамбовская область. М., 1978. С.41).
- ⁴⁰ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.4. Л.20.
- ⁴¹ Там же. Л.5.
- ⁴² Там же. Л.6.
- ⁴³ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.32 а. Л.32.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.9789. Л.117.
- ⁴⁵ *Покровский Н.А.* Об образовательном значении музеев: По поводу открытия музея в городе Тамбове. Тамбов, 1880. С.36.
- ⁴⁶ Цит. по: *Гессен Ю.И.* Указ. соч. С.20.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.4. Л.24.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.32 а. Л.33.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.2. Л.3 об.
- ⁵⁰ Там же. Л.1.
- ⁵¹ ИТУАК. Вып.31. С.1.
- ⁵² ИТУАК. Вып.5. С.2.
- ⁵³ ИТУАК. Вып.57. С.13.
- ⁵⁴ Там же. С.110.
- ⁵⁵ Там же. С.146.
- ⁵⁶ ИТУАК. Вып.26. С.12.

- ⁵⁷ ИТУАК. Вып.48. С.14.
⁵⁸ ИТУАК. Вып.42. С.9.
⁵⁹ ИТУАК. Вып.44. С.35.
⁶⁰ Там же. С.128.
⁶¹ Там же. С.130.
⁶² ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.17. Л.155.
⁶³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.100. Л.1.
⁶⁴ Принятие ТУАК под высочайшее покровительство стало одним из свидетельств интереса, проявлявшегося последним российским императором к состоянию отечественных архивов. Известно, что получив от своей сестры великой княгини Ольги Александровны информацию о печальном положении Воронежского губернского архива (об этом факте она, как местная помещица, узнала от воронежского губернатора), Николай II на годовом собрании членов Русского исторического общества 18 марта 1911 г. заявил о необходимости принятия срочных мер по сохранению провинциальных архивов. 24 апреля 1911 г. общество учредило для этих целей Особую комиссию для приведения в ясность положения местных архивов. В ее обязанности входило обследование состояния местных правительственных архивов и находящихся в них исторических материалов, а также «разработка мер к сохранению тех исторических документов, которые нуждаются в охране» (См.: *Ланпо-Данилевский А.С.* Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов, 1911-1916. Пгт, 1916. С.1; Имп. Русское Историческое общество, 1866-1916. Пгт., 1916. С.137).
⁶⁵ ИТУАК. Вып.51. С.16.
⁶⁶ ИТУАК. Вып.54. С.77.
⁶⁷ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.528. Л.138.
⁶⁸ ИТУАК. Вып.54. С.159.
⁶⁹ *Есиков С.А.* Николай II в Тамбове // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов, 1996. С.56-58.
⁷⁰ ИТУАК. Вып.57. С.17.
⁷¹ ИТУАК. Вып.56. С.72.
⁷² ИТУАК. Вып.52. С.1.
⁷³ *Лантева Л.П.* А.Н.Норцов // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С.251.
⁷⁴ *Шеголев А.А.* Гавриил Николаевич Луженовский. Тамбов, 1907.
⁷⁵ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.48.
⁷⁶ ИТУАК. Вып.53. С.13.
⁷⁷ Там же. С.11.
⁷⁸ См.: *Воейков В.В.* Последние дни императора Александра II и воцарение Александра III (воспоминания отставного ротмистра лейб-гвардии Уланского полка Воейкова) // ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.55.
⁷⁹ ИТУАК. Вып.5. С.9.
⁸⁰ Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1895. Т.П. С.180.
⁸¹ *Готовицкий М.В.* Вопрос об ученых архивных комиссиях на VIII Археологическом съезде // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1890. Т.П, вып.1. С.269.
⁸² ИТУАК. Вып.44. С.17.
⁸³ ИТУАК. Вып.45. С.22.
⁸⁴ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.59. Л.1-5.
⁸⁵ ИТУАК. Вып.31. С.3.
⁸⁶ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.62. Л.1.
⁸⁷ РГИА. Ф.1284. Оп.187. Д.164. Л.6.
⁸⁸ Внешний вид жетонов описывается в «Положении об утверждении жетона Тамбовской ученой архивной комиссии» следующим образом: «Первая степеня — серебряный оксидированный орел типа времен Михаила Федоровича, имеющий на груди тамбовский герб (щит из голубой эмали с изображением на нем серебряного улья и трех серебряных пчел), держащий в лапах золотую ленту с надписью «Тамбовская ученая архивная комиссия» и окруженный золотым овальным венком из лавровых и дубовых листьев; на венке, под орлом помещается под императорской короной вензель государя императора» (ИТУАК. Вып.53. С.29). Жетон второй степени предусматривался по тому же образцу, но из чистого серебра.
⁸⁹ ИТУАК. Вып.54. С.7-15.
⁹⁰ *Гужаловский А.А.* Музеи Белоруссии в дооктябрьский период // Музей и власть. М., 1991. С.53.
⁹¹ ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Д.34. Л.49 об.
⁹² Отчет Воронежской ученой архивной комиссии за 1913 — 1 декабря 1914 г. Воронеж, 1915. С.29.

- ⁹³ Проект правил внутреннего распорядка Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов, 1914.
⁹⁴ ИТУАК. Вып.45. С.19.
⁹⁵ ИТУАК. Вып.56. С.47.
⁹⁶ ИТУАК. Вып.57. С.183.
⁹⁷ *Миронов А.А.* Из жизни археологических учреждений // ИВ. 1908. № 8. С.621.
⁹⁸ Там же. С.667.
⁹⁹ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.35.
¹⁰⁰ Там же. С.54.
¹⁰¹ *Лаишков Ф.Ф.* К вопросу о губернских исторических архивах // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. Т.П. С.209-212.
¹⁰² *Иконников В.С.* Губернские ученые архивные комиссии, 1884-1890. Киев, 1902. С.35.
¹⁰³ *Колосов В.И.* К вопросу о преобразовании архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. Тверь, 1906. С.9-12.
¹⁰⁴ Там же. С. LXXVI-LXXVIII.
¹⁰⁵ РГИА. Ф.733. Оп.145. Д.120. Л.1-3.
¹⁰⁶ ВАИ. 1909. Вып. XVIII. С.39-45.
¹⁰⁷ *Миронов А.А.* Указ. соч. // ИВ. 1909. № 6. С.1027-1036.
¹⁰⁸ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.41.
¹⁰⁹ Там же. С.28.
¹¹⁰ *Норцов А.Н.* Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. // ИТУАК. Вып.57. С.303-312.
¹¹¹ Там же. С.311.
¹¹² ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Д.34. Л.43 об.
¹¹³ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С.261.
¹¹⁴ ГАТО. Ф.108. Оп.14. Д.8. Л.1 а.
¹¹⁵ *Шеголев А.А.* Памяти Ивана Ивановича Дубасова — тамбовского историка и педагога // ИТУАК. Вып.56. С.4.
¹¹⁶ ИТУАК. Вып.57. С.111.
¹¹⁷ *А.Щ-в [Шеголев А.А.]* К характеристике Ивана Ивановича Дубасова // Тамбовский край. 1913. 26 ноября; *Екатерининец.* Памяти И.И.Дубасова // Там же. 20 ноября; ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.8539. Л.17.
¹¹⁸ *Дубасов И.И.* Холерный год в г. Тамбове 1830 г. // РС. 1875. № 12. С.742-747; *он же.* Дмитрий Петров, один из забытых самоучек // РС. 1876. № 1. С.219-220; *он же.* К истории Тамбовской духовной семинарии // ТЕВ. 1876. № 13. С.366-371; *он же.* Тамбовские пожары в 1815 г. // ДНР. 1877. № 2. С.171-173; *он же.* Крестьянские беспорядки в Тамбовской губернии в царствование Павла I // Там же. № 3. С.307-309; *он же.* К истории крепостного права // Там же. № 4. С.399-401; *он же.* Истребление Темниковских лесов в начале XIX в. // Там же. № 10. С.178-183; *он же.* Скопец Будылин // ДНР. 1878. № 7. С.250-251; *он же.* К истории противоцерковных движений в Тамбовской губернии // Там же. № 8. С.311-315; *он же.* Тамбовский губернатор Гамалей и его проект Моршанской железнокопной дороги // Там же. С.344-345; *он же.* Училище битного строения // ДНР. 1879. № 1. С.84; *он же.* Нечто о бывших городничих // ИВ. 1880. № 1. С.218; *он же.* К истории Тамбовских духоборцев // Там же. № 2. С.446-447; *он же.* Два тамбовских деятеля прошлого века // Там же. № 8. С.797-798; *он же.* Из Тамбовских летописей // Там же. № 9. С.120-145; № 10. С.320-330 и др.
 Полный перечень работ И.И.Дубасова см.: *Шеголев А.А.* Материалы для библиографии Тамбовской губернии. Тамбов, 1909. Вып. III. С.16-25; *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С.435-444.
¹¹⁹ *Дубасов И.И.* Религиозно-нравственное состояние католичества в последние три века перед реформацией // ТЕВ. 1871. № 3, 4, 6.
¹²⁰ РГАЛИ. Ф.46. Оп.1. Д.568. Л.83.
¹²¹ *П.Л.В.* Рец. на: Журнал Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, 2 октября 1886 г. Тамбов, 1887 // ИВ. 1887. № 5. С.475.
¹²² ИТУАК. Вып.20. С.2.
¹²³ ИТУАК. Вып.44. С.121.
¹²⁴ ОР РНБ. Ф.874. Оп.1. Д.76. Л.241.
¹²⁵ ИТУАК. Вып.45. С.7.
¹²⁶ Тамбовский край. 1914. 8 января.
¹²⁷ РГАЛИ. Ф.637. Оп.1. Д.79. Л.101.
¹²⁸ Тамбовский край. 1913. 20, 23 ноября; *Правдина.* Памяти И.И.Дубасова // Московские ведомости. 1914. 24 января.
¹²⁹ См. о нем: *Орлова В.Д.* И.И.Дубасов о крестьянских движениях и крестьянских войнах в

Тамбовском крае // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1984. С.4-5; она же. И.И.Дубасов как историк Тамбовского края // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Уварово. 1982. С.7-8; *Чуистова Л.И.* Труды И.И.Дубасова в оценке его современников // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1986. С.9-10; Краевед земли Тамбовской. Тамбов, 1995.

¹³⁰ *Черменский П.Н.* Краеведческая работа в Тамбовской губернии // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1925. Вып.1. С.6.

¹³¹ *Норцов А.Н.* Норцовы – изюмские гусары. Тамбов, 1911. С.9.

¹³² *Норцов А.Н.* Автобиография и библиография. Тамбов, 1907. С.475.

¹³³ Там же. С.479.

¹³⁴ Там же. С.476.

¹³⁵ *Норцов А.Н.* Мистерии древнего мира и значение их символизма // Жизнь (СПб.). 1897. № 12; она же. Символ чаши в христианской иконографии и истории // ИТУАК. Вып.51.

¹³⁶ *Яцимирский А.И.* Рец. на: Норцов А.Н. Символ чаши в христианской иконографии и истории. Тамбов, 1906 // Странник. 1907. № 1. С.171.

¹³⁷ НИОР РГБ. Ф.342. К.30. Д.116. Л.1.

¹³⁸ Адресная книга русских библиофилов. М., 1904. С.77.

¹³⁹ *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов: 1724-1799-1899. По случаю 100-летнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899-1912. Т.1-4.

¹⁴⁰ ИТУАК. Вып.44. С.35.

¹⁴¹ ИТУАК. Вып.48. С.8.

¹⁴² ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.470. Л.1 об.-2.

¹⁴³ Там же. Д.467. Л.6.

¹⁴⁴ Там же. Д.479. Л.14.

¹⁴⁵ Там же. Д.52. Л.209.

¹⁴⁶ *Норцов А.Н.* Автобиография и библиография. С.484.

¹⁴⁷ ИТУАК. Вып.57. С.15.

¹⁴⁸ ИТУАК. Вып.45. С.33.

¹⁴⁹ ИТУАК. Вып.44. С.128.

¹⁵⁰ *Норцов А.Н.* Эволюция мундира и знамени русских войск в XVIII и XIX вв. // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.212-223.

¹⁵¹ *Норцов А.Н.* Путь солнца в процессе мирового движения // ИТУАК. Вып.53.

¹⁵² См.: *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // *Соловьев В.С.* Соч. В 2-х т. М., 1988. Т.2. С.635-762.

¹⁵³ *Норцов А.Н.* Краткий исторический очерк борьбы славян с немцами // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.131-211; она же. Славянин Гус, немец Лютер и последствия реформации // ИТУАК. Вып.58. С.1-104; она же. Германизация западного славянства и территориальные захваты Бранденбургской марки // Там же. С.105-140.

¹⁵⁴ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.103. Л.1 об.

¹⁵⁵ Там же. Д.215. Л.2.

¹⁵⁶ К 25-летию научной деятельности А.Н.Норцова // Тамбовский край. 1914. 5 января; А.Н.Норцов (к 25-летию научно-литературной деятельности) // Там же. 14 января.

¹⁵⁷ РГАЛИ. Ф.442. Оп.1. Д.15. Л.121.

¹⁵⁸ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.6. Л.51 об.

¹⁵⁹ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.8398. Л.8 об.

¹⁶⁰ ГАТО. Ф.1487. Оп.1. Д.9. Л.28.

¹⁶¹ Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. Тамбов, 1878.

¹⁶² *Шеголев А.А.* Об авторе книги «Сборник материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии» // ИТУАК. Вып.53. С.13-14.

¹⁶³ ГАТО. Ф.1487. Оп.4. Д.4 а. Л.119.

¹⁶⁴ *А. Ш-в [Шеголев А.А.]*. Пискарев // ТГВ. 1905. 30 января.

¹⁶⁵ *Черменский П.Н.* Указ. соч. С.5.

¹⁶⁶ ГАТО. Ф.1487. Оп.1. Д.9. Л.29.

¹⁶⁷ *Шеголев А.А.* Дмитрий Михайлович Успенский. Тамбов, 1915. С.5.

¹⁶⁸ ИТУАК. Вып.17. С.4.

¹⁶⁹ Юбилей 25-летия Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1911. С.12.

¹⁷⁰ ИТУАК. Вып.26. С.5.

¹⁷¹ ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.10.

¹⁷² ИТУАК. Вып.13. С.3.

¹⁷³ Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архив-

ной комиссии, 1884-1904 // Губернские ученые архивные комиссии и их значение. Тамбов, 1904. С.9.

¹⁷⁴ Труды второго областного Тверского археологического съезда...С.11.

¹⁷⁵ ИТУАК. Вып.1. С.2.

¹⁷⁶ *Норцов А.Н.* Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. С.312.

¹⁷⁷ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.5840. Л.1.

¹⁷⁸ О П.Н.Черменском см.: *Миус Ю.А.* П.Н.Черменский – историк Тамбовского края // Вопросы исторического краеведения. Тамбов, 1984. С.6-7.

¹⁷⁹ В 1919 г. П.Н.Черменский возглавил организованный им краеведческий музей в Лебедяни, с 1920 г. заведовал Тамбовским губернским музеем и являлся ученым секретарем Общества истории, археологии и этнографии Тамбовского края. С 1925 г. Черменский исполнял обязанности губернского секретаря краеведения и члена Центрального бюро краеведения, являлся профессором педагогического института. В период с 1928 по 1930 гг. работал в Воронеже секретарем бюро по изучению производительных сил. В 1931 г. был репрессирован и в течение восьми лет отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1939 г. Черменский преподавал в педучилище в Лебедяни, затем получил должность директора музея в Курске, в котором пережил оккупацию. С 1948 по 1956 гг. он работал в Лебедянском сельскохозяйственном техникуме, после чего вышел на пенсию и посвятил себя научной работе. Всего П.Н.Черменским было опубликовано 60 научных работ (См.: Липецкий энциклопедический словарь. Липецк, 1994. С.468).

¹⁸⁰ И.Ф.Токмаков проявил значительную активность в содействии деятельности ТУАК. Не получив специального образования, он начал службу в МГАМИД в семнадцатилетнем возрасте. За два десятилетия своей архивной деятельности на основе источников МГАМИД и МАМОЮ он опубликовал 200 подробных описаний церкви, монастырей, отдельных населенных пунктов.

¹⁸¹ ИТУАК. Вып.26. С.5.

¹⁸² *Труворов А.Н.* Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1891-й год // РА. 1893. № 2. С.199.

¹⁸³ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып.1. С.XIX.

¹⁸⁴ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.521. Л.3.

¹⁸⁵ *Андреевский И.Е.* О деятельности ученых архивных комиссий в 1885 г. // ВАИ. 1888. Вып. VII. С.10.

¹⁸⁶ *Довнар-Запольский М.В.* Обзор деятельности ученых губернских комиссий, 1896-1898 гг. М., 1902. С.10.

¹⁸⁷ См.: Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 г. Рязань, 1897. С.34; То же за 1897 г. Рязань, 1898. С.38; То же за 1898 г. Рязань, 1899. С.27; То же за 1899 г. Рязань, 1900. С.26.

¹⁸⁸ *Самокасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн.2. С.173.

¹⁸⁹ Десятилетие Оренбургской ученой архивной комиссии (9 декабря 1887 – 1897). Оренбург, 1898. С.4.

¹⁹⁰ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.62.

¹⁹¹ Там же. С.57.

¹⁹² ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Д.40. Л.142 об.

¹⁹³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.4. Л.36.

¹⁹⁴ Там же. Д.3. Л.3.

¹⁹⁵ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.32 а. Л.33 об.

¹⁹⁶ Вполне оправданным представляется предположение А.Н.Норцова, что в роли жертвования выступил сам Н.В.Калачов, всегда проявлявший по его словам самое «сердечное отношение к местной комиссии» (ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.32 а. Л.30 об.).

¹⁹⁷ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.92. Л.1.

¹⁹⁸ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.4180. Л.18. Дело заключалось в том, что в течение продолжительного времени библиотека из-за отсутствия средств фактически бездействовала. Комитет библиотеки рассчитывал на то, что Тамбовская городская управа в случае передачи библиотечных фондов в ведение города сумеет восстановить деятельность библиотеки в соответствии с ее уставом 1834 г.

¹⁹⁹ ИТУАК. Вып.44. С.30.

²⁰⁰ Там же. С.123.

²⁰¹ Там же. С.21.

²⁰² ИТУАК. Вып.53. С.32.

²⁰³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.3. Л.4 об.

²⁰⁴ ИТУАК. Вып.56. С.55.

²⁰⁵ Там же. С.56.

²⁰⁶ ИТУАК. Вып.57. С.9.

²⁰⁷ ИТУАК. Вып.58. С.93.

²⁰⁸ Там же. С.101.

- ²⁰⁹ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.3. Л.9 об.
²¹⁰ Там же. Д.92. Л.2 об.
²¹¹ ИТУАК. Вып.57. С.190.
²¹² ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.4. Л.64-64 об.
²¹³ Там же. Л.64 об.
²¹⁴ *Ильинский Н.* Отчет об открытии и занятиях Тамбовской ученой архивной комиссии в 1884 г. // ВАИ. 1885. Вып.1. С.95-107.
²¹⁵ ГАТО. Ф.178. Оп.1 Д.1. Л.9.
²¹⁶ ИТУАК. Вып.35. С.25.
²¹⁷ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.139. Л.38.
²¹⁸ РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.534. Л.5-5 об.
²¹⁹ ИТУАК. Вып.4. С.2.
²²⁰ ИТУАК. Вып.17. С.5.
²²¹ ИТУАК. Вып.38. С.5.
²²² *Снежневский В.И.* Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них. М., 1902. С.4-5.
²²³ ИТУАК. Вып.43. С.8.
²²⁴ ИТУАК. Вып.40. С.11.
²²⁵ ИТУАК. Вып.44. С.32.
²²⁶ Там же. С.13.
²²⁷ ИТУАК. Вып.45. С.7.
²²⁸ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.139. Л.40.
²²⁹ ИТУАК. Вып.48. С.14.
²³⁰ *Норцов А.Н.* Губернские ученые архивные комиссии и их значение // ИТУАК. Вып.50, ч.1. С.57.
²³¹ ИТУАК. Вып.53. С.11.
²³² Там же. С.8; ИТУАК. Вып.54. С.17.
²³³ ИТУАК. Вып.53. С.11.
²³⁴ ИТУАК. Вып.54. С.5.
²³⁵ ИТУАК. Вып.53. С.7.
²³⁶ *Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии. С.193.
²³⁷ ИТУАК. Вып.11. С.3.
²³⁸ ИТУАК. Вып.17. С.5.
²³⁹ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.139. Л.38.
²⁴⁰ ИТУАК. Вып.44. С.130.
²⁴¹ ИТУАК. Вып.45. С.16.
²⁴² Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.57.
²⁴³ *Снежневский В.И.* Указ. соч. С.5.
²⁴⁴ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.97.
²⁴⁵ По ходатайству Археологического института В.Н.Никитин был пожалован золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте.
²⁴⁶ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.7. Л.28-29.
²⁴⁷ Там же. Д.15. Л.16.
²⁴⁸ ИТУАК. Вып.32. С.10.
²⁴⁹ ИТУАК. Вып.34. С.2.
²⁵⁰ Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т.П. Отд.1. С.86.
²⁵¹ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.5178. Л.5.
²⁵² Там же. Л.15.
²⁵³ ИТУАК. Вып.48. С.12.
²⁵⁴ К положению архивных комиссий // ИВ. 1908. № 4. С.385.
²⁵⁵ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.1. С.667.
²⁵⁶ Там же. С.674.
²⁵⁷ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.521. Л.2.
²⁵⁸ Годичное общее собрание имп. Русского Исторического общества 12 марта 1915 г. Пгт., 1915. С.26.
²⁵⁹ ИТУАК. Вып.57. С.133.
²⁶⁰ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.47-48.
²⁶¹ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.14. Л.49.
²⁶² Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.74.
²⁶³ *Снежневский В.И.* Указ. соч. С.6.
²⁶⁴ ИТУАК. Вып.35. С.25.
²⁶⁵ Там же.
²⁶⁶ РГАЛИ. Ф.46. Оп.1. Д.585. Л.253.
²⁶⁷ ИТУАК. Вып.35. С.7.

- ²⁶⁸ См.: Издания губернских ученых архивных комиссий, 1884-1923 /Сост. Л.Ф.Писарькова. Нью-Йорк, 1994. Вып.1. С.XVII.
²⁶⁹ *Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии и их издания // П.А.Зайончковский (1904 – 1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С.317.
²⁷⁰ ИТУАК. Вып.42. С.3.
²⁷¹ *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1994. С.170.
²⁷² ИТУАК. Вып.2. С.5.
²⁷³ *Черменский П.Н.* Указ. соч. С.7.
²⁷⁴ ИТУАК. Вып.31. С.3.
²⁷⁵ ИТУАК. Вып.53. С.16.
²⁷⁶ ИТУАК. Вып.56. С.38.
²⁷⁷ ИТУАК. Вып.44. С.2.
²⁷⁸ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.139. Л.39 об.
²⁷⁹ ИТУАК. Вып.54. С.105.
²⁸⁰ ИТУАК. Вып.57, ч.2. С.13
²⁸¹ Краткий исторический очерк возникновения и деятельности состоящей под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством Тамбовской губернской ученой архивной комиссии за тридцать лет, 1884-1914. Тамбов, 1914. С.9.
²⁸² ИТУАК. Вып.57, ч.2. С.62.
²⁸³ *Шегалев А.А.* Краткий систематический каталог библиотеки Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1917.
²⁸⁴ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.98. Л.2.
²⁸⁵ См. о них: *Туманова А.С.* Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX-XX веков. Тамбов, 1999. С.88-92.
²⁸⁶ Отчет о деятельности Тамбовского отдела имп. Русского военно-исторического общества за 1912 г. Тамбов, 1913. С.1-3.
²⁸⁷ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.5178. Л.8 об.
²⁸⁸ ИТУАК. Вып.56. С.75.
²⁸⁹ ИТУАК. Вып.57. С.145.
²⁹⁰ Там же. С.62.
²⁹¹ ИТУАК. Вып.17. С.5.
²⁹² *Андреевский И.Е.* Губернские ученые архивные комиссии в 1886 и 1887 гг. // ВАИ. 1892. Вып. XIII. С.46.
²⁹³ ИТУАК. Вып.4. С.5.
²⁹⁴ До 1708 г. Керенск входил в состав Шацкой провинции, затем отошел к Пензенской губернии, в 1797 г. – вновь был включен в состав Тамбовской губернии, а в 1803 г. – окончательно вошел в состав Пензенской губернии.
²⁹⁵ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.6. Л.13.
²⁹⁶ ИТУАК. Вып.5. С.8.
²⁹⁷ ИТУАК. Вып.7. С.27.
²⁹⁸ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.62. Л.5.
²⁹⁹ Там же. Д.103. Л.78.
³⁰⁰ Там же. Л.15.
³⁰¹ Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т.П. С.84.
³⁰² Там же. С.85.
³⁰³ См.: *Бржостовская Н.В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869-1922 гг.) // АЕ за 1971. М., 1972. С.102; *Маяковский И.Л.* Указ. соч. С.279,281.
³⁰⁴ *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн.1. С.21-49.
³⁰⁵ *Самоквасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902. С.45.
³⁰⁶ *Кедров С.* Настоящее и будущее архивных комиссий: по поводу книги проф. Д.Я.Самоквасова «Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России». М., 1899 // РА. 1900. № 9. С.85-104.
³⁰⁷ Там же. С.92.
³⁰⁸ *Покровский Н.В.* Губернские ученые архивные комиссии // ВАИ. 1909. Вып. XVIII. С.4.
³⁰⁹ *Шеглов Н.А.* О сочинениях проф. Самоквасова: «Архивное дело в России» (кн. 1 и 2) и «Проект архивной реформы» // ИТУАК. Вып.48. С.65-74; *Курбатов А.А.* Записка о сочинениях проф. Самоквасова // Там же. С.74-78.
³¹⁰ Отзыв Рязанской ученой архивной комиссии о книге Д.Я.Самоквасова «Архивное дело в России». Рязань, 1903; Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге профессора Д.Я.Самоквасова «Архивное дело в России». Оренбург, 1902.

- ³¹¹ Савелов Л.М. В защиту губернских ученых архивных комиссий: по поводу книги проф. Самоквасова «Архивное дело в России». М., 1904. С.12.
- ³¹² Там же. С.13
- ³¹³ В 1893 г. Д.Я.Самоквасов был избран почетным членом Тамбовской комиссии. В своем письме в ее адрес он писал: «Получив сообщение Тамбовской ученой архивной комиссии от 29 апреля об избрании меня в почетные члены комиссии, считаю своим долгом выразить мою глубокую признательность за предложение мне этого звания и готовность содействовать целям комиссии» (РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.635. Л.46).
- ³¹⁴ Сторожев В.Н. Отголоски Харьковского археологического съезда // РМ. 1902. № 12. С.118-129.
- ³¹⁵ Там же. С.125.
- ³¹⁶ РА ИИМК РАН. Ф.3. Оп.1. Д.411. Л.43; РГИА. Ф.733. Оп.143. Д.240. Л.140-143,146,159, 173-176,193,204 об.
- ³¹⁷ РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.635. Л.179 об.
- ³¹⁸ Мазин К.А. Указ. соч. С.20.
- ³¹⁹ Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела... С.103.
- ³²⁰ Рудаков В.Е. Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий // ИВ. 1901. № 12. С.1096.
- ³²¹ Труды второго областного Тверского археологического съезда...С.LIV.
- ³²² Шохин Л.И. Н.В.Калачов и Д.Я.Самоквасов как реформаторы архивного дела в России // АЕ за 1992 год. М., 1994. С.186.
- ³²³ Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т.III. С.375-376.
- ³²⁴ К съезду представителей губернских ученых архивных комиссий, устраиваемому имп. Русским историческим обществом 6-8 мая 1914 г. СПб., 1914. С.9.
- ³²⁵ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.53. Л.315.
- ³²⁶ РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.707. Л.35.
- ³²⁷ РА ИИМК РАН. Ф.3. Оп.1. Д.86 а. Л.74.
- ³²⁸ ПФА РАН. Ф.133. Оп.1. Д.908. Л.3 об.
- ³²⁹ Малиневская В.М. Развитие исторического краеведения на Черниговщине в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. С.30.
- ³³⁰ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.52. Л.1 об.
- ³³¹ Там же. Л.3.
- ³³² Там же. Л.4 об.
- ³³³ Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1907. Вып.35. С.63.
- ³³⁴ Съезд представителей губернских архивных комиссий // ИВ. 1908. № 6. С.1137.
- ³³⁵ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.91. Л.1.
- ³³⁶ Норцов А.Н. Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. // ИТУАК. Вып.57. С.303-312.
- ³³⁷ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д.43. Л.7.
- ³³⁸ См. главу IV.
- ³³⁹ ИТУАК. Вып.25. С.2.
- ³⁴⁰ См. главу II.
- ³⁴¹ Известия Таврической губернской ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. Вып.2. С.2-3.
- ³⁴² ИТУАК. Вып.36. С.6.
- ³⁴³ См.: Чесноков В.И., Чесноков И.В. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах // Русская провинция. Воронеж, 1995. С.114.
- ³⁴⁴ Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1892. Т.III. С.106.
- ³⁴⁵ РГАДА. Ф.1628. Оп.1. Д.6. Л.2.
- ³⁴⁶ ИТУАК. Вып.24. С.2.
- ³⁴⁷ ИТУАК. Вып.25. С.3.
- ³⁴⁸ ИТУАК. Вып.27. С.4.
- ³⁴⁹ ИТУАК. Вып.35. С.25.
- ³⁵⁰ Дубасов И.И. Об Онозе на Воронеже // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. Т.III. С.319-320.
- ³⁵¹ ИТУАК. Вып.42. С.18.
- ³⁵² ИТУАК. Вып.52. С.1.
- ³⁵³ ИТУАК. Вып.57. С.127.
- ³⁵⁴ См.: Тельчаров А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып.V. С.415-431.
- ³⁵⁵ Покровский Н.В. Указ. соч. С.36.
- ³⁵⁶ См.: Арельев Н.Ф. Первый областной съезд исследователей истории и древностей в России // ВАИ. 1904. Вып.XIV. С.95.

- ³⁵⁷ В силу различных причин ТУАК не принимала участия в областных съездах. Так, на Тверской съезд в 1904 г. делегированный от комиссии А.Н.Норцов не смог поехать по личным обстоятельствам, Я.Ф.Джемс-Симонс и Н.А.Щеглов – по служебным.
- ³⁵⁸ ИТУАК. Вып.45. С.28.
- ³⁵⁹ Мнение товарища председателя комиссии Л.М.Савелова о созыве областного археологического съезда в г. Тамбове // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып.II. С.XIX.
- ³⁶⁰ Норцов А.Н. Проект программы общих работ на областном археологическом съезде // ИТУАК. Вып.46. С.54-60.
- ³⁶¹ Проект программы общих работ на областном археологическом съезде. Тамбов, 1901.
- ³⁶² ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.267. Л.7.
- ³⁶³ ИТУАК. Вып.48. С.23.
- ³⁶⁴ Там же. С.17.
- ³⁶⁵ Там же. С.29.
- ³⁶⁶ Воронежская старина. Воронеж, 1903. Вып.II. С.316-317.
- ³⁶⁷ Областной археологический съезд в г. Владимире в связи с начавшейся эпидемией холеры и отказом многих делегатов принять в нем участие из-за нестабильности политической ситуации в стране был перенесен на июнь 1906 г.
- ³⁶⁸ ИТУАК. Вып.48. С.30.
- ³⁶⁹ Частное совещание членов Тамбовской ученой архивной комиссии и представителей ученых исторических обществ соседних губерний 11 апреля 1903 г. // ИТУАК. Вып.48. С.31-40.
- ³⁷⁰ ИТУАК. Вып.51. С.4.
- ³⁷¹ См.: Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып.IV. С.XXXV-XXXVI.